

Анатолий Ехалов

За северным ветром

*О земле, о воле и крестьянской доле.
Нескучные беседы с хранителями
русских деревень*

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Е93

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ехалов Анатолий
Е93 За северным ветром : О земле, о воле и крестьянской доле.
Нескучные беседы с хранителями русских деревень /
Анатолий Ехалов. — [б. м.] : Издательские решения, 2017.
— 288 с. — ISBN 978-5-4483-9322-8

Нескучные беседы о земле, о воле и крестьянской доле с Геннадием Горбуновым, человеком, который гармонизирует деревенскую жизнь

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Анатолий Ехалов

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ

*Нескучные беседы о земле, о воле и
крестьянской доле с Геннадием Горбуновым,
человеком, который гармонизирует деревен-
ский мир*

По Увалам на Восток

Более унылой осенней поры я, кажется, не помнил. На стареньком, гроыхающем кузовом грузовичке пересекали мы в конце октября по отрогам Северных Увалов Вологодчину, пробираясь под самую застреху ее на северо-восток в Никольск.

Дорога была пустынна. Лишь изредка пролетал тяжело КамАЗ, груженный дачными срубам для Москвы, и снова тишина. Ни привычных для этой поры хлебных караванов, ни тракторов с трестой, ни машин с товарами для сельской глубинки.

Угрюмые, промокшие до мозга костей, разрушенные наполовину деревушки, в которых и жизни, казалось, уже не теплилось. И тяжелые хлеба по обочинам, не тронутые жаткой хлеба, куда ни кинь взгляд... Не хватало техники, не было горячего, запчастей... Да еще это небо, темным брюхом осевшее на пропитанную холодной влагой землю...

Унылая пора... Что впереди? Бескормица? Бесхлебье? Мор и глад? Конец тысячелетней России, конец бытия...

Но вот на склоне дня мелькнуло видение: на задворках деревеньки старушонка ручной косой

валит овес. И что-то колыхнулось в душе, и я начинаю вслух размышлять том, что уныние — это один из смертных грехов.

Скоро сама дорога отвлекает нас от тягостных дум. Где-то уже в темноте за Рослятиным кончается асфальт (ох, уж эти коммунисты, не успели достроить каких-то двадцать-тридцать километров дороги на восток), и мы погружаемся в жидкое месиво грунтовок. Каким-то чудом машина продолжает двигаться, видимо, сама отыскивая колею, темень сгущается, и становится жутковато. Однако впереди мы обнаруживаем по огням таких же ночных бродяг и через полчаса пристраиваемся в хвост колонне леспромхозовских тягачей.

Под утро, измученные и грязные, мы выбираемся на асфальт и останавливаемся подремать.

...Кажется, прошло всего мгновенье, а уже серый рассвет нехотя растекается из-за лесных увалов. Сыро, промозгло... Надо ехать.

Какая благодать лететь километров этак под восемьдесят, чувствуя под колесами уверенную твердь! Светлеет горизонт, и на сердце светлеет.

Где-то за Подболотьем видим на дороге женщину, глухо закутанную в платок. Она несмело поднимает руку.

Перевозить двоих пассажиров в «газике» не положено, но что поделаешь — наверное не зря поднялась эта женщина в такую рань.

Мы ужимаемся в кабине, и пожилая женщина, стесняясь причиненного неудобства, сырости, которую она принесла в кабину, раскаянно молит простить ее, «непутевую».

— Сегодня в пять утра из дома вышла, вот все иду. Иззябла. Шесть машин прошло — ни одна не посадила.

— А куда идете в такую непогоду? — спросил я.

— На богомолье, милые, иду, да ноги худые стали, не несут меня, грешную. Пятнадцать километров прошла, а еще до Аргунова семнадцать осталось. Не осилить, не успеть.

И она опять принялась извиняться.

— Вы лучше расскажите, кто Вы и зачем вам нужно такие муки принимать? — стали спрашивать мы.

Женщина оправила платок, посветлела лицом.

— Лежала я с одной женщиной в больнице, и рассказала она, что в их краях есть святое место — раньше церковь была, потом ее уничтожили, а люди все равно ходят и молятся. И такой силой чудотворной то место обладает, что многих излечивает от болезней неизлечимых, — она вздохнула, переменилась. — А наш-то Рослятинский край — безбожный, все, что было святого, порушено. Люди про Бога забыли, себя забыли. В грехе-то, прости Господи, как свиньи в грязи. Работать негде, да и невыгодно, не платят ничего.

А тут вот в Рослятино китайцев прислали, аж сто пятьдесят человек. Больницу строить. Китайцы работают, а свои без дела слоняются.

— Нельзя к вам в Рослятино китайцев, — сказал я. — С китайцами никто не может соревноваться. Китаец работает по двадцать часов, спит там, где работает, а еды ему на день — чашки риса хватит. Да и плодятся они, как саранча. Через десять лет ваш край из русского в китайский превратится.

— Ваша правда, — отвечала покорно женщина. Потом встрепенулась. — Наши мужики и так уж между собой говорят: «Будя вилами придется переколоть».

Прости меня, Господи, грешную... Рассказывать тошно. Вот я и решила в Аргуново, на Бор идти, поклониться святым местам да у Бога прощения за всех попросить.

...Вскоре мы подъезжали к Аргунову. Машина взобралась на крутой угор, и взору открылась удивительная панорама. Неожиданно сквозь тяжеленные тучи прорвалось солнце, озарив холмы и долины. От всех деревень проселками, тропками, большим бетонным трактом стекались люди к небольшому холму с кладбищем и сосновым бором на вершине. Весь этот холм был заполнен такими вот старушками да редкими среди них стариками.

Радостно пестрели женские платки, слышно было пение псалмов, в центре толпы священник в праздничном облачении размахивал кадилом.

Мы простились сердечно с попутчицей, и она всем существом своим устремилась туда, где народ возносил молитву своему Творцу.

Я обратил внимание: на соседнем холме в Аргунове стояла большая, хорошо сохранившаяся церковь. Но не было у нее праздничного народа, а на крестах ее хрипло граяли вороны.

Я помнил историю этого места. Когда-то давно здесь стояла священная роща, и росла родовая сосна, которым поклонялись наши предки, не знавшие еще христианства. Потом рядом с ней выросла церковь.

Священники рассказывают, что лет триста

с небольшим назад в местечке Борок Никольского уезда Вологодской губернии в сосновом бору, явилась на дереве икона Рождества Божией Матери. На месте явления её был сооружён храм, который, впоследствии, и был взорван. Но люди стали ходить к священной сосне.

Советская власть всевозможными способами боролась с продолжавшимся почитанием святого места на Борке возле аргуновской деревни Чернцово. В праздник Тихвинской иконы Божией Матери на всех дорогах, ведущих к Борку, патрули задерживали верующих, сажали в машины и отвозили в сельсовет.

На самом Борке, на соснах, устанавливали громкоговорители и включали музыку. Дорожку, по которой, по сложившейся традиции, на коленях богомольцы обходили вокруг разрушенной церкви, обливали мазутом.

Потом спилили сосну, взорвали пень этой гигантской сосны, щепки ее разнесло на десятки метров. Люди разобрали эти щепки и разнесли по домам. Говорят, они сохранили свои чудодейственные свойства до сих пор.

А что же Аргуново и окрестные деревни, как складывалась их судьба?

В советское время в деревне располагалось правление колхоза «Счастливый путь», были построены почта, клуб, столовая, механизированный парк, магазины, новая больница, новая школа, в церкви расположили хлебозавод и склады. В одном из экспроприированных купеческих домов расположили библиотеку, в другом оборудовали маслозавод.

На окраине построен новый маслозавод, асфальтировали дороги.

Но тут грохнул девяносто первый. После развала СССР колхоз расформировали, маслозавод закрыли, колхозные земли запустели, хлебозавод закрыли, народ разъезжается кто куда.

С 1990 года весь Аргуновский край был практически уничтожен, как и большинство наших деревень, и по сей день оставляет жалкое зрелище...

Что же делать? Остается только уповать на помощь чудотворной иконы Божьей Матери. Хотя русская народная пословица говорит: «На Бога надейся, а сам не плошай!»

...Я рассказал своему напарнику эту историю, и мы долго молчали. Потом он философски заметил:

— Гитлер тоже думал, что он за две недели завоюет Россию.

— А Наполеон не предполагал, что закончит жизнь на острове Святой Елены, — подхватил я.

Товарищ прибавил газу. Разрушенная, униженная Россия лежала по сторонам. Но уже не было в душе прежнего уныния. До Никольска оставалось километров сорок. До Кич-Городка — 100, До Шарьи -160, до Великого Устюга — 220.

Амстердам – Кич- Городок

Про Кич-Городок скажу особо. Здесь когда-то делали лучшую в стране краковскую колбасу.

И сегодня городецкая колбаса не хуже прежней, хотя сельское хозяйство вместе с переработкой переживает не лучшие, мягко говоря, времена.

Более того, сам комбинат день ото дня перестраивался и модернизировался. Этот неожиданный подъем мясокомбината связывали с именем его директора, энергичной и предприимчивой женщины Нины Степановны Поповой.

О ее предприимчивости легенды ходят. Например, она умудрилась заключить контракт на поставку в Голландию коровьих шкур, которые наши несчастные крестьяне вынуждены были или сжигать, или в землю закапывать. А вот Голландия на наши шкуры клюнула, причем договор был составлен так, что голландцы опрометчиво обязались взять эти шкуры самовывозом.

И вот там, в стране тюльпанов и намытых шампунями автострад, вызывает глава фирмы тракера,

по нашему дальнобойщика, и ставит перед ним задачу вывезти из России с Северных Увалов ценное сырье.

До Вологды голландский дальнобойщик добрался относительно благополучно. Но когда узнал, что до этого самого Городка еще пятьсот верст, на душе у него стало нехорошо.

И вот едет он сотню километров, вторую... и пейзаж не меняется. Едет третья, четвертую... Одни елки и снег. И никаких тебе супермаркетов, заправочных станций, кемпингов, где можно принять горячую ванну, выпить чашечку кофе... И что самое страшное: ни одной телефонной будки, откуда можно было бы позвонить на родину или вызвать с ближайшей станции ТО помощь. Случись чего!

И, конечно же, случилось. Где-то между Бабушкинским и Никольским районами, там, где начинаются отроги Северных Увалов, где такие спуски, что дух захватывает, понесло голландскую фуру по наледю и все эта огромная махина улетела посреди оцепеневшей от мороза тайги в глубокий кювет.

И вот ночь, мороженые звезды по кулаку, тайга, снег по пояс... И ни встречного, ни попутного транспорта... Надо представить себе весь ужас простодушного голландца, к тому же не знавшего по-русски ни слова.

Это уже отдельная тема, как нашел голландец по огонькам заснеженный скотный двор, как отогревался у водогрейного котла, как вытаскивали его колхозные трактористы из кювета... Наш рассказ не о том.

Какое-то время спустя в Голландию с ответным

визитом была приглашена предприимчивая Нина Степановна. И вот прибывает она в страну тюльпанов и намытых шампунями автострад, и везут ее прямым ходом в центральный офис фирмы, распахивают дверь совета директоров и все, кто там был, дружно встают. И тут подходит к ней глава фирмы обнимает и плачет самым искренним образом.

— Скажите, в чем дело? — тревожно спрашивает Попова. — Может быть, пока я добиралась сюда, сгорел наш комбинат, а может быть в России умер президент?

— Нет, — отвечает глава фирмы. — Я плачу не потому. Я знаю большее. Наш водитель все рассказал. Он сказал, что побывал в аду, а вы там живете да еще и работаете...

Рай на Северных Увалах

Этот голландский предприниматель был недалек от истины. Западные аграрии красят нашу территорию в белый цвет, где не возможно, по их мнению, ведение сельского хозяйства, поскольку здесь отрицательная среднегодовая температура. Да, мы живем в суровых условиях. Нам все дается большим трудом и усилиями. И человеку, приехавшему из Голландии, наши условия могут показаться хуже адских...

Однако на протяжении столетий и тысячелетий наш северный русский крестьянин создал такую культуру, которая опозитивизировала, сделала привлекательным и желанным этот тяжелый труд.

Откройте календарь земледельца и вы увидите, что в нем нет практически ни одного дня, не украшенного каким-либо праздником, обрядом, традицией...

Здесь, я думаю, нужно обратиться к работам знаменитого ученого, искусствоведа Светланы Жарниковой.

«Еще в 19 веке, — пишет она, — отроги Северных Увалов, которые проходят по территории Вологодского, Грязовецкого, Тотемского, Бабушкинского

и Никольского районов, в официальных документах именовали Урало-Алаунской грядой или Шамохинскими и даже Шамаханскими горами.

Обитателей этих мест Клавдий Птолемей, древний географ, живший во втором веке н.э., называл алаунскими скифами, алаунянами».

Вряд ли никольские крестьяне, именовавшие свои водораздельные холмы Алаунскими горами, читали Птолемея. Или были знакомы с историей Северного Кавказа, чтобы поименовать опять же свои холмы Шамаханскими по названию бывшего некогда там Шамаханского княжества.

Мы можем утверждать определённо, что именно северо-восточноевропейские Шемахинские (Шемаханские) горы первичны, а кавказская «Шемаха» — вторична.

Доказательством тому является также широкая распространенность названий такого типа по всей протяженности северо-восточноевропейских возвышенностей.

И поскольку мы неоднократно убеждались в полной правомочности использования санскрита для объяснения географических названий Русского Севера, то используя его, получаем:

«ша» на санскрите — это «вечный покой», «рай», «счастье»;

акс — достигать, наполнять, проникать, глаз;

«шама» — «спокойствие, мир, владение чувствами».

В этом контексте имеет смысл припомнить, что в древнеиндийской традиции утверждалось, что при сотворении мира самыми первыми были созданы

хребты Меру, протянувшиеся по всему северу Земли с запада на восток, а все остальные горы Земли выросли из них.

А так как уже в глубокой индоиранской древности утверждалось, что за этими «изначальными горами» находится «обитель Света» и «место спасения душ», неудивительно и такие названия как:

«Шамокша» от «ша» — «рай, покой» и «мокша» — «спасение, примирение, освобождение души», «Шемокса» — «божественные небо и земля, освобождающие душу».

И нам нельзя отмахиваться от этой точки зрения, сколько бы ни была она для нас неожиданной. Нельзя, потому что это наша родина.

А вот и еще удивительные намеки на величие Алаунских гор — Северных Увалов. Это в соседнем с Никольским Вохомском районе, но уже Костромской области, две соседние деревни носят названия Рай и Иерусалим. А рядом с Никольском будет деревня Ирданово...

В страну Муравию

— Опять в Никольск? — удивлялись друзья. — Так ведь туда даже вороны не летают.

— Зато там такое пиво варят! Такие там грузди! Там настоящая Россия.

Никольск — самая, что ни на есть глубинка, каких немало по всему Русскому Северу. Словно ласточкино гнездо, прилепился район к восточному карнизу обширного вологодского дома, далекий от больших дорог и развитого в сельскохозяйственном и промышленном отношении центра.

Многие годы на восток области — в Никольск да соседний с ним Кичменгский Городок, можно было попасть только весной в паводок по реке Юг. Это грандиозное мероприятие так и называлось: «Операция Юг».

Караваны судов Сухонского речного пароходства, еще льдины плыли по реке, уже везли сюда за восемьсот километров речных излучин технику, удобрения, продовольствие, товары повседневного спроса вплоть до иголок.

В Никольске и Городке поджидали на берегах эти караваны бригады самодельных грузчиков.

За несколько дней тут можно было заработать столько, что за полгода не осилить.

В Никольске шутили: нам бы еще дров колотых да сена в кипах привезли, тогда бы у нас не жизнь, а рай был.

Капитаны сухогрузов спешили: велика была вероятность остаться до следующей весны на югских отмелях.

Руководили операцией первые лица области и сам начальник пароходства, который выезжал на собственном быстроходном катере в Никольск. Это был тяжелый, но радостный труд. Праздник. А раз праздник, то не обходилось и без застолья.

Однажды часть судов осталась летовать и зимовать, дожидаясь следующего весеннего паводка, на реке Юг. По этому поводу пели частушки в адрес

незадачливых руководителей пароходства:

«Трошкин шпарит на гармошке,
Драйцун пляшет гопака.
Посадили флот на Юге
Два веселых чудака...»

Труден был путь для технического прогресса в эти края. Бывшие передовыми в 30—40 годы, когда уровень производства определялся лишь прилежностью рабочих рук и наличием тягловой силы — лошадей, Кич-Городок и Никольск позже растеряли свои позиции по производству молока, мяса, льна. А лен и вовсе исчез с полей в девяностые годы. Более того, был закрыт даже Красавинский льнокомбинат, построенный специально для переработки знаменитых югских длиноволокнистых льнов Кич-Городка и Никольска.

...Листаю ломкие, пожелтевшие страницы районных газет за 1935 год. И встают перед глазами драматические свидетельства прошлых сельскохозяйственных битв.

Вот первый номер года. Заголовочные глаголы в повелительном наклонении, кричащие лозунги, рубленый текст: «Районный съезд Советов считает, что мы с вами недостаточно мобилизовали колхозников на борьбу за высокосортный лен, за четкое выполнение обязательств, что является первой причиной отставания нашего района в выполнении планов льнозаготовок.

Вторая и основная причина состоит в том, что не сумели организовать сдачу и обработку льна, забыли указания нашего любимого вождя товарища Сталина...»

И далее: «...немедленно ликвидировать отставание, в ближайшие дни обработать и сдать лен на склады пролетарского государства. Работать день и ночь, использовать все механизмы, развернуть социалистическое соревнование, повысить производительность труда».

А вот еще маленькая приписка, скромно притулившаяся в конце кричащих лозунгов: «Распределять продтовары (хлеб, муку, сахар, рыбу, масло и т. д.) только по льнотрудодням, не выполнивших нормы отдавать под суд, и, наверняка, победа будет одержана».

Последняя из этих мер и сегодня вызывает чувство легкого испуга. Но жизнь доказала, что угрозы — не метод хозяйствования, административный кнут лишь отторгает человека от земли, а вот принцип распределения по труду мог и должен был стать основой колхозной демократии и главной движущей силой.

Об этом секретаре из Никольска в прежние годы рассказывали легенды. Будто бы, приезжая в Вологду на совещания, он громогласно объявлял: «Революционный Восток прибыл!» Это его революционными стараниями, будто бы, на Борке под Аргуновым и была взорвана церковь и спилена родовая сосна.

Приверженец Хрущевских реформ, он нанес сельскому хозяйству Востока невосполнимый урон. В конце пятидесятых его избрали депутатом Верховного Совета СССР. И вот в благодарность за это, район выступил инициатором сокращения приусадебных участков у колхозников. Идея принадлежала Н. С. Хрущеву. Он считал, что крестьяне слишком

много времени и сил отдают работе на своих огородах, вместо того, чтобы отдать их общественному производству.

Никольчане под давлением партийных органов первые обрезали свои огороды на половину. Общественное производство не выросло, а вот из района начался исход колхозников, которые под любым предлогом старались покинуть деревню. Особенно в кадрах тогда нуждался Крым. Переселенцев брали без паспортов, давали подъемные, жилье. В итоге, я сам был свидетелем: многие крымчане на селе говорят на крутое вологодское «О». А последствия этой акции до сих пор аукаются в обезлюдевших деревнях и селах востока нашей области.

А реформы и приватизация в девяностых, казалось бы, принесли в восточные деревни полную разруху.

И вот я еду на встречу со сказкой. Еду в страну Муравию к потомственному крестьянину Геннадию Александровичу Горбунову, который сумел-таки в этой глуши создать уникальное комплексное сельскохозяйственное предприятие, которое может сегодня дать фору многим сельхозпроизводствам Запада.

Осталось хмель посадить

Говорят, что в 19 веке главной статьёй доходов в Никольском уезде был... хмель. Так, по крайней мере, рассказывали мне старожилы этого отдаленного от центров городка.

Поражаешься былому величию никольских деревень.

Одна по за одной идут они по водораздельным холмам по пятьдесят, сто и более домов.

А какие дома строили наши предки! Двухэтажные, с огромными подворьями. Значит, было на что, значит экономика в восемнадцатом, девятнадцатом веках здесь процветала. Чем же жили наши предки в этой глубинке?

А был ли глубинкой в те поры Никольск? Стоит лишь поглядеть на карту и тут же тебя осеняет мысль: эта территория, лежащая на водораздельных холмах, обладала выгоднейшим географическим положением. Если учесть, что в прежние времена для наших предков дорогами были реки, то с правого склона холмов никольчане со своим товаром за три-

четыре дня попадали в Волгу, а далее в Каспий, а с левого — в Двину и Белое море.

Недаром звались эти места Заволочьем.... На границе Бабушкинского и Никольского района есть болото Мостовицкое. Легенда гласит, что на этом болоте скрыта во мхах ладья с золотом. Казалось бы, откуда в болоте взяться ладье да еще с золотом?

Нет дыма без огня. Это болото еще недавно было озером, из которого вытекали две реки: Вотча, несущая воды в Северодвинский бассейн, и Мостоватка, текущая в Волжский бассейн. Здесь был древний волок, и по нему действительно текли большие деньги, поскольку предки, обитавшие на Увалах, добывали в больших объемах соль, ценившуюся прежде на вес золота.

Но я хотел добавить к этому благополучию подпитку Сибири.

Известно, что в этих краях не было крепостного права. Общины были настолько сильны, что не дали себя закрепить.

И вот мужское населения востока нашей области уже в пятнадцатом-шестнадцатом веках начало торить дороги в Сибирь. Охотничьи ватаги в 30—40 человек уходили за Урал по первому снегу и возвращались к весне, увешанные связками соболиных шкур, которые ценились в России очень высоко. Охотнику в восемнадцатом веке перекупщики платили по 2 рубля за соболя. А в Москве стоимость его могла доходить до 200 рублей. Известно, что казак в Сибири получал 5 рублей за год службы. Понятно, откуда богатство никольских крестьян.

Так, за соболиным хвостом, писал Сергей Марков, исследователь подвигов русских землепроходцев, русский мужик добежал до Тихого океана. А там уже и океан переплыл.

Во второй половине XX века главной статьей дохода никольчан были лен и лес. Ради знаменитых длиноволокнистых льнов был построен в городе Красавине современный льнокомбинат, ныне закрытый. А для вывоза леса и связи никольчан с миром прокладывалась широкая железнодорожная колея от Вохтоги, строительство которой остановилось всего в нескольких километрах от Борка. (Это уже другой Борок — крупный поселок лесозаготовителей в Кеме).

В конце девяностых, начале двухтысячных экономика Никольщины настолько упала, что казалось,

на всех конторах и управлениях, дворах и гаражах впору заколотить крест на крест окна и двери и написать: «все ушли на фронт».

И вдруг долгожданный и между тем неожиданный расцвет. Пока лишь в одном хозяйстве, бывшем колхозе, а ныне закрытом акционерном обществе «Агрофирма имени Павлова». Имени Героя Советского Союза Василия Михайловича Павлова.

Невероятно, но надои здесь свыше восьми тысяч литров, почти в четыре-пять раз выше, чем это было в восьмидесятых, еще благополучных.

Ежедневные надои за 20 тонн молока, свой маслозавод, свой хлебозавод, свое зерно, свое мясо, свои магазины, кафе, свой банк, свои пасеки, свой лес, свои рыбоводческое и охотничье хозяйства, оздоровительный центр, базы отдыха, газета... Не достает пока льна и хмеля...

А качество молочных продуктов таково, что европейские ценители готовы закупать все, что здесь производится.

Однако, генеральный директор «Агрофирмы имени Павлова» Г. А. Горбунов твердо убежден, что прежде всего нужно наполнить свой рынок.

Выходит, и наш собственный крестьянин может в условиях среднегодовой отрицательной температуры не только конкурировать, но и превосходить западное сельское хозяйство. И верно, каждое хозяйство, существующее или уже загубленное, способно воскреснуть, как птица феникс и стать желанной «Страной Муравией», о которой мечтало столько поколений русских крестьян.

Говорят, люди делятся на созидателей и разруши-

телей. И, рассказывая о Никольском районе, нельзя не вспомнить тех, кто отдавал не жалея силы на развитие его.

Эпоха папы Толи

...Хмурым сентябрьским утром на полупустынный перрон вологодского вокзала ступил из вагона скорого московского поезда высокий плечистый мужчина средних лет. Его встречали. Несколько человек в начальственных шляпах шагнули на встречу. Один из них, протягивая руку, представился:

— Милов — первый секретарь Вологодского обкома партии. Пока еще первый!

— Дрыгин! — отвечал на рукопожатие приезжий. — Бывший второй секретарь Ленинградского обкома партии.

Эта встреча на утреннем перроне была для Вологодчины, можно сказать, поворотной. Человек, вступивший на вологодскую землю, задержится на ней на двадцать пять лет и круто повернет ее судьбу. Хотя у этой встречи была своя предыстория.

17 сентября 1961 года в Кремле шло рядовое заседание Политбюро, на котором слушали кандидатов на различные государственные и партийные посты. На трибуне с докладом о подъеме сельского хозяйства Ленинградской области, все еще не оправившейся от оккупации, выступал второй секретарь

Ленинградского обкома КПСС Дрыгин, которого рекомендовали на должность председателя Ленинградского облисполкома. Хрущев слушал в пол уха, перелистывая газету «Советская Россия». Но вот его внимание привлекла статья «Вологодское разнотравье», где корреспондент резко критиковал сельское хозяйство Вологодчины, которое по надоям, урожайности, поголовью скота опустилось ниже довоенного уровня.

Статья была хлесткая, и Хрущев не на шутку рассердился.

— Надо менять в Вологде первого! — повернулся он к своим помощникам.

— Никита Сергеевич! Еще и года не прошло, как сменили. Рано ожидать результатов.

Но Хрущева понесло. Действительно, недавно избранный первым секретарем Вологодского обкома Милов был специалистом в лесной промышленности, сельского хозяйства не знал и за год руководства областью не сумел, да и не мог решить проблемы, копившиеся десятилетиями.

— Менять! — отрубил Хрущев.

— Так ведь и заменить некем!

— А вот вам первый секретарь для Вологодчины, — и Хрущев указал на возвышающуюся утесом над трибуной фигуру Дрыгина.

Возникла тягучая пауза. И только ничего не подозревающий Дрыгин продолжал излагать план переустройства сельского хозяйства Ленинградской области.

По волокам

...После первых морозов и снегопадов по установившимся зимникам отправляла Вологодчина своих посланцев для знакомства с новым руководителем области.

Что представляла тогда область? Отрезанные от мира ужасным бездорожьём восточные районы: Никольск, Кич-Городок, Великий Устюг, куда только в весенний паводок можно было забросить жизненно необходимые грузы судами; запад с Вашками, Белозерском и Вытегрой при практически полном отсутствии дорог; север с Верховажьем и Тарногой, куда ни пассажирского, ни товарного...

От Никольска до Вологды 450 километров. При

нынешних дорогах пять-шесть часов езды. А сорок лет назад... Сорок лет назад на заседание партхозактива в Вологду снаряжались, как на Северный полюс. Гусеничный трактор, тракторные дровни, на которых сооружался деревянный фургон с печкой для обогрева и приготовления пищи, с окнами и спальными местами на соломе. Для сопровождения делегации выделялся второй трактор, который тащил горючее для первого. Трактористы одевали ватные штаны, валенки с калошами, шубные рукавицы, разжигали в холодных, продуваемых морозными ветрами кабинах примусы для тепла. И в путь...

Такой обоз добирался до Вологды едва ли не неделю. Кроме партийных и хозяйственных руководителей, ехали в фургоне и простые люди: кто в больницу на операцию, кто по делам в город, кто на свадьбу с непременно гармошкой. Народу набивалось, что сельдей в бочку...

И сколько таких районных сел и городков отправляли тогда в Вологду на партийно-хозяйственный актив своих посланцев, чтобы те воочию увидели нового хозяина области. А новый хозяин уже с первых шагов своих на Вологодчине вызвал столько противоречивых толков и пересудов...

Известно было, что новый секретарь характер имеет прямой, жесткий, прошел войну, причем начал ее командиром взвода, а закончил командиром полка. Кто-то рассказывал, что самолично читал в газете заметку про то, как младший лейтенант Дрыгин в рукопашном бою один уничтожил девять фашистов, и что лучше его не доводить до кипения...

Трещат трактора посереде заиндевевшей мороз-

ной Вологодчины, медленно пробираясь заснеженными полями и лесами мимо тихо дремлющих, убаюканных метелями деревень, освещенных пока лишь керосиновыми лампами, мимо убогих скотных дворов, крытых соломой, мимо обезглавленных церквушек, превращенных в тракторные мастерские...

Потрескивают дрова в печурке, пофыркивает чайник, гармошка выводит незатейливый перебор... Сколько было в этих кибитках за неделю пути рассказано анекдотов, историй и баек, сколько было выпито водки и спето песен. Вот где формировался народный эпос и фольклор... Вот где рождались легенды и предания двадцатого века... Дорого бы я сегодня дал, чтобы вот так проехать в тракторных санях от, скажем, Никольска до Вологды и обратно.

Так кто же был кукурузником?

...Летом 1962 года Хрущев возвращался правительственным поездом из Архангельска в Москву. Было условлено, что в Вологде поезд сделает остановку, и Никита Сергеевич встретится с первыми лицами области.

Поезд приходил в шесть утра, и на холодном перроне за час до него выстроились пионеры с барабанами и горнами, руководители города и области. Шел мелкий холодный дождь. И вообще лето шестьдесят второго было чрезвычайно холодным. И, види-

мо поэтому, кукуруза на полях никак не хотела расти. Хоть ты ее за уши тащи! А Москва требовала едва ли не ежедневных победных реляций с кукурузных фронтов...

Накануне приезда Хрущева Дрыгин, возвращаясь с загородной дачи, заехал на учебно-опытные поля Молочного института. Было пять часов утра. На кукурузном поле споро работали трактора, запахивая «царицу полей», которая к августу едва ли поднялась сантиметров на пятьдесят. На краю поля стоял молодой кучерявый агроном и с явным удовлетворением наблюдал за работой тракторов.

Шофер Дрыгина подошел к нему:

— С Вами хочет говорить первый секретарь!

Молодой агроном ничуть не смутился и смело шагнул навстречу нахмуренному секретарю.

— Вы что это делаете? — грозно спросил Дрыгин.

— Запахиваем кукурузу под озимые! — отвечал агроном. — Не выросла, как ни бились, как ни ухаживали, ни подкармливали. Жалко трудов. Не по нашему теплу эта культура!

Дрыгин нахмурился еще больше, прошелся вдоль поля, сорвал несколько стеблей.

— Эти-то вот получше будут, — показал молодому агроному.

— Тут у нас навозная куча была, земля на метр пропиталась жижей, да и то — какая это кукуруза! Слезы горькие.

Дрыгин ничего не ответил, сел в машину и укатил в город. ...Много позднее он расскажет молодому агроному Виктору Ардабьеву, ставшему к тому времени первым секретарем Никольского райкома пар-

тии, продолжение этой истории с кукурузой.

Правительственный поезд пришел без опозданий. На перрон вышли охранники, пионеры вскинули к небу горны, готовясь к встрече высокого гостя, начальство приосанилось, но Хрущев так и не появился. Ждали пять минут, десять... Хрущева не было. Над перроном повисло тягостное молчание. Тогда Дрыгин обратился к охранникам.

— Никита Сергеевич отдыхает, -отвечали те. — Он не выйдет.

— Но как же так? Его ждут! — возмутился Дрыгин.

— Повторяем. Он не выйдет.

— Тогда я пойду сам! Доложите!

Он раздвинул охрану и шагнул в вагон, уже набравший ход. Столь решительные действия Дрыгина возымели результат. Один из охранников скрылся в купе, и минуту спустя из него вышел заспанный Хрущев в полосатой пижаме, поигрывая подтяжками.

— Чего тебе Толя? Чего шумишь? — спросил он миролюбиво Дрыгина. — Медали и ордена я все в Архангельске раздал, деньги там же пропил. Нет у меня ничего.

В коридоре уже собирались помощники и сопровождающие Хрущева лица, с интересом наблюдавшие за этой сценой.

— Да я ничего и не прошу.

— Так чего же ты хочешь?

— Я должен со всей ответственностью заявить, — сказал, напрягаясь как перед атакой, Дрыгин, — что кукуруза у нас не растет и вряд ли будет расти. Холодно у нас для нее. Холодно.

— А вы что, еще и кукурузу у себя садите? — вдруг прищурился хитро Хрущев.

— Да как же, согласно партийному курсу, — отвечал простодушно Дрыгин. — Повсеместно!

— Нет, вы видели таких дураков, — захохотал вдруг Хрущев. — Они на Севере сажат кукурузу и еще жалуются, что она не растет. Вы бы ее еще на Полюсе посадили!

Дрыгин вышел из поезда в Грязовце и в тот же день распорядился запахать кукурузу повсеместно под озимые. Надо сказать, что озимая рожь тогда выросла на диво. А из Москвы все шли и шли распоряжения отдавать под кукурузу лучшие земли. Не работа, а хождение по минному полю.

По минным полям

...А Дрыгин хаживал и по настоящим минным полям. Вместе со второй ударной армией Власова под Мясным Бором Дрыгин попал в окружение. Он командовал тогда взводом. Немцы били по ним со всех калибров, с земли и с воздуха. И вдруг среди этого крошечного ада наступило затишье. Прибежал вестовой с приказом явиться в штаб то ли полка, то ли дивизии. В лесу под соснами сидели за столом понурые офицеры.

— Принято решение, — объявил старший, — о сдаче армии в плен. Приказ обсуждению не подлежит.

Офицеры еще ниже опустили головы.

И тут Дрыгин взорвался: — Да вы что, такая мать! Охренели! Он выдал, казалось, все матюги, которые встречались ему в жизни и ударил кулаком по столу: — Лично я сдаваться не собираюсь!

Повисла напряженная тишина. Дрыгин повернулся и пошел прочь по направлению к линии фронта.

— Я ждал, что вот-вот раздастся выстрел в затылок, и все на этом будет кончено. Пять шагов. Десять. Нет выстрела. Двадцать...

И тут к Дрыгину стали примыкать разрозненные бойцы. Выстрел так и не прозвучал... И они ушли. Их, не согласных сдаваться в плен, становилось все больше и больше. Сто, двести, пятьсот... Дрыгин принял командование на себя, сформировал взводы и роты, назначил командиров...

К Волхову их подошло уже более тысячи человек. Было тихо. Казалось, что фашистов нет и в помине. Только кружила над рекой немецкая рама-разведчик... С вечера стали готовить плавучие средства, а на рассвете в тумане начали переправу. И тут на них обрушился шквал огня... Из тысячи человек в живых осталось около семидесяти. Но эти семьдесят упорно шли к своим. И вышли...

Два месяца Дрыгина допрашивала контрразведка, шла проверка по всем каналам... Через два месяца ему вернули погоны и отправили на передовую...

«Кадры решают все»

Эта сталинская формулировка была для Дрыгина ключевой на протяжении всей вологодской командировки. Один из бывших партработников стал свидетелем телефонного разговора Анатолия Семеновича с молодым секретарем из Кириллова. Было это в начале шестидесятых.

— Все хоть там тебя слушаются? — спрашивал он, видимо, уже имея какую-то информацию с места.

— Да есть тут один председатель колхоза неуправляемый. Не слушается. Спорит и возражает до тошноты.

— Так вот! — зарокотало в трубке. — Если он плохо работает, собери бюро и сними с работы. За неделю сними. Но если он хорошо работает, то собери бюро, собери актив и поезжайте все к нему учиться. И учитесь, да спасибо говорите за учебу.

...Сидим у костра в лесу под Тотьмой с лесником Павлом Шаровым. Случайная встреча. Напились чаю. И почему-то разговор коснулся Дрыгина. И вот это случайный встречный такую историю выдает:

— После окончания Молочного института меня назначили директором Тотемского маслозавода, — мой собеседник угли прутиком мешает в кострище. — Маслобойки размещались в обычных крестьянских избах. Тем не менее, масло получали высокого качества. Но как вывезти его? Район огромный, дорог нет. И тут из Великого Устюга проездом побывал у нас начальник областного управления молочной промышленности Иван Петрович Толмачев.

Поглядел он на наше хозяйство, пожал мне руку и заявил при всем коллективе, что из первой же пришедшей в область партии вездеходов Зил-157, одну машину он направит к нам в Тотьму.

Мы обрадовались, ждем. Но вот приходит разрядка, а Тотьмы там нет. Я звоню Ивану Петровичу:

— Может ошибка какая закралась?

— Нет, никакой ошибки! Вам дадим машину в следующей партии.

А когда эта партия будет, Бог ее знает... А у нас продукция тоннами пропадает...

Я парень настырный был. Обидно стало. Лечу самолетом в Вологду — и к Толмачеву. Он меня из кабинета выгнал: «Не будет вам машины». Вышел я на улицу: куда идти, кому жаловаться? А перед глазами вывеска: «Обком партии». И решился я на обман. Захожу в вестибюль и... к милиционеру. Вот, говорю, прибыл на прием, вчера из райкома позвонили, говорят — должен быть у первого секретаря обкома в одиннадцать. Вот моя командировка, вот паспорт. Милиционера прошел, попал в приемную, ту же историю излагаю.

— Да нет, — говорят, — Вас в списке приглашенных.

Я скандалить начинаю, чтобы погромче было.

— Что вы думаете, — напираяю, — я сам, что ли, это выдумал? Что мне, делать больше нечего?

— Доложите, — кричу, — первому секретарю. В общем, добился я приема. Кабинет большой, столы буквой «Т». Выходит мне навстречу огромный мужчина, глазами меня сверлит.

— Что это Вы, молодой человек, меня добиваете-

тесь, скандалите в приемной, хотя никто Вас не приглашал?

Я ему все, как есть, выложил. Простите, говорю, за обман, но этот вопрос только Вы можете решить...

— Да, — покачал он головой. — Вот есть у нас еще такие областные руководители. Ездят, обещают, руки жмут, а потом ничего не делают! Сколько, -спрашивает, -тебе, сынок, лет?

— Двадцать четыре...

— И уже директор? А что? Правильно! Вот таких молодых, энергичных и нужно на руководящие должности ставить! Тут он снимает трубку:

— Товарищ Толмачев! — голос, что из бочки гудит. — Слушайте меня внимательно. Из приходящей партии вездеходов две машины направьте в Тотьму. Не одну, а две! Тот, слышу, начинает что-то бляеть.

— Вы меня поняли! Я проверю. Все!

Обернулся ко мне: — Вот тебе мой номер телефона. Если опять обманут, звони мне!...

Звонить ему не пришлось. Уже тогда Дрыгина никто не смел послушаться. Действительно, правил он круто. Рассказывают, однажды в кабинете первого секретаря Вашкинского райкома партии раздался ранним утром звонок из обкома. Первый секретарь был в отпуске, и на его месте находился второй.

— Как там у тебя с заготовкой кормов?

— Анатолий Семенович? Одну минуту, только возьму сводку.

— Не надо! Вы уже не секретарь!

По мнению Дрыгина, секретарь райкома настолько обязан владеть обстановкой, что подними его

ночью с кровати, он должен без запинки ответить — какие в районе надои, сколько заготовлено сена, силоса, сенажа...

Своего преемника Валентина Александровича Купцова Дрыгин заметил еще в 60-годах. Простой сельский парень из деревни Миндюкино после армии трудился грузчиком на металлургическом комбинате. Из Воркуты приходили вагоны с углем, смерзшимся дорогой в монолит. И нужно было отбойным молотком вновь вырубать его. Работа — тяжелей не придумаешь. У Валентина отец, деревенский портной, ставший со временем председателем колхоза, незадолго до своей смерти увидев, как раздевается сын, заплакал. Все тело его было сплошным синяком от отбойного молотка. Но тут же отец и признался:

— За тебя, Валька, я не боюсь. Ты любую дорогу осилишь.

В 1974 году, когда Купцов работал уже вторым секретарем Череповецкого горкома партии, его присмотрели для работы в аппарате ЦК. Присмотрели-то, видимо, задолго до этого. Еще вовремя чехословацкого кризиса. Купцов был в то время в Чехословакии в качестве посланца череповецких металлургов. Тогда братские страны любили делиться опытом. И, стало быть, он сумел в этой критической ситуации достойно проявить себя...

И вот приглашение на работу в ЦК. Но в Москву Купцову не хотелось. Здесь, на Вологодчине, жизнь кипела ключом: строились и расширялись металлургический комбинат, аммофос, азотно-туковый, подшипниковый, оптико-механический заводы...

В деревнях росли птицефабрики и животноводческие комплексы, прокладывались дороги в самые глухие углы...

Не любил Дрыгин отпускать на сторону кадры. Даже в Москву. Он воспитывал у своего окружения чувство особого вологодского патриотизма. Вот и для Купцова Вологодчина оказалась выше карьерных интересов. Перед отъездом в Москву Купцов зашел к Дрыгину.

— Чего не веселый? — спросил Дрыгин.

— Не хочу я в Москву.

— Верю, — поддержал Дрыгин. — Чего там в кабинетах штаны протирать? А у нас вон какие стройки развернуты. И в городе, и в селе. Работать надо. Ты, парень, вот чего сделай. Когда у тебя уже не будет аргументов отказываться, ты скажи просто, что не хочешь работать в ЦК. Так и скажи! А мы тебя здесь в обиду не дадим.

И вот полуторачасовой разговор в Москве с Долгих и Ястребовым. Решены вопросы по квартире, зарплате, определен круг задач... И вдруг это, ошарашившее больших партийных боссов, признание:

— Я не хочу работать в аппарате ЦК!

Несколько минут в кабинете стояла зловещая тишина. Наконец, Долгих с металлом в голосе проговорил:

— Нам не нужны люди, которые не хотят работать в аппарате ЦК!

Купцов рассказывал, что его после этой встречи, наверное, час бил озноб... Но явных последствий этого возмутительного с партийной позиции поведения

в отношении Купцова не последовало. Видимо, Дрыгин сумел там в Москве снять напряжение... Да и перед коллегами своими, а с Ястребовым они были большими друзьями, мог погордиться: «Вот, мол, у меня какие верные и надежные ребята работают!»

Пройдет много лет, и выходец из вологодской деревни Миндюкино Валентин Купцов не страшась, встанет на защиту коммунистической партии в Конституционном суде. И сумеет отстоять ее.

...Рассказывают, что Брежнева он, Дрыгин, Леней называл. Вполне вероятно, что между ними были такие вот товарищеские отношения. Но и то верно, что шапки Анатолий Семенович ни перед кем не ломал, ни перед кем не преклонялся, а упорно гнул свою линию.

Его считали руководителем жестким, авторитарным. Однажды во время заседания бюро обкома один из чиновников воспротивился назначению на ответственную и тяжелую должность. Дрыгин среагировал мгновенно:

— Есть предложение исключить этого товарища из партии, снять с работы и впредь никаких должностей ему не предлагать.

Проголосовали единогласно. Кто мог воспротивиться воле Дрыгина? Но обиженный чиновник не смог сдержаться.

— Я жаловаться буду! -воскликнул он.

— Жалуйся, — равнодушно уже отвечал Дрыгин. И добавил насмешливо: — Фиделю Кастро...

— Да, он был жестким руководителем, — подтверждает Валентин Александрович Купцов, — но справедливым. И он сумел подобрать по всей области

такие кадры и в партийных, и советских органах, которые работали творчески, вдохновенно или по крайней мере ответственно, что позволило уже к середине семидесятых годов вывести область из отстающих в передовые...

Один из руководителей районного партийного звена вспоминает, как поехали они группой на южный курорт в пансионат ЦК КПСС. Понятное дело, расслабились. По паре раз в ресторан ходили, вино, шашлыки... Деньги улетучились быстро.

— И тут приходит перевод на сто рублей, — рассказывал он. — Я даже испугался. Откуда? Может, взятка какая? Штамп смазанный, неясный...

А потом, несколько месяцев спустя, Дрыгин подходит на пленуме: — Ну, получили переводы-то? Это я вам на папиросы послал, что бы вы у жен денег не просили...

И чувство юмора было свойственно Анатолию Семеновичу.

Никольский таракан

Однажды в одном восточном районе он целый день ездил по животноводческим фермам. И чем больше он ездил, тем мрачней становился. Фермы полуразвалившиеся, навозом заросшие, скот истощен до предела. Какое тут молоко! Районное начальство ни живо, ни мертво молча ходило сзади на приличном расстоянии от секретаря... Наконец,

под вечер Дрыгин согласился пообедать. В районной столовой подали ему наваристого борща. Но рядом никто есть не осмелился. Да Дрыгин и не приглашал, что означало его крайнюю степень недовольства.

— Ну, может, поест, так подобреет, — не теряли еще надежды районные начальники.

Зачерпнул Дрыгин ложкой борща, а в ложке... А в ложке... Надо представить себе реакцию районного начальства... О ужас! В ложке огромный, распластаный таракан... Ложка замерла на полпути, Дрыгин набычился, в столовой воцарилась нехорошая тишина... А Дрыгин вытащил таракана из ложки и положил его рядом. Из-за спин вытолкнули бледного заведующего столовой.

— Мы сейчас, Анатолий Семенович! Мы заменим... — залепетал тот.

— Не надо, — остановил его Дрыгин. — Еще какого лешего мне туда положите!

И выхлебал борщ без остатка.

Вечером, когда самолет скрылся в облаках, начальство облегченно вздохнуло: «Похоже, пронесло!» А спустя месяц на партхозактиве Дрыгин отложил в сторону доклад и обратился в зал: — Был тут недавно на востоке. До чего довели скот, что на ногах не стоит, к балкам пожарными рукавами привязывают! Но зато таких тараканов научились откармливать...

Год за три

Когда начинаешь раздумывать о лидерах нашей сельскохозяйственной деятельности, то в предках их обязательно сыщется крепкий крестьянский корень. И думаешь о неистребимости этого корня. Есть такая поговорка: «они закапывали нас в землю, а оказалось, что мы семена...»

Виктор Ардабьев родился в селе Уварово Тамбовской области за два года до начала войны. Деревня утопала в садах, а черноземы родили пшеницу, равной которой в мире не было. У деда было приличное хозяйство: четыре лошади, две мельницы. Однажды к нему пришли сыновья.

Отец Виктора в селе был уважаемым человеком — директор школы. А дядя работал председателем сельсовета.

— Отец, — сказали они. — Пришла разнарядка. Ты первый по списку на раскулачивание. Отдай мельницы и коней в колхоз, иначе вышлют...

Дед не спал всю ночь. Жалко было трудов. Наутро пришел в сельсовет с заявлением в колхоз.

Когда началась война, отца оставили в тылу по брони. Но уже через три месяца он ушел добровольцем на фронт. Враг был уже под Москвой. Мать в то время была беременна пятым. Все, что оставил нам отец, уходя на фронт, — три буханки круглого хлеба. Через три месяца он погиб: пропал без вести. Мать не верила в его гибель, но вынуждена была променять его кожаное пальто на мешок картошки.

Уже после войны они ездили на места боев, иска-

ли хоть какой-то след. Мать ждала: вдруг придет, вдруг постучит в дверь...

Его друг и сослуживец не раз говорил матери:

— Он может придти к тебе только с кладбища, я сам видел в воронке его ноги и сапоги...

Наверное, самым тяжелым и критическим для области временем было лето 1978 года. С весны зарядили дожди и шли с таким упорством, что в души людей начала закрадываться тревога. Эта тревога поселилась и в душе первого секретаря Никольского райкома партии Виктора Ардабьева. Он начал осаждать телефонными звонками председателя облпотребсоюза Сазонова:

— Завезите в район муку как можно раньше!

А потребности в муке были не малые. За год Никольск съедал ее 10 тысяч тонн. Но облпотребсоюз не спешил. Ардабьев звонил снова и снова. Наконец, не выдержав, заявил, что если население района останется без хлеба, то в первую голову отвечать за это придется Сазонову.

Надо сказать, что Сазонов был лучшим другом Анатолия Семеновича. И во всех его поездках по области Сазонов сопровождал Дрыгина. Но угрозы Ардабьева, похоже, возымели действие — облпотребсоюз муку завез в полном объеме, прежде чем пали дороги.

Самые худшие предчувствия оправдались. На область обрушилось стихийное бедствие: все лето и осень шли бесконечные дожди. В области было объявлено чрезвычайное положение. На поля можно было выйти только с косой в бродовых сапогах. Комбайны тонули тут же, будь они на резиновом и даже

на гусеничном ходу, воинские подразделения выделили для связи с населенными пунктами бронетранспортеры, но и те с великим трудом пробивались по дорогам, превратившимся в сплошные грязевые болота. Все мосты через речки были или снесены или разбиты тяжелой техникой. Молоко с ферм в районы приходилось доставлять вертолетами... Если бы не мука, доставленная во время по деревням, то был бы самый настоящий голод...

Дрыгин каждую уборочную страду облетал или объезжал область. Ездили к утопающим в воде полям, летали к отрезанным от мира бездорожьем деревням. Смотрели строящиеся новые скотные дворы, мастерские, жилье...

Прилетел и в Никольск. Утром, садясь в машину, отдал приказание: «Едем в «Павлова» на фермы!» То есть, в пригородный колхоз имени Павлова. Ардабьев, зная, что Дрыгин на одно ухо глуховат, решительным шепотом поменял маршрут: «Едем в «Искра Ленина!»

Дрыгин сурово молчал, осматривая новые фермы в колхозе. Вечером перед ужином пошли мыть руки. Ардабьев протянул Дрыгину полотенце. Тот вытер руки и бросил ему скомканное полотенце, наливаясь гневом:

— Секретарь! Ты почему нарушил мой приказ? Что ты скрываешь в Павлова?

— Анатолий Семенович! Там полная разруха. Там старые фермы на пятьдесят голов, там и я-то протискаюсь с трудом, а вам там и вовсе не пролезть...

— А ты куда смотришь?

— Анатолий Семенович! Я здесь без году неделя.

Но две новые, по 200 голов, фермы в имени Павлова уже под крышу подведены.

— Так чего молчал? Поужинаем потом. Поехали...

Новые фермы во многом решали проблемы размещения скота в колхозе имени Павлова. А в колхозе было тогда около шестисот коров. Довольный Дрыгин ужинать сел уже около полуночи.

Прошло четыре года. В очередной приезд Ардабьев вывез Дрыгина на пятикилометровый отрезок дороги на Вологду, построенный партизанскими методами. Шофера называли этот участок «три минуты радости». Дальше шли ямы, ухабы на четыреста в лишнем километров... Надо сказать, что строительство дороги на Никольск чиновники год за годом вычеркивали из титульных списков на финансирование. Не хватало денег. Считалось, что перспективнее вести строительство дороги на Великий Устюг через Нюксеницу. Но в этом случае Бабушкино, Никольск, Кич-Городок оставались отрезанные от мира.

Поэтому никольчане и решились положить начало дороге без всяких на то разрешений. Теперь все зависело от благосклонности Дрыгина. И вот Анатолий Семенович вышел на первый никольский асфальт среди полного бездорожья и долго молчал, что-то обдумывая.

— Почему такая широкая? — спросил, наконец.

— Так, Анатолий Семенович, дорога эта республиканского значения. Уже нельзя!

Дрыгин, ничего не сказав, сел в машину. Это означало, что дороге быть. Что денег для нее он найдет. Если не в Вологде, то в Москве.

...Беспрестанно буксовали в ямах и колдобинах. УАЗик по кабину был залеплен грязью.

— Сколько ты уже тут? — спросил Дрыгин Ардабьева.

— Пятнадцать лет, Анатолий Семенович!

— Ну? -удивился Дрыгин. — Вроде недавно и направляли? — Так у нас здесь, на востоке, в условиях бездорожья год за три считается!

Дрыгин захохотал так, что пришлось останавливать машину. Он вышел, и долго еще его большое могучее тело сотрясалось от хохота: — Вот дают! У нас на фронте год за два шел, а у них — год за три!

Да, многое переменится в сельском хозяйстве Вологодчины. Будут строиться быстрыми темпами внутрихозяйственные дороги, и мелиорация придет на поля, сделав их доступными в самую непогоду, и новые технологии в заготовке сена, сенажа, силоса дадут возможность, невзирая на дожди, обеспечивать скотину полноценными кормами...

...В тот приезд в Никольск вечером было совещание с руководителями близ лежащих районов. Потом было небогатое застолье, в котором языки подражались.

Неожиданно Сазонов поднялся за столом и стал рассказывать, что и его заслуги в борьбе со стихией немалые. Что он вовремя завез в район десять тысяч тонн муки. Тут прорвало Ардабьева:

— Да чем Вы похваляетесь! Я месяц у вас выбивал эту муку. И я не знаю, чем бы все кончилось, не прояви мы такой настойчивости!

Сазонов растерянно замолчал. Ардабьева всю уже дергали за полы товарищи, шептали в страхе:

«Остановись, на кого бочки катишь? Это же лучший друг Дрыгина!». И тут в тишине раздался голос Анатолия Семеновича:

— А ты, Сазонов, ему больше муки не давай!

Разошлись тихо. Дрыгин с Сазоновым ночевали в райкоме. Ардабьев всю ночь не спал, переживал за свою резкость. Видел, что и в комнате у Дрыгина почти не гас огонь. Чуть свет пришел в райком и застал у себя в приемной плачущего Сазонова. Поверженный вид немолодого всеильного чиновника потряс Ардабьева. Он бросился к нему, пытаясь хоть чем-то поддержать, но Сазонов остановил его:

— Оставь, Виктор, я сам виноват. Мы не спали почти всю ночь. Он вломил мне под первое число!

Утром они улетали в Вологду. Дрыгин был хмур и неразговорчив. Сели в самолет. Настроение у провожающих тоже было не на высоте. Самолет уже выруливал на взлетную полосу, как вдруг остановился. Откинулся трап и... на поле вышел Дрыгин. Он подошел к Ардабьеву и крепко пожал руку:

— Держись, секретарь! Держись!

Дрыгин улетел. Но Ардабьеву казалось, что вместе с самолетом в небо взмыла и его душа.

Не бахваль!

...Однажды Дрыгин пригласил на катер во время отдыха на Сухоне местного председателя колхоза, начальника управления сельского хозяйства и перво-

го секретаря. Увидев у гостей в руках бутылки с коньяком, велел спрятать: «Сегодня вы у меня в гостях...»

Выпили по одной, похлебали ухи, заговорили о сенокосе. Выпили по второй, — к уборке перешли. После третьей на животноводство переключились... Хорошо на реке, тихо. За лесом закат догорает, в приречных кустах птицы поют. Сидят мужики рядом с самим Дрыгиным, коньяк пьют и, можно сказать, на равных беседуют. И тут местного первого, видимо, от восторга души, стало заносить... «Я, говорит, в районе то-то и то сделал, это и вон это поднял...». Да раза три так вот себя приподнял.

На третий раз Дрыгин не сдержался, кулаком в стол бухнул:

— Это чего ты тут разбахвалился! В районе без году неделя, а уже «я да я»... Чужую славу под себя гребешь. Это вот они, — показал Дрыгин на присмиривших председателя с начальником управления, — они что-то для района и сделали. А ты! Пошел вон отсюда!

И выгнал с катера секретаря. А председатель колхоза впоследствии Героем Социалистического Труда станет. ... Все отмечали в Дрыгине исключительную память. Какое бы застолье ни было, сколько бы ни выпито было, старались контролировать, что бы не сболтнуть при «папе Толе» лишнего. Вот, скажем, занесет какого-нибудь партийного или хозяйственного деятеля за рюмкой, да и брякнет он хмельной, что на следующий год урожай в двадцать центнеров по району соберет. Все. Дрыгин эту информацию уже из головы не выпустит и через год за двадцать цент-

неров обязательно спросит. Однажды перед началом уборки Дрыгин заехал в Тарногский район, где побывал на полях и самолично определил будущий урожай. В августе на каком-то совещании выступал начальник управления сельского хозяйства из Тарноги Александр Кузнецов. Дрыгин остановил его вопросом:

— А скажите, на таком-то вот поле какова урожайность? Кузнецов ответил.

— Потеряли центнер, — нахмурился Дрыгин. — Опоздали с уборкой. А вот на этом? — и он назвал конкретное поле в одном из колхозов Тарноги. Кузнецов снова ответил.

— А здесь сходится, — удовлетворенно сказал Дрыгин. — Молодцы. А вот это овсяное поле сколько дало?

— Это поле, Анатолий Семенович, еще не убирают. Но центнеров тридцать будет.

Потом Кузнецова коллеги донимали:

— Ты что, на самом деле помнишь урожайность на каждом поле в районе? Ведь полей-то сотни!

— Да я то что? У меня район. А вот он-то как это все в голове держит? Ведь у него — область!

По всем направлениям

Но область была не только аграрной, но и промышленной. Черная металлургия это вам не приготовление торфо-навозных компостов!

Вряд ли Анатолий Семенович в таком же совершенстве знал технологию выплавки чугуна и стали...

Рассказывают, что однажды в Череповце он таким образом разрешил затянувшийся конфликт между металлургами и строителями металлургических мощностей. Он запер конфликтующих начальников в пустом кабинете и сказал, что они будут тут сидеть до тех пор, пока не найдут устраивавшее обе стороны решение. Через три часа «узники» позвонили и попросились на волю. Конфликт был успешно преодолен.

Надо сказать, что Дрыгин благоволил и писателям. Ведь именно при нем Вологодская писательская организация стала лучшей в стране. В Вологде успешно работали Василий Белов, Виктор Астафьев, Сергей Викулов, Ольга Фокина, Николай Рубцов...

Хотя в отношениях с писателями не все было безоблачно. Александр Яшин, живший в ту пору в Москве и ежегодно приезжавший на родину в Никольск, опубликовал очерк «Вологодская свадьба», который показался чиновникам обидным и оскорбительным. Обиделся ли Дрыгин? Скорее, к этому подталкивали московские чиновники.

Против Яшина началась кампания в газетах, еще более усугубившая конфликт. Ведь по сути дела в очерке Яшина, если читать его сегодняшними глазами, ничего обидного и крамольного нет. Описан быт никольской деревни таким, каким он и был в ту пору. С бездорожьем, отсталостью, пьянством...

И Яшин, и Дрыгин желали никольской деревне добра. Только один пытался помочь ей словом, другой — делом. Теперь, по прошествии лет, ясно, что

Дрыгина вряд ли можно упрекнуть в том, что он что-то недоработал, что-то недооценил, в чем-то надеялся ошибок. Вся его жизнь была безраздельно отдана созидательному труду. И сделал он чрезвычайно много. Так случилось, что Дрыгин намного пережил Яшина. Но при жизни поэта они так и не выяснили отношений в личной встрече.

А вскоре после смерти Яшина Бобришный Угор и его могила стали местом паломничества любителей поэзии и маститых литераторов, приехавших сюда со всей России. Дрыгин поддержал проведение ежегодных яшинских чтений в Никольске и ходатайствовал перед издательством об издании трехтомника сочинений Яшина, в котором, кстати, есть и «Вологодская свадьба». Откройте, если не читали ее. Есть над чем поразмыслить...

Депутат Никольщины

...В Москве авторитет его был чрезвычайно высок. Дрыгин был бессменным членом Центрального Комитета КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. В депутаты баллотировался по самому дальнему и проблемному Никольскому округу. В последний раз уже стареющий Дрыгин приехал в Никольск, чтобы отчитаться о проделанной депутатской работе. Зал был полон. Дрыгин называл с трибуны цифры капиталовложений, надоев, привесов, урожайности, и зал заворожено, словно чудесную музыку, слушал

эту сухую статистику. Когда Дрыгин закончил доклад, то люди в едином порыве встали и долго аплодировали. Он сел за стол, и мало кто видел, как этот огромный суровый человек пытался украдкой смахнуть слезы, пролившиеся из его глаз...

...Совсем недавно я встречался за чашкой чая с воспитанниками и последователями Анатолия Семеновича Дрыгина, без сомнения талантливыми руководителями вологодского села Михаилом Федоровичем Сычевым и Леонидом Николаевичем Володиным.

Михаил Федорович многие годы работал рядом с Дрыгиным, был заведующим сельскохозяйственным отделом обкома КПСС, вторым секретарем по селу. В своих воспоминаниях о Дрыгин он написал следующее: «Анатолий Семенович относился к тому типу людей, в буквальном смысле страдающих любовью к Отечеству, но не приукрашивающих его прошлое и не питающих иллюзий относительно его настоящего, он был постоянно устремлен к достижению лучшего будущего. Его деятельность в этом плане была не только многогранной, но и весьма продуктивной».

— В первую очередь мы стремились развивать экономическую самостоятельность, как ключевую, основополагающую проблему сельского хозяйства, — рассказывал Михаил Федорович. — В деревне нам оставили тяжелое наследие командно-административной системы, как результат коллективизации, индустриализации страны за счет деревни, военного положения.... До 1953 года колхозам и совхозам не только диктовали, что и когда сеять и убирать, но и устанавливали минимальные закупочные цены на сельхозпродукцию. Колхозники же, как известно, вообще не получали за свою работу наличных денег. С ними рассчитывались трудовыми. И только после Сталина в сельском хозяйстве стали внедряться некоторые экономические рычаги.

Если говорить о совершенствовании работы аграрной отрасли, то здесь Анатолий Семенович видел пять приоритетных направлений. Во-первых, максимальное использование экономических рычагов и стимулов для повышения производительности

труда. Во-вторых, активное внедрение научных разработок и технологий, передового опыта. В-третьих, непрерывный рост вложений в материальную базу сельского хозяйства, в механизацию, электрификацию, мелиорацию. В-четвертых, массовое строительство на селе. И в-пятых, переход на промышленное ведение сельского хозяйства. Что же касается птицефабрик, то все ныне действующие — в Шексне, Малечкине, Грибкове, Ермакове — были действительно построены в бытность Дрыгина.

Стоит отметить, что развитие промышленного птицеводства и свиноводства на Вологодчине дало толчок и комбикормовой индустрии. Шекснинский комбинат хлебопродуктов — и поныне один из крупнейших на Северо-Западе, стали строить опять-таки при Дрыгине.

В конце 60-х годов производство сельскохозяйственной продукции действительно резко пошло в гору. И когда в 1968 году в стране было принято решение о значительном повышении заработной платы многим категориям трудящихся, запасы продовольствия стали таять. И уже в начале 70-х в области стали возникать некоторые перебои с отдельными видами товаров. Тем не менее, производство мяса, молока, яиц продолжало неуклонно расти. Быстро увеличивалось и среднедушевое потребление основных продуктов (по многим показателям оно превосходит нынешний уровень!). Но значительную часть своей сельскохозяйственной продукции область была вынуждена направлять в Москву, Ленинград, Мурманск, Архангельск и другие северные регионы.

...Трудовой путь Леонида Николаевича начался в 1959 году в племсовхозе «Красный Север» Великоустюгского района. Там он вырос от зоотехника фермы до директора. В 1963 году переведен в областное управление сельского хозяйства, где прошел путь от начальника планово-экономического отдела до первого заместителя начальника управления. С 1968 по 1975 год работал директором треста «Свинопром». В 1975 избран и по 1988 работал заместителем, первым заместителем председателя облисполкома, а с 1988 по 1990 год — председателем облисполкома.

Леонид Николаевич включился в наш разговор:

— Под началом Дрыгина развернулась работа по специализации и концентрации производства, переводу животноводства на промышленную основу. Сначала наше птицеводство вышло в число лидеров. Потом за 7 лет построили крупные свинофабрики. Отрасль нормально заработала, и Вологодчина попала в первую четверку свиноводческих областей. Была разработана специализация всех районов, и каждый руководитель хозяйства точно знал: когда и что у него будет строиться.

Буквально в считанные годы мы создали систему семеноводства, построили семенные станции, организовали семеноводческие совхозы. Одновременно занялись повышением плодородия земель. При каждом крупном животноводческом комплексе, при каждой птицефабрике были построены площадки компостирования. Добились огромных объемов заготовки торфа. Не забывали и о минеральных удобрениях, которые вносили согласно анализу почв.

Это была стройная система по всей области, по каждому району и хозяйству. Урожаи росли. А появилось в достатке корма — пошло в гору животноводство.

К 1985 году потребление мяса на Вологодчине было доведено до 66 килограммов в год в среднем на каждого жителя. Все близлежащие области больше 50 килограммов не имели. По потреблению мяса, молока мы были в первой тройке по России, по яйцу — на втором месте. При этом очень много продукции мы поставляли в союзный и республиканский фонд: молока, например, отправляли ровно половину.

Я как-то был на совещании в союзном Госплане и услышал там фразу, которая меня развеселила: союзный фонд, мол, формируют Россия, Белоруссия и Вологодская область. Вот это и был результат огромной работы, которая проводилась командой Дрыгина. А вот обстановка с сельскими кадрами массовых профессий была очень тяжелой. Люди убегали из деревни. И только после 1975 года с внедрением новых технологий, облегчавших работу на селе, парни и девушки начали оставаться дома. Основная ставка делалась на создание хороших социальных условий, чтобы закрепить там людей, которые еще оставались. И даже в отдаленных хозяйствах начинали строить жилье, дома культуры, школы, детские сады. Активно развивал свою базу облпотребсоюз, велось строительство торгово-культурных центров, райпищекомбинатов. В каждом районе создавались ПМК «Межколхоздорстроя», которые были оснащены одним-двумя асфальтовыми заводами.

Дрыгин, думая о будущем, поставил перед аграрниками задачу: довести производство молока до 1 миллиона тонн, мяса — до 120—130 тысяч тонн в год. Он понимал, что в союзный фонд область все равно вынуждена будет поставлять продукты, и чтобы на месте их оставалось больше, нужно было увеличить производство. И мы шаг за шагом шли к тому, чтобы обеспечить область всем необходимым в полном достатке, в том числе — свежими овощами. К этому можно добавить еще некоторые цифры и факты, которые сегодня могут показаться фантастическими: в области была создана мощная материально-техническая база строителей, мелиораторов, дорожников, позволяющая ежегодно вводить в эксплуатацию до 850 тысяч квадратных метров жилья, причем, только на селе до 350 тысяч; до 7—8 тысяч ученических мест в школах, до 1000 коек в больничных учреждениях, до 4000 мест клубов и домов культуры, до 14 тысяч гектаров мелиоративных и 40 тысяч культурно-технических земель, более 1000 километров автодорог с твердым покрытием.

Уйдя в отставку, он уехал с семьей в Москву. Но злая болезнь скоро привела его на больничную койку. Михаил Федорович Сычев, секретарь по селу Вологодского обкома КПСС, ученик Дрыгина посетил своего начальника незадолго до смерти.

От Дрыгина осталась половина. Но ум был ясным. Наступающую смерть он встречал бесстрашно. Был уже конец восьмидесятых.

— Боюсь я, Миша, только одного. Все что мы делали, они разрушат. Разрушат...

Если бы не предательство в высших эшелонах власти, переведших стрелки и направивших наш состав в тупик, где бы мы сейчас были! По крайней мере, с учетом прежнего жилого фонда, не только бы каждая семья, но и каждый человек имел собственную квартиру, не говоря уже о том, что деревенские наши ландшафты радовали сердце каждого, кто бы ни взирал на них...

Горбунов тот, кто гармонизирует деревню

Наша встреча началась с гармонии. Поразителен все-таки феномен неистребимого русского крестьянина, воскрешающегося, как птица Феникс из пепла.

Вот так и Горбунов. Внук раскулаченных крестьян, сын заместителя председателя крупнейшего колхоза и секретаря парткома, неугодный глава района ельцинских времен, собиратель деревень. Сегодня на него смотрят с надеждой не только большинство жителей района, но многие вологжане, жаждущие возвращения северной деревни к жизни.

У Горбунова в гостинице, в комнате, где столуются проживающие, есть потаенный шкаф, в котором стоит не посуда, не собрание вин, а настоящая коллекция гармошек 25 на 25 и даже одна тальянка местного мастера Павлова. Горбунов извлек из шкафа самую новую, сверкающую лаком нижегородскую.

— Долгонько я искал эту гармошку. Под себя.

Горбунов заиграл, и я весь превратился в слух. Это были традиционные никольские наигрыши. Наигры-

ши, ни с чем не сравнимые, которые несли в себе какие-то неведомые глубины, отчего душа твоя начинала трепетать и волноваться, погружаясь в древность, незнакомую и в то же время родную, призывную... Слушать эти переборы, радостные и печальные одновременно, отчаянные и смиренные, полные любовного призыва и отвергнутой любви... слушать их можно было бесконечно. Эта музыка, рожденная на этих седых Увалах, отшлифованная и обогащенная многими поколениями гармонистов из народа, также стала великим народным достоянием, которое должно всемерно оберегать...

Наконец, Горбунов отложил гармонь:

— Мне часто рассказывали старики да мои родители, что иногда было так тяжело, что казалось — не выживем. И знаешь, что спасало? Гармонь! Вот она — гармонь! У меня отец был знатным гармонистом. Без него ни один праздник, ни одна свадьба не обходилась. И я с малолетства начал гармонь растягивать. И пошло, получилось.

Бывало, прибегут к отцу: гармонист нужен. А у отца забот полон рот: работал секретарем парткома огромного хозяйства, уставал. До свадеб ли тут? «Вон, говорит, забирайте Генашку. Он вам поиграет». Так я еще в школу не ходил, а по гулянкам находился. Посадят на стул, стул на стол:

— Играй, Генаха.

Вот и играю. Без гармошки — какой праздник? Бабы и губы мне пивом помажут... Не хватало в деревне мужиков и тогда, и сейчас.

У меня гармошек штук пять. Последнюю мы с Николаем Васильевичем Рыковановым купили уже

в Новгородской области. Ручной работы. Сто тысяч отдал сразу. Вынесли по звонку на остановку Она, может, не один миллион стоит. Потому что мне без гармонии никак. Порой так устанешь, что хоть реви, а надо собраться, нужны силы. Вот беру гармонию и начинаю играть. До тех пор играю, пока до самого нутра не доберусь, зацеплю, выиграю все, и сразу — камень с души. Хочется снова работать, творить, жить на полную катушку...

Жалко гармонию. Молодежь вон, самостоятельно не хочет ни играть, ни петь. Чистое потребительство. —

И Горбунов вновь заиграл свои, местные николевские наигрыши. Древние созвучия и ритмы в бесконечном своем звучании снова цепляли душу, заставляли ее страдать и радоваться, взлетать и падать...

Вот она, настоящая народная культура, сохраняемая и производимая народом на своей земле в трудах и радостях.

— Испокон веков в Никольском районе направление было сельскохозяйственное. То есть, основа основ — это сельское хозяйство, — рассказывал Горбунов. — В советское время 24 колхоза было во всех уголках, и все было завязано вот на эти колхозы. И социальная сфера, и образование, и дороги... Под крылом колхозов жили бабушки и дедушки. Им и сено привезут, им и дрова привезут, им продукты доставят. Если «прижало» — в больницу свезут, и в последний путь проводят.

Я начинал работать водителем. Так мы неделю в Вологду едем, неделю обратно.

Не было дороги ни на Великий Устюг, ни на Вологду и не было дороги на Шарью, на железнодорожную станцию. В Шарью 150—160 километров от Никольска ходили пешком. Надо неделю идти, надо и провизию с собой нести. Не одну пару лаптей. И это в наше время. В семидесятых...

— Туда-то уйдешь, а обратно-то как выйти-то? Надо ночевать где-то. А ночевали в деревнях по дороге.

— Летом каждый кустик ночевать пустит...

— Нет, только в деревнях. Здесь места лесные, и зверя было много, и поэтому в лесу старались не ночевать.

И вот всего лишь в 99-м году пустили асфальтированную дорогу на Шарью. Сейчас в Шарью с обеда уехал, а к вечеру домой приехал. А уж если с утра уехал, так наработаешься там сколько надо.

А Шарья — это узловая железнодорожная станция все же. Все через железную дорогу.

— Я в небольшой деревне рос и вырос. И видел, насколько сплоченна деревня, насколько она дружно жила, общиной. И, если кто-то варил пиво, то вся деревня у него гостилась. И было заведено негласное правило: ты должен вести себя выдержанно, скромно, там кривого личика не покажешь, там никто тебе не позволит питуху испортить. А если ты где-то пошалил, да испортил общую гулянку, считай, тебя уже больше никуда не допустят.

И там никто не командовал, там негласные правила были, и которые люди постарше, они это отслеживали и четко вели. Никому не было позволено хулиганить и озоровать. И поэтому собирались,

общались и заряжались у этих пивов. А вот самогонки не было, водки не было, пили только это пиво.

Ну, и пироги, грибы, все самое простое было на столе. Ну, может, к этому пиву барана зарезали, овцу, курицу... Бывало теленочка кто-то... Ну, и готовили по-настоящему, по-хорошему... пиво это, не считаясь со временем, вкусное готовили.

И кроме веселья ничего на этом празднике не было! Напиваться, не напивались. И ведь в то время у всех было полно дел. Женщины и мужчины все работали около ферм или на фермах: кто — телятницей, кто — свинаркой, кто — дояркой, кто — кормачем, кто — сторожем, и никто не сорвал никогда ни одну работу. Не было такого, чтобы кто-то не пришел и не обрядился. Или не подоил, или не накормил.

Даже исключений таких не было! Оставят стол, сходят обрядятся, тут же переодеваются, и снова идут к пиву, и снова веселятся!

И вот, если зарядились они, погуляли, отдохнули, так они до следующего праздника этим жили. А как красиво это все было! А как пели в несколько голосов! А как плясали! Мужики все в форситовых... тогда называли форситовыми яловые сапоги «гармошкой».

Пивоварение — это настоящее творчество. Ведь у каждого пивовара пиво совершенно разное было. Даже из одного солода не сваришь одинакового пива. Поэтому, это действительно было творчество. В нашем краю хорошо варили пиво. Очень такие вкусные были пива. Но у нас не баловались, не разводили это пиво.

Бывает, что кто-то самогоночку еще туда добавит,

кто-то водочки, чтобы забористой было. А у нас чистое пиво пили. А чистое пиво — это действительно здоровье. Это здоровье было.

— Геннадий Александрович, а что ты бы хотел взять в нынешний день и в будущий из той деревни?

— Очень много с того времени мне бы хотелось перенести. Самое главное, самое незабываемое — взаимоотношения между людьми были настолько доброжелательными, настолько уважительными, настолько открытыми, что при этом уважении легко работалось.

И ведь работали-то вот от зари до зари. Никаких ни отпусков, ни выходных не знали. Жили очень весело, жили очень дружно. И от этого и уставать-то не уставали. Вот, скажем, картошку сажают в деревне, так не одна семья садит, а собираются три-четыре семьи, и за час-два все справят, после обеда — все к соседям. За два-три дня всю огородную страду и справят. Все красиво, все улыбаются, все веселые.

А ребяташкам-то как весело на этих помочах! С нами считались, как со взрослыми. Мы были полноценными членами этой трудовой артели.

Вот у меня друг есть в деревне Корепино в стороне от дорог, Корепин Владимир Васильевич. У него три сына. И я видел, как эти ребята растут... Они не только на лошади, они не только с коровой обращаться умеют, с телятком, с овцами, с гусями, они абсолютно все могут. Они на любой трактор садятся с малых лет. Хоть на гусеничный, хоть на МТЗ, хоть на Т-25... Они сели и поехали. Делать работу.

Представляете? Пятиклассник, с ружьем идет

на охоту и добывает зверя...

Я по всей ночи на тракторе без кабины МТЗ-2, по всей ночи боронил малолеткой. А какое это было счастье для меня — это верх был! Что мне, пятикласснику, доверили трактор! Одному! И никто меня не контролирует!

Я считаю, что деревня должна жить полноценной гармоничной жизнью, в согласии с отцовскими и дедовскими традициями. На основе артельности, общинности. И считаю, что без деревни полноценного гармоничного государства быть не может.

День кипучий

Осень. Поля пустые. Хлеб убран полностью, высушен, положен в закрома. Но дел у Горбунова не убывает. С утра мобильник генерального директора раскаляется.

— Как там у тебя со вторыми укусами трав? — звонит озабоченный чиновник.

Ему, чиновнику, эта цифра «позарез» нужна.

Зачем, не понятно. Власть давно уже напоминает ветряную мельницу на холостом ходу. Жернова не крутятся, зерно не мелется, да и нет этого зерна. Но сама фигура мельницы с натруженным скрипом оси, маханием крыльев создает впечатление...

— С первого укуса мало взяли, и второй укус ни хрена не вырос, — отчитывается Горбунов.

На другом конце мобильной связи слышимость не важная... Приходится повторять:

— Дорогой товарищ, у меня не важный второй укус, но, по крайней мере, убираем. Немножко осталось, но погода, осень совсем нас забила. Погода не дает хорошо работать. Не хватает и шоферов, человек пять не хватает.

— Поднажмите, — рекомендует товарищ из трубки.

— Хорошо.

— А Вы в курсе, что Вы должны выступать на заседании регионального совета в Вологде? Ваша явка обязательна! Горбунов, не отвечая, выключает телефон.

— Не поеду! — говорит он мне. И повторяет: — Не поеду.

Эта болтовня уже достала. Столько дел...

Едем на производственную территорию. Недавно Горбунов выкупил пропадавшую базу «Сельхозтехники». Это солидное длинное здание силикатного кирпича с провалившейся крышей. Еще вчера Горбунов бегал по этой крыше с молотком в руках, воодушевляя своим примером работников. Сегодня большая часть крыши уже была закрыта профнастилом.

— Все абсолютно переделываем, — говорил он

мне довольно. — Все абсолютно переделываем. И благоустройство — плитами выстилать кое-где начинаем. Часть-то положили, для проезда. Это здание предпринимателю было продано, сейчас я у него выкупил.

Сейчас наше... Будет куда технику прибрать. У нас основная техника в возрасте по 20—25—30 лет. Правда, у меня два комбайна есть, хорошо я сей год выскочил по зерновым-то. По 19 центнеров взяли в амбарном весе. Это для нас очень хороший результат. Так вот новый один купил за 12 с половиной миллионов. У него проходимость! Мало ли, дожди затяжные случатся, он намного лучше других комбайнов ходит. Он сбалансирован хорошо.

...Производственная база напоминала муравейник. Люди, как заведенные, сновали по территории туда-сюда. Давно уже не приходилось видеть в деревне такой слаженной, дружной работы.

— Вот этот гараж был весь раздолблен, — показывал Горбунов не без гордости. — Полностью крышу сменил, и еще 10 метров пристройки сделал. Чтобы все комбайны, все сельхозмашины запихать сюда. На следующий год сюда пристрою еще 9—10 метров, ну, если не хватит — и сюда еще выдвинусь. Чтобы все было под замком. По-другому нельзя.

Пошли дальше.

— Вон видите, у меня заместитель в кепочке ходит, тоже уж скоро на пенсию. Когда я пришел в колхоз первый раз, он трактористом работал. До меня работал. Ему на кардан руку намотало. Изуродовало.

И вот, я поставил его бригадиром. У него всего

восемь классов образование, но он соображает хорошо, и руководитель настоящий. Где зашьются-запоятся, я туда его ставлю, на этот участок. Он поднимет этот уголок, я в другой уголок его запикиваю.

Вот так потихонечку все до ума и доведет...

— Все по принципу вашей матери: главное не ум, а толк...

— Точно так. В мастерской беда была сплошная. Ну, сейчас ворота сделали, часть их закрыли, все окна отремонтировали и наверху, и по низу. И вот видите, сейчас мастерская какая? А была — вообще беда. Предприниматели поставили пилорамы, и все разрушили. А сейчас вот все подделали. Все тут устроили.

— Все, Василий Саныч, молодец! — похвалил Горбунов своего зама. — А теперь посмотри, там шифер есть хороший. Часть шифера хорошего Жукову дай на Кожаево. Да по две пачки в Коныгино... Да досмотри, в Коныгино-то две-то и надо ли?

Василий уехал.

— Я его сейчас назначил заместителем «по производству»: все, что я не успеваю — это твое. Я не успеваю — значит, ты не успеваешь.

А вот это у меня старший брат, Сан Саныч. Он механик по автотранспорту. Ему уже 67 лет, а он все еще работает. Инфаркт был на работе. А почему? Когда механиком работал, больно рано «на рюмку сел». И полжизни пил безбожно.

Вот я сейчас и говорю: «Сколько ты пропил, сейчас на пенсии отработаешь...». Так он бегом бегаёт. Кому охота на пенсии ворон считать?

...Следующим объектом был сияющий белеными стенами маслозавод. Его тоже в свое время выкупил

у нерадивых хозяев Горбунов. Сейчас это образцовое производство.

— Где-то 60 человек здесь работает.

— Хорошая работа. При масле и сливках, — сказал я.

— Работа хорошая, но не из простых. Здесь сидишь, как на пороховой бочке. Я, пока маслозавод не наш был, я считал, что это производство проще, чем сельское хозяйство. С одной стороны и проще, но что сложностей здесь много, это поймешь только тогда, когда окунешься в производство.

Тут... тоже сельское хозяйство. Да, если там в течение часа, допустим, можно делать, здесь надо минутой. В противном случае все мимо убежит. А потому я и управление разместил здесь же. На производстве. У нас как принято? Баня, а через дорогу — раздевалка. Уносят как можно дальше контору от производства. Чтобы не видеть, не расстраиваться. А все должно быть на глазах.

Маслозавод поражал чистотой, новизной и современным оборудованием.

— Потолки и стены выкидывали, полы выкидывали, канализацию всю меняли на новую — непросто быть хозяином. Но зато теперь можем и погордиться. Наше масло, по отзывам, лучшее. Мы его горячим фасуем в контейнеры. Это новшество. Вот новая автоматика, новый автомат. И в итоге в качестве выигрываем значительно, — воодушевленно поведал Горбунов.

Я думаю, здесь нужно сделать отступление и рассказать вам, что такое вологодское масло.

...Знаете ли вы, что такое наши заливные луга?

Это тот же настоящий космос! Представь, что где-нибудь на лесной полянке за десятки километров от большой реки вырастает под солнцем былинка, цветочек аленький. Уронит он после Петрова дня семена свои на землю, а потом вьюги и метели укроют его, а по весне, как растопит снега солнце, подхватит семена эти быстрый ручеек, понесет к ручью большому.

Из большого ручья в речку малую, из малой в большую реку. А как подпрут воды бесчисленных ручьев и речек большую реку, как переполнится она склень, упадут миллиарды семян, принесенных за сотни верст на речную пойму, и месяц спустя поднимется в поймах тех буйное медовое разнотравье.

Вот откуда вкус настоящего вологодского масла? Он воистину неповторим!

...Действительно, никольское масло было превосходного качества.

Потом был хлебозавод, умопомрачительно пропахший пирогами. Хлебозавод тоже Горбунов поднял из руин.

...Но мы уже отправлялись далее. Хозяйственный глаз Горбунова, словно регистратор, выхватывал из повседневной жизни картинку разрушительной деятельности современного бизнеса. Вот заботливо сложенные дорожные плиты, бывшие в употреблении. Это бизнес. Их продают по три с лишним тысячи за плиту. А сняли бесплатно. Эти плиты были положены когда-то леспромхозом для вывозки леса. Леспромхоз развалился. Плиты сняли и продают в розницу и оптом. А мужики в лесу остались без дорог пропадать в грязи.

— Куда смотрела власть?, — возмущается Горбунов.

Мы ехали уже ухоженными улицами пригорода.

— Я тут вон рядышком живу, вон слева пятый дом. Потом съездим, покажу, что у жены творится на огороде. Мы живем так, что я дома шурупа не закрутил и гвоздя не заколотил. Все на жене. То есть, у нас разделение: на ней дом, дети, семья, а на мне — колхоз.

— Обижается?

— Да она уже втянулась, она меня не ждет. Все она делает сама. И заборы делает, и реконструкции в квартире делает. Похоже, ей это нравится. А я и рад! Делай, ради Бога, но только чтобы меня не тревожь, когда меня дома нет.

— У нас в деревне по соседству жили муж и жена. Она учительница, он -известный на всю округу печник. Вот она мужа просит, не допросится: отштукатурь на крыше трубу глиной. Дымит!

А тому все недосуг. Вот она взяла ведро с глиной, и когда мимо должны были доярки на дойку идти, полезла на крышу и стала трубу штукатурить. А печник быстро вытащил на улицу корыто, налил воды и принялся штаны стирать...

— Ой, артисты.

— Каждый день в деревне какая-нибудь комедия.

Тем временем мы подъезжали к молочно-товарной ферме.

— Велики ли надои?

— К девяти тысячам подбираемся. Семнадцать тонн в день доим. Коров примерно 900 голов где-то, да шлейф еще телят, телок, нетелей, бычков

на откорме.

Мы в прошлый и позапрошлый год сделали две холодных откормочных площадки. То есть, круглый год под открытым небом, только сделаны навесы, кормим, ну, и основное условие — теплая вода сделана.

И круглый год бычки на откорме у нас сейчас под открытым небом. И я скажу, что результат изумительный. И по качеству мясо значительно лучше. И привес хороший дают. На следующий год еще одну площадку забухаем. Если будет возможность, покажу, как это все сделано. Первые две площадки сделал у существующих ферм, потому что от коров всегда остаются объедья. Высокоудойных коров кормим до восьми раз в сутки. Все равно остается. Ну, часть какая-то остается. Вот это все собираем, в миксер, добавляем силоса, добавляем сена, сенажа, патоку, концентраты, все добавки, все это режем-перемешиваем, и вот на откорм быкам выдаем. И объедья у нас все съедены до грамма, все в дело пущены, и затраты получаются поменьше. И самое главное, что не нужно капитальное строение — ничего не надо. Электричества не надо. Работников дополнительных. Эти же сторожа плюсом поработали.

Половина стада — черно-пестрые, половина холмогорки. И холмогорская порода... мы имеем статус племенного хозяйства и по холмогорской породе, и статус племенного по черно-пестрой породе.

...Мы пошли по двору. Удивительно, чистота на ферме была идеальная, коровы ухоженные, ласковые, чистые, доярки молоды и приветливы... Можно понять, почему новые русские красивых женщин

зовут телками...

— Мы их будем снимать, они не будут возражать?

— Нет, они позировать любят, — отвечали зоотехники.

— Даже так?

— Мы недавно продавали корову в Москву, ну и тоже показывали корову. Так ведь она так стояла, так позировала, вы удивитесь! — похвалились зоотехники.

— Серьезно! Серьезно! Глазки блестят, поворачивается одним боком, другим... Еще ее приголубкали... как сказать, словами красивыми называли, так она и расцвела...

— У нас скот очень спокойный.

— Мы вот были в Москве, так там вообще не разрешали даже подходить. До такой степени первотелки пугливые. «Не подходите, не трогайте!»

— А я делал несколько лет подряд праздник Коровы, — пустился я в воспоминания. — Почему? Стало обидно, на подиум в Москве девушек приводят и называют их телками. Давай, думаю, сделаем подиум и будем коров на подиум... Чем они хуже? Достойны. Придумал звания: «Мисс маслозавод», «Мисс кооперация...». Начали такое соревнование с частных подворий. Привели на луговину коров в рюшечках, в бантиках, веночках, цветочках. И видно, что коровам понравилось внимание, что на них несколько тысяч человек смотрит, радуются, аплодируют. Потом уже у местного населения стало творчество включаться. Корову ведут, как невесту: фата, шлейф, педикюр на копытах сделан... А еще параллельно раздавали звания «Лошадь года»,

«Козел года», «Петух года», «Баран года».

— Козлов-то много, — радостно согласились мои собеседники...

— Присудили это звание Саакашвили...

Наследство Емельянова

Вот здесь, я думаю, нужно снова сделать отступление, чтобы рассказать о корове в целом, более того — о черно-пестрой емельяновской породе, которая давно уже освоила никольские края.

И сразу скажу, что у наших древних предков корова была едва ли не прародительницей белого света. Корова Зимун и бог Род. Именно из сосцов Зимун и излилось звездное молоко великого Млечного Пути, которое мы видим у себя над головой.

А нынешняя вологодская корова началась с профессора-селекционера Алексея Степановича Емельянова, который еще до войны получал у себя на ферме Дитятьево под Вологдой надои в пять тысяч литров в год. Более того, корова Вена побила все мировые рекорды, надаивая в день по 84 литра... Семнадцать лет рекорд этот был недостижим, пока не был побит кубинской коровой Убре Бланка, надоившей аж 127 литров за день. В Гаване сегодня этой корове установлен памятник, а вот наша Вена такой чести не удостоилась...

А надо бы установить памятник и Вене, ведь именно от нее началось потомство черно-пестрой

коровы, которая верой и правдой служит нам и сейчас, вытаскивая на своем хвосте многоотрадную нашу экономику.

— Когда я заступил на колхоз, у нас было 200 коровенок всего. Из них половина была больна. С этого мы и начали восхождение. Купили у Буланова стадо с птицефабрики, потом у Подгорнова Полиэкта Михайловича купили 90 голов. То есть, начали черно-пестрой заниматься, параллельно и холмогорку тащили, — рассказывал Горбунов. — Деньги-то в хозяйстве все с коровушки получаем.

Тут я включил свою память:

— В 80-х годах боролись за звание «четырёхтысячниц». Клуб был такой областной, куда входили доярки, которые надаивали по 4000 литров в год от каждой коровы своей группы. Четыре тысячи от коровы в год — это был очень большой результат. А сейчас у вас по хозяйству в целом надои к девяти тысячам легко подбираются.

— Да непросто, нелегко!

— Но тогда боролась вся область, заседания, парткомы, обкомы, институты разные, управление сельского хозяйства, газеты все на одно, на одно, на одно налегали: поднять продуктивность скота. Но вот мало прирастало, медленно. Медленней, чем хотелось бы.

— Да, — согласился Горбунов, — боролись. А надо было не бороться, а работать. Быстрее бы результат пришел. А теперь у нас есть коровы, которые доят не четыре, а все четырнадцать тонн. Например, корова Бирюзовая. Стоят они в нормальных условиях, доим по три раза в день, кормим практически

одинаково всех. Правда, в зависимости от надоя есть добавки.

Тут к нам подошли молодые женщины, зоотехники и включились в разговор.

— У нашего стада генетический потенциал очень высокий. У каждой родословная, как у английской королевы. А чем выше у коровы генетический потенциал, тем легче ее накормить и молока можно получить больше.

— Но накормить не просто, — возразил Горбунов. — Весь рацион просчитывается до мелочей. Когда эту черно-пеструю привезли, пришлось в рацион, тогда и денег не было, зарплаты не было, но по 200 грамм песка сахарного в рацион коров ввели. Так по району сразу слух пошел: «Горбунов с жиру бесится: коров шоколадом кормит». Шоколадом-то не кормили, но вот по стакану сахарного песка коровам давали.

— У меня знакомый фермер в Шексне выращивает свиней, на 350 голов ферму построил. А пока существуют они за счет того, что находят всякие нестандартные решения. Есть кондитерская фабрика «Русский рулет» в Череповце, там много всякого брака, который надо утилизировать, а это затраты. Вот и отдают бесплатно нашим фермерам замятые торты и рулеты. Я к ним в деревню заехал — целый склад завален кексами и тортами... Так мало того, что свиньи радуются жизни, так еще окрестные деревни без тортов чай не садятся пить.

...Все засмеялись одобрительно. Тут доярки, закончившие дойку, позвали нас к чаю в красный уголок. Завязался разговор. Все из деревень, из боль-

ших семей, с детства со скотом связаны.

— Едем по Никольску на автобусе куда-то, — рассказывали доярки. — Одна женщина с внуком, чего-то около шести лет ему. Это дело весной было. И лошадка идет, едет на лошадке пахарь. Внучок увидел лошадь ту, да на весь автобус: «Бабушка, бабушка, посмотри, какая большая собака!»

— Это в Никольске!

— Люди, понимаете, останавливаются, завидев лошадь. Это уже диво. Коров многие не видели, нынче не выгодно коров на пастбище гонять.

— Из детского сада ребятишки пришли к нам на ферму посмотреть коров. Группа, наверное, из 20-ти человек. Наши девчонки-бригадиры и спрашивают:

— Ну, кто согласен работать на ферме?

Все:

— Я!!!

Один мальчик из 20-ти только сказал:

— Фу, у вас как здесь пахнет! — нос зажал и не подошел к коровам.

А остальные — все согласны.

Потом они ходили на мехдвор к тракторам, тоже:

— Кто будет работать?

Все:

— Я!!! Я буду!

— А вот будут ли? — усомнился я. — Мир так поменялся. Если в нашем детстве крестьянский двор без скотины не мыслился, то теперь не найти ни коровы, ни козы... Даже частушка есть по этому поводу:

«Ни коровы, ни козы,

Не коси, не майся...
Только с милым на печи
Лежи да обнимайся...»

— При такой интенсивности работы дома скота держать, это убийство, — сказал авторитетно Горбунов. — Если дома начнешь выкладывать, то здесь, на производстве, завалишь работу.

Я здесь председателем начинал: крестьяне на своих подворьях держали и коров, и телят, и поросят, и куриц — все абсолютно было. Вот здесь этот круг деревень — 238 голов частного скота на пастбище мы гоняли.

— Уходит крестьянский уклад, который и делал крестьянина крестьянином, а не наемным работником.

— А что делать? У наших животноводов по 100 коров нагрузка. Интенсивность велика. У мужей-механизаторов также нагрузки большие. Специалисты отдают себя полностью производству. У меня у самого на дом сил не остается. Так пусть лучше в агрофирме покупают и молоко, и мясо подешевле...

Работники животноводства против этого не возражали.

— Но ведь пройдет несколько лет, и мастеров машинного доения заменят роботы. И вообще все идет к тому, что работа на производстве станет привилегией, уделом избранных. Что делать остальным? — этот мой вопрос остался пока без ответа.

Может быть, нужно уже сейчас закрепляться на своих участках, родовых усадьбах и создавать свой самодостаточный мир, чтобы не оказаться

у цивилизации в пасынках.

Матуха и дворовой

На нашем дворе помимо коровы Зорьки и бычка Капитона обитали невероятной вредности коза Сетунья с двумя козлятами, смиренная овца с ягнятами, поросенок — прожора, пяток гусей-сторожей, с десятков куриц с петухом — будильником и безостановочно жующие траву, морковку, осиновые прутья — кролики... И вся эта дворовая братия хрюкающая, блеющая, мычащая, гогочущая и кукарекающая подчинялась строгой иерархии, во главе которой стояла корова — матуха... Зорька.

Вечером бабушка, подоив Зорьку и напоив меня парным молоком, принималась рассказывать истории из прежней жизни:

— Корову, милушко, прежде звали матушкой, матухой. Помню, замуж выходила, как приехали к женихову дому, так перво-наперво, не заходя в горницу, повели меня на двор к коровам. Свадебный каравай разломил, и стала я кормить с рук коровушек новой семьи. А уж после свадьбы одели на меня, как и всем замужним женщинам полагается, борушку такую — головной убор, как бы с рогами сшитый.

Да, милый. Корова и хозяйка будто бы они одним целым становились. Бывало так, нужно мужику подоить корову, жена, скажем, в отъезде, так тому нужно платок на голову надевать, иначе не дастся.

А как на пастбище-то выгонять после зимовки, обходишь своих коров еще на дворе с иконкой, солонкой и творишь заговор: «Две русицы, три русицы на теплое летушко, на красные деньки, тёмные ночки. Царь лесной, царь водяной, царь земной, спасите и сохраните мою скотинку. Егор-батюшко, Илья-пророк и Спас-Спаситель, спасите и сохраните мою скотину. Аминь».

После того выпускаешь корову через порог так, чтобы она перешагнула через иконку с гостинцем: в узелке хлеб, сахарный песок, чай завернуты. Это подношение лесовому.

Под кустик незаметно положишь: «Угощайся, батюшка Лесовой, испей чайку-то нашего...»

А уж после отела нужно корову «поставить», чтобы та не лягалась при дойке. Беру, милушко ты мой, молоко на ладонь, протираю корове задние ноги с приговором: «...Как с места на место земля не шевелится, так бы и любимая Малинка с места не шевелилась... Стой горой, дой рекой, озеро сметаны, река молока...»

Или так:

«Стоит коровушка горою,

Бежит молочко рекою,

По пенью и по коренью,

И по светлому по камению.

Так бы бежало у Малины молоцко».

После отела корову, милко, окадывать надо: тле-

ющие угольки из печки на лопате вокруг коровы носить. А уж потом доить садись.

Ну, а если, покупаешь корову, нужно ее правильно в дом ввести, чтобы ее принял хозяин двора — дворовой.

— Прими, батюшка, скотинку мою не по шерсти, по Божьей воле... Иначе и хозяева намучаются, и сама скотина: и болеть корова будет, и лягаться, и по ночам кричать...

В доме, милушко, домовый правил, а на дворе хозяин — дворовой. Его тоже уважить надо. Молочка к ночи в плошку плеснуть.

— А ты его, бабушка, видела, дворового-то?

Бабушка улыбалась.

— Что ты, милушко, разве он покажется. Стеснительной он у нас. А вот слышала-то много раз. То вздохнет тяжело, то хихикнет, то строжить начнет: в бревно как торкнет, так весь двор и отзовется...

Да ты его не бойся, милушко, он у нас радимый...

Универсальная деревня

Этот вопрос грядущей безработицы, оставшийся без ответа на животноводческом комплексе, не оставил мне покоя.

В восьмидесятых годах во всех учебниках и во всех аудиториях Вологодской молочной академии рассказывали студентам о перспективах узких специализаций. Если хозяйство занимается выращиванием племенных телок, то это направление должно стать основой хозяйственной и экономической деятельности. Это было возможным, когда все сельское хозяйство области воспринималось, как единый комплекс, управляемый из одного центра. Кажется, рынок спутал нам все карты.

Горбунов давно уже усомнился в догмах, которым учили его в академии. Чтобы выжить в нынешних условиях, Горбунову пришлось строить агрофирму по принципу многоукладности. И верю, что это был правильный ход...

Однажды мне попался в руки любопытный дореволюционный документ — что-то вроде государственного реестра, в котором говорилось, что в нашей губернии на конец девятнадцатого века

было зарегистрировано 200 тысяч ремесленников-кустарей и три тысячи самых разнообразных ремесел. Может быть, произошла ошибка, статистическая погрешность. Я с трудом смог насчитать около пятидесяти сельских специальностей, и то этот список был внушительным, хотя до трех тысяч было далеко. Я решил сознательно собирать все, что встречается мне в жизни, в книгах, рассказах стариков о крестьянских ремеслах, делая записи в свой дневник... И скоро понял, как многого я не знал... Деревенская жизнь и история, стали открываться новыми глубинными сторонами, о которых я даже не подозревал. Я только начал собирать эти сведения, но уже сообразил, что цифра, которая попала мне в старинных бумагах, вполне может быть реальной...

Русская деревня была абсолютно универсальной и могла делать все: от литья корабельных цепей и пушек до строительства морских судов. Более того, в те времена не только марксистская теория озадачивала российские передовые умы. Довольно распространенным было мнение, что у России свой собственный путь развития, отличный от Запада: аграрно-кустарный. Сегодня этот взгляд может показаться абсолютной утопией. И действительно, стоит ли заниматься поисками утраченного, отжившего? Я все чаще прихожу к мысли, что русская деревня, иногда воспринимаемая нами как отсталая, безграмотная, сермяжная, явила миру великолепнейший образец универсальности, которая, несмотря на все потрясения, тяготы, выпавшие на ее долю, помогала селу преодолевать самые тяжкие испытания. И это еще не все. Я думаю, что универсальность нашей

деревни является бесценным наследием, которое позволяло вчерашним полуграмотным крестьянам становиться учеными с мировыми именами, политиками, гениальными конструкторами, военачальниками, разгромившими самую отлаженную и агрессивную военную машину фашистской Германии.

— Думаю, что это наследие еще послужит нам, — согласился Горбунов, когда я снова завел разговор о будущем города и деревни. — Многие ругают меня за то, что я распыляюсь, что мне все интересно, я ничего не хочу терять.

Сегодня в фирме работает около 500 человек. И каждому находится работы под завязку... Более того, я испытываю кадровый голод, жду к себе новых и новых работников. И верю, еще не скоро придет время, если оно придет к нам, когда в деревне люди останутся без дела...

У меня на сегодня масса задумок, море проектов, которые хочется претворить в жизнь... Люди нужны... Настоящие, работающие, с искрой в глазах.

И рыбка из пруда

Хотелось еще побыть какое-то время в этом королевстве, но Горбунов уже тянул ехать на пруды, где нагуливали жир карпы и форели.

Любая деревня прививалась к воде. Или к реке, или озеру, а если не было ни того, ни другого, то искали подземные водные жилы и копали колодцы. Было прежде такое ремесло на деревнях — копатели колодцев. Эти мастера без ошибки определяли, где проходили водные жилы. Часто эти подземные источники имеют выходы на поверхность. В народе их зовут потными местами, родниками, ключиками. Место прохождения жилы можно определить по составу и состоянию растений. Или, проще всего, вечерней порой понаблюдать, как зарождаются в этой местности туманы. Они точно повторяют прохождение подземных водных жил, хоть на карту наноси.

Вода из ключа словно заряжает человека энергией. Не зря крестьяне считали, что подземными источниками заведуют пращуры, ушедшие в мир иной. Вот они и награждают нас щедро новой энергией. Не зря водные источники на Руси звали родни-

ками...

На водоразделах всегда ощущается недостаток воды и поэтому создание прудового рыбоводческого хозяйства на Северных Увалах дело патриотическое. Не зря говорят, что экономика деревни в Китае началась с рыбоводства.

— Вот буквально за этим перелеском будет деревня Каменка. Восемьдесят четыре двора было, — показывал Горбунов. — Жалко деревню. Там третий пруд буду делать, там еще речка впадает, и хотелось бы сделать пруд чисто для местной рыбы. Без карпов, без форелей.

А еще ферму восстановлю под откорм бычков на вольном воздухе, и увидишь, народ начнет возвращаться. Мерзость запустения начнет отступать. Как не вернуться к такой красоте!

...Меж двух высоких холмов в ложине под осенним солнцем уютно серебрилось настоящее озеро, запертое мощной насыпной плотинной-дорогой. Назвать его прудом не поворачивался язык.

— Вот там, у Дома охотника, в первом пруду, глубина большая и вода холодная, там форель хочу завести, здесь только карповые — карп, толстолобик, белый амур, лещ и карась, линь, — докладывал Горбунов. — А вот следующий — для хищников: щука, окунь, налим, судак. Думаю, что последний пруд будет еще лучше.

— Здесь у нас только карповые. Здесь до трех метров глубина. Видите, как сделал перелив-то? Низ — бетоном, бока — железом. Такого пролета хватит, чтобы любой паводок спустить.

— Тут бы еще мельницу поставить. И все, как

в детстве будет, — сказал я зачарованно.

— Это мечта. Но сейчас пока не до мельницы, — отвечал Горбунов. — У нас в деревне на речке девять мельниц было. Помню, маленький пошел на реку, увидел, как мужик на удочку рыбу ловит. Ловко у него получалось. Я дома нашел винную пробку, кусок леси, грузило соорудил, крючок, удилище выстрогал. Пришел на реку, рыбы гуляют стадами. Я закинул свою снасть — не клюет. Я уж и так и этак приспособливался. Уж на самый нос рыбе червя навешивал. Ни одна не клюнула. Досада взяла. С тех пор удочек в руки не брал. А теперь вот рыбоводством занялся.

— Я на своей речке еще застал три мельницы. В наших краях водяные мельницы чаще всего были деревянные.

Часть здания на сваях поднималась над водой. А на горизонтальный вал крепились спицами на расстоянии полуметра два обода диаметром до четырех метров. Между ободами делали такие ковши один за другим. Вода, попадая в ковши, крутила вал. Внутри мельницы горизонтальный вал через шестерни приводил в движение вертикальный вал, один конец которого проходил через отверстие нижнего камня, второй конец наглухо крепился к верхнему, подвижному. Зазор между камнями определял тонкость помола.

Мельницы приводили в движение не только жернова, но и станки для чесания шерсти, для распиловки бревен.

Каждое лето в конце июля мельничные пруды спускались и чистились. Мужики собирались

и извлекали деревянные щиты из плотины и, если требовалось, ремонтировали. Вместе с водой шла на выход и нагулявшая жир на большой воде рыба. Но уйти ей не давали, перекрывали выход сетями.

Пировали всей деревней. Варили на берегу уха, а остальную рыбу делили по семьям.

...Пока мы осматривали плотину, пришел егеря и принес три поплавокковые удочки. Извлек из кармана кусок черного хлеба:

— Это вам на наживку. Намнете в руках, цепляете на крючок и — карпы ваши.

Мы закинули свои удочки. Ждать поклевки не пришлось. Тут же поплавки заплясали, мы подсекли, и удилица упруго выгнулись. Потребовался подсак. Карпы были не менее килограмма.

— Мы разрешаем гостям выловить по две штуки. То есть, шесть штук.

На меня, оператора Самохина и самого Горбунова.

Забегая вперед, скажу, что уха из этих карпов была ничем не хуже стерляжьей.

Успеть до отпуска

День клонился к закату. Но у Горбунова еще много было нерешенных задач.

— Собираюсь на отдых деньков на десять. Сейчас осталось немного вспахать под зябь, хотелось бы с органикой поработать: побольше органики, навоза на поля вывезти. Ну, и по строительству очень много у меня дел еще. Надо еще пару магазинчиков запустить. Да еще реабилитационный центр нужно открыть. По методу Бубновского. Слыхали?

— Как не слышали, встречались даже с этим удивительным доктором, который врачует больные позвоночники и суставы с помощью комплекса спортивных тренажеров, — отвечал я удивленно.

— Вот-вот. Надо народ пролечить.

— Это все до отпуска? За неделю? — удивился я.

— До десятого. Так... начинать-то все равно самому надо. Любой объект начинаю только сам. К одному магазину аптеку надо пристроить, просят люди.

— А как Вы считаете, это откуда у Вас эта неуугомонность, стремление благоустроить мир?

— Да не знаю я, откуда... — отвечал Горбунов нехотя, словно не хотел тратить время на эти отвле-

кающие от дел размышления. — Наверное, в генах пришло. — И тут же стал показывать луговину. — Вот смотрите: этот угол захламлен был страшенно, превратили в свалку: город рядом. Прошлый год только разработал. Справа, видите? Это — колхозный дом. Я выкупил у бабушки, отремонтировал его, сегодня семья агрофирмовская живет. Вот здесь, на этом участке два или три домика поставим. Коттеджи одноквартирные. За последние два года 11 квартир построили. Чтобы каким-то образом затащить новые силы в хозяйство.

Мы пересекли автотрассу, перелесок и скоро въезжали на территорию знаменитой базы отдыха «Мария», выстроенную на берегу искусственного водохранилища.

Красота «Марии»

Все здесь было любовно ухожено, вычищено, украшено цветниками, декоративными кустарниками и деревьями. Даже камням, собранным на полях, мешавшим работе хлеборобов, и тем нашлось здесь применения в оформлении клумб и дорожек. К причалам на воде спускались лестницы, у берега покачивались на легких волнах лодки. А противоположный берег, тщательно выкошенный, был уставлен качелями, горками, каруселями и звенел детскими голосами.

— Это дом охотника, — удовлетворенно показывал Горбунов, — а вот там, внизу, баню сначала было сделал, а потом превратил ее в дом рыбака. Все этим

годом переделал. Полтора месяца опять возился. Утром народ привожу, всех расставляю и здесь дирижирую. И так каждый объект. На эту базу «Мария» я никого из специалистов не привлекал. Только единственная Зоя Бутакова мне помогает. Она курирует пекарню, кафе, оздоровительный центр.

Мы перешли плотину и поднялись на холм, где обустроена были детская зона.

— Как снег нападёт, пруд замерзнет — все сюда. Горка поставлена, заливаем, несёт на полкилометра... И сколько здесь радости, шуму, визгу, пisku, эмоций сколько! Вон четыре беседки поставили, чтобы посидеть людям где было, шашлык приготовить, перекусить...

— Прекрасно! — восхитился я искренне. — Жаль, мало таких уголков у нас.

— Вот и я об этом, — отозвался с жаром Горбунов. —

Почему бы каждому руководителю не взять за честь обустроить собственный природный, доступный для людей уголок. Я считаю, что ничего сверхъестественного не требуется. Вот это все на колхозные — на колхозные малые денежки сделано. Затраты не велики, больше в это дело души и добра вложено. Люди с удовольствием отдыхают здесь. И этот пример надо бы потихонечку внедрять в сознание: если ты руководитель, ты обязан что-то на своей родной земле сделать красивое. Для души.

— А у меня, порой, возникает такое ощущение, что мы время от времени просыпаемся, как на пепелище, — пустился я в размышления. — Власть поменялась, ценности поменяли, идеи поменяли, и все

до основания пошли рушить. И историю, и экономику, и культуру... Как вот от этого избавиться? Или уж это наша такая судьба?

— Судьбу-то мы сами должны делать. Я не могу и помыслить, чтобы лето прошло, и я что-то не сделал, или на этом уголке, или в другом уголке, что-то не украсил, что-то не разбудил к жизни. На следующий год опять море задумок. Идеи, они быстрее впереди бегут, чем то, что мы делаем. Каждая идея, она вынашивается год-два-три...

— Но хорошо ведь, когда все получается.

— Да. Думаешь, думаешь, как лучше, как правильной, как красивей, как чтобы на дольше хватило. Я считаю, что этот уголок и после меня будет жить. Я не знаю про колхоз, насколько его хватит после меня, а вот такие уголки — они будут жить. Они будут работать. Они служить людям будут. А ведь вот в таких уголках и рождается добро. Теплота. Любовь.

— К Родине.

— И к родине, и к земле, и к природе...

— Да я смотрю, Вам-то и отдыхать некогда...

— Бывает, иногда заскочим сюда с Николаем Васильевичем Рыковановым, это председатель районного потребительского общества, друг мой, гармонист, кстати, первостатейный, заскочим в этот уголок покумекать, подумать вместе, чего запланировать, и обязательно друг у друга спросим: «Когда же мы-то с тобой тут отдохнем?» Посмеемся — и дальше поехали.

— Красота, конечно, тут невероятная.

— Да, красота. Это действительно. И так, уголок за уголком надо отвоевывать. Уголок за уголком.

Надо делать. Чтобы это действительно служило народу. Ближние уголки, вокруг любого населенного пункта, должны привести в порядок сами люди, мы должны привести их в порядок. Не приведем мы — так кто же мы? Кто мы тогда? — вопрошал Горбунов.

...Давно уже размышляю над этим вопросом. И согласен с Горбуновым. Нужно винить не только власть в развале экономики и всего уклада нашей жизни, но и, в большей степени, себя. Если сидеть на печи и ждать, пока нам правительство сделает дороги, построит дома, пока рабочие места кто-то организует, то так на печи можно и ноги протянуть...

— Наверное, тот человек имеет право показывать пальцем на другого, в том числе на правительство, на власть, который сам-то что-то сделал. Который сам не пожалел себя.

— Согласен... У нас, у поэтов, есть такая излюбленная тема: оплакивать родительские дома, пустые незрячие окна, поломанную калитку...

— А много ли надо труда-то вложить? Чтобы эту калитку-то приколонтуть на два гвоздя?

Чье имя носит хозяйство?

Возвращаясь с прудового хозяйства, в котором нагуливают жир карпы и форели, мы выехали на довольно ухоженный проселок, который привел нас в большую деревню Верхний Рыстюг.

Заметно было, что в этой деревне противостоят друг другу две мировые тенденции: одна разрушительная по отношению к деревенскому миру, другая — возрождающая этот деревенский мир. Многие дома, ставшие в какое-то время бесхозными, обрели или новых или прежних хозяев, перестраивались или отстраивались в современной деревенской стилистике.

— Вот как надо биться за землю и деревню! — обрадовался я. — А что толку лить слезы и констатировать разрушение деревенского мира.

— А вот у нас родной дом нашего Героя Советского Союза Василия Михайловича Павлова. Вон тот с мемориальной доской, — показал Горбунов на ухоженный голубой дом. — Вот кто насмерть стоял за землю родную. И нам завещал. Не просто умирал,

а воевал по-настоящему, по-крестьянски толково, истово, и если умирал, то цена его жизни была предельно высока.

— Кто ж их учил воевать? Здесь, в Никольске?

— Наверное, сама жизнь, условия, крестьянский труд, традиции... — отвечал Горбунов.

— Это все, что называется единым словом — генетический код...

— У Василия Михайловича было всего три класса образования. Не было возможности учиться дальше, семья была большая. Так он с малолетства осваивал на практике плотницкое ремесло. И скоро стал известен, как мастер по строительству мостов. Десятки мостов в районе было построено им. Мало того, он перед войной стал инспектором дорожного строительства в районе. Самородок. Да что там, у меня отец тоже с четырьмя классами образования всю жизнь проработал на руководящих должностях. И многим, у кого высшее образование, давал фору...

Подвиг под Тарановкой

Вологодские ребята,
Мы от пули не бежим...
Наши головы не биты,
Мы в канавах не лежим...

Однажды я беседовал с отставным полковником, который провел лучшие свои годы в войсковых частях болотистой и лесной Архангельской губернии. Полковник тот был уральским татаринном, дорожил своей национальной историей, культурой и религией, но в разговоре со мной сделал признание:

— Лучше солдат, чем вологодские и архангельские ребята, — нет.

В самых экстремальных походах и учениях офицеры старались подобрать в ближайшее окружение бойцов только из вологодских или архангельских краев. Я, хоть и знал кое-что об этом, все же усомнился:

— Неужели костромские, ярославские, ленинградские чем-то отличаются?

— Только вологодские или архангельские, — рассердился полковник. — Эти ребята сами не пропадут и тебе пропасть не дадут, из огня, из воды вытащат,

напоят, накормят и спать уложат...

Я вспомнил этот разговор в Никольском районе, который всегда славился своим бездорожьем и отсутствием связей с большой землей. Был такой анекдот даже. Будто в Вологде на перроне кто-то из шутников кричит призывникам:

— А ну, никольские, посторонитесь, паровоз разворачиваться станет...

Бывший председатель райисполкома В. А. Корепин, а он правил районом лет тридцать, сказал:

— С нашим народом можно было выиграть любую войну...

И то верно, на один маленький район — два генерала Армии: Михаил Казаков, Анатолий Бетехтин и один маршал Победы — Иван Степанович Конев...

Поездив по Никольским Увалам, повстречавшись с людьми, я понял, почему наши северные ребята были лучшими воинами...

Вечером я зашел в интернет, нашел информацию про Героя Советского Союза Павлова и, потрясенный, надолго завис там. Этой информацией я должен непременно поделиться с читателями.

...В селе Тарановка Харьковской области нынешней Украины есть братская могила, в которой покоится прах девятнадцати Героев Советского Союза, воинов 78-го стрелкового полка 25-й дивизии, павших в боях при обороне переезда возле села.

Там останки и двух героических вологжан, крестьян А. П. Болтушкина из Нюксенского района и В. М. Павлова из Никольского. Именем Павлова и назван был ближайший к Никольску колхоз, ныне превратившийся в успешную, процветающую агро-

фирму имени Павлова.

Заканчивался февраль 1943 года.

«...Войска подвижной группы 3-й танковой армии вели тяжелые сдерживающие бои южнее Харькова..

Головной 78-й гвардейский стрелковый полк 25-й гвардейской стрелковой дивизия был выдвинут вперед в село Тарановку. Расположенная на холмистой гряде, через которую проходили железная и шоссейная дороги на Харьков, Тарановка имела важное тактическое значение. Оборона железнодорожного переезда, находившегося на левом фланге оборонительной линии полка, была поручена 1-му взводу 8-й стрелковой роты под командованием гвардии лейтенанта П. Н. Широлина.

Вечерело. После дневной оттепели стало подмораживать. Чтобы определить позиции каждого отделения, Широлин вместе с командирами отделений вышел к переезду и поднялся на железнодорожную насыпь. Перед ними простиралось поле, покрытое снегом. Справа виднелось село, слева одиноко стояли здания полуразрушенной железнодорожной станции Беспаловка. Издалека доносился гул артиллерийской канонады.

Командир взвода, осмотрев впереди лежащую местность, решил построить оборону углом вперед — вдоль железнодорожной насыпи, откуда местность хорошо просматривалась.

На самом переезде было приказано занять оборону 3-му отделению под командованием гвардии старшего сержанта И. Г. Вернигоренко. Для поддержки ему было выделено 45-миллиметровое орудие

гвардии сержанта Комарова, уступом назад справа вдоль железнодорожной насыпи заняло оборону 2-е отделение гвардии сержанта И. В. Седых, а слева — 1-е отделение гвардии старшего сержанта, вологжанина, А. П. Болтушкина. Командно-наблюдательный пункт командира взвода был оборудован в полуразрушенной железнодорожной будке.

Несмотря на большую усталость после восьмидесяти километрового марша и наступившую темноту, воины взвода Широнина сразу же начали рыть окопы и ходы сообщения. Работали почти всю ночь. Каждый трудился с полной отдачей сил.

Герой Советского Союза И. П. Букаев вспоминал позже, что П. Н. Широнин, обходя позицию взвода, говорил гвардейцам: «Поторапливайтесь, товарищи. Противника лучше ждать в хорошо оборудованных окопах и траншеях, чем за бугорком или кочкой».

К вечеру 1 марта подразделения полка, в том числе и воины взвода Широнина, в основном закончили оборудование своих оборонительных позиций. Оставалось лишь замаскировать их, но сильная усталость бойцов и наступившая темнота не позволили выполнить эту работу. Воины 1-го взвода 8-й стрелковой роты были отведены на отдых в оборудованную землянку в районе железнодорожной будки. От каждого отделения было выделено по два наблюдателя.

...Утро 2 марта выдалось морозным. Сквозь разорванные облака проглядывало солнце. Воины, позавтракав, принялись маскировать позиции. Нужно было присыпать снегом свежерытую землю. Но завершить эту работу не удалось. В небе появился вражеский самолет-разведчик. Он летел вдоль

железнодорожного полотна в направлении Тарановки, затем стал кружиться над участком обороны полка.

— Высматривает, теперь жди бомбардировщиков, — заметил кто-то из бойцов, наблюдавших за самолетом-разведчиком.

И действительно, не прошло и получаса, как в небе показались две группы «юнкеров». Одна из них устремилась в направлении железнодорожной станции и к переезду, а вторая — на Тарановку. Приняв боевой порядок, бомбардировщики атаковали южный участок обороны полка. Один за другим они в течение 40 минут сбрасывали свой смертоносный груз на станцию Беспаловку и железнодорожный переезд южнее Тарановки. Воины взвода, укрывшись в щелях, вели огонь по пикирующим самолетам противника, но он был малоэффективен. Бомбы рвались по обеим сторонам железнодорожного полотна, образуя огромные воронки.

У оборонявшихся появились первые потери: был убит командир орудия гвардии сержант Комаров и тяжело ранен второй номер расчета гвардии рядовой Петренко. Невредимым остался один наводчик гвардии рядовой А. Н. Тюрин.

Узнав о потерях, командир взвода задумался: кого же поставить к орудию? Перебирая в памяти весь состав взвода, он вспомнил, что гвардии старшина Сергей Нечипуренко в прошлом служил в артиллерии и направил его на помощь Тюрину.

В 8 часов после короткого огневого налета артиллерии противник перешел в наступление. Оборонительные позиции 78-го гвардейского стрелкового

полка атаковали около 70 танков и штурмовых орудий и до полка мотопехоты на бронетранспортерах.

Как позже стало известно, здесь наступала 6-я немецкая танковая дивизия.

Только в направлении железнодорожного переезда двигалось 25 танков и 15 бронетранспортеров. На глазах широнинцев вражеские машины развернулись в боевой порядок и на полном ходу устремились в атаку. Расстояние между противником и позицией взвода быстро сокращалось.

П. Н. Широнин приказал бойцам подготовить противотанковые гранаты, а расчету орудия — открыть огонь по головным танкам.

Начался неравный поединок. Раздались первые выстрелы противотанковой пушки. Их заглушили канонада и гул моторов вражеских машин. Снарядами, выпущенными расчетом А. Тюрина, были подбиты два фашистских танка. Третий, идя на большой скорости, вплотную приблизился к переезду. Гвардии сержант Василий Грудинин поднялся во весь рост и швырнул гранату в сторону вражеской машины. Танк продолжал двигаться. Тогда гвардеец с гранатой в руке бросился под стальную громадину.

Так одним из первых погиб в этом жестоком бою Василий Грудинин. Четвертый танк успел выскочить на железнодорожную насыпь. Александр Тюрин быстро развернул орудие и, не отрываясь от прицела, послал один за другим два снаряда. Машина резко остановилась с разорванной гусеницей. Из подбитого танка гитлеровцы открыли сильный фланкирующий пулеметный огонь.

Выбрав удобный момент, гвардии старший сер-

жант Иван Вернигоренко подхватил валявшийся на земле трак от гусеницы, вскочил на танк и сильным ударом по пулемету согнул его ствол. Пулемет умолк.

Возвращаясь в окоп, Вернигоренко и не подозревал об опасности, подстерегавшей его. Из башни вражеского танка показался гитлеровец с автоматом в руках. Он прицелился в перебежавшего бойца, но фашиста опередила длинная очередь пулеметчика Сергея Зимины, который внимательно следил за действиями Вернигоренко. Бойцы взвода и расчет 45-миллиметровой пушки усилили огонь. Враг не выдержал и отошел. Первая атака была отбита.

Командир взвода гвардии лейтенант П. Н. Широкин был ранен в руку. Получили ранение рядовые Николай Субботин, Яков Злобин, Степан Фаждеев и Иван Силаев, но никто из них не пожелал отправиться в полковой медпункт. Все остались в строю.

Несмотря на ранение, командир взвода во время короткого затишья обошел позицию взвода, говорил с бойцами, подбадривал их. Спокойствие и уверенность Широкина подняли боевой дух солдат.

— Главное берегите себя, — говорил он. — На каждого из нас приходится десятки врагов. Погибнуть в бою — не большая мудрость, а выжить и победить — вот наша задача.

Вторая атака противника началась после сильного артиллерийского обстрела позиции взвода. Вражеские танки снова двинулись, сосредоточивая весь огонь на пушке. Осколком вражеского снаряда был тяжело ранен командир орудия Александр Тюрин. У орудия остался только гвардии старшина Сергей

Нечипуренко, который успел подбить бронетранспортер и танк. Но вот другой танк на полном ходу ворвался на огневую позицию и раздавил орудие. В этой схватке гвардии старшина Сергей Нечипуренко был тяжело ранен. К прорвавшемуся танку пополз Иван Вернигоренко. Двумя метко брошенными противотанковыми гранатами он подбил машину. Однако был сам тяжело ранен.

Напряжение боя не спадало. Гвардейцы сильным ружейно-пулеметным и автоматным огнем заставили залечь пехоту противника. Тогда вражеские танки, стреляя на ходу и с коротких остановок, пошли на окопы широнинцев.

Андрей Скворцов, Иван Седых и Василий Павлов, обвязавшись противотанковыми гранатами, рванулись им навстречу. Заметив бегущих бойцов, вражеские танкисты открыли пулеметный огонь. Но гвардейцы успели бросить гранаты. Три танка остановились.

В этом неравном поединке Андрей Скворцов, Иван Седых и Василий Павлов погибли смертью героев.

Атака противника продолжалась. Его пехота, прикрываясь броней танков, подошла к окопам. Началась рукопашная схватка. Отвагу и мужество проявили гвардейцы Сергей Зимин, Иван Силаев, Василий Танцуренко и Степан Фождеев. Они уничтожили более 20 вражеских солдат и сами пали в смертельной схватке с врагом.

Встретив такой решительный отпор, враг вынужден был отойти, оставив на поле боя еще пять танков, несколько бронетранспортеров и более

50 убитых.

При отражении второй атаки сильно поредел и взвод гвардейцев широнинцев. В нем осталось 14 человек, причем несколько из них были ранены. В рукопашной схватке еще одно ранение получил Широнин, но продолжал руководить боем.

Враг не унимался. Взвод вновь подвергся удару бомбардировщиков, потом началась третья атака.

Гитлеровские танки развернутым строем быстро приближались к позиции взвода. За танками перебежала пехота. Подпустив противника на близкое расстояние, гвардейцы открыли ружейно-пулеметный огонь, заставив залечь вражескую пехоту. Танки же продолжали двигаться вперед. Вот головной танк подошел вплотную к окопам и открыл пулеметный огонь. Тогда из окопа поднялся помощник командира взвода гвардии старший сержант Александр Болтушкин.

Он осмотрелся: перед ним стоял танк, а около него лежали два гитлеровских автоматчика. Болтушкин прицелился и двумя короткими очередями из своего автомата уничтожил вражеских солдат. А затем подполз к танку и метко брошенной противотанковой гранатой, подорвал его.

Бой, ни на минуту не ослабевая, продолжался. Один за другим гибли герои, но оставшиеся в живых не отступали, ни на шаг. Осколком снаряда в третий раз был тяжело ранен командир взвода Широнин, и офицера вынесли с поля боя.

Вот уже в строю осталось шесть гвардейцев — Букаев, Торопов, Чертенков, Крайко, Визгалин и Шкодин. И всё же горстка храбрецов продолжала

неравный бой. Метким пулеметным и автоматным огнем, они прижимали гитлеровцев к земле. Гвардии красноармеец комсомолец Петр Шкодин, увидев, что вражеское штурмовое орудие начало обходить позицию, устремился наперерез фашистской машине. Когда метко брошенная им противотанковая граната разорвалась, штурмовое орудие неуклюже съехало с железнодорожной насыпи в кювет и загорелось. Шкодин быстро вернулся в расположение взвода и продолжал стрелять из автомата.

Тем временем из подошедших двух бронетранспортеров выскочили вражеские автоматчики. На железнодорожном переезде завязалась смертельная схватка. Шестерка гвардейцев огнём и гранатами уничтожала гитлеровцев. А когда у Чертенкова кончились в диске автомата патроны, грузчик из Улан-Удэ схватил автомат за ствол, поднялся во весь рост и с возгласом «За смерть моих товарищей, получайте, гады!» ринулся на врага. Тяжелые мускулистые руки рабочего налево и направо крушили вражеских солдат. Не один гитлеровец упал с проломленной головой. В разгар схватки воин-герой в упор в спину был сражен автоматной очередью. Но Чертенков еще успел обернуться и, схватив гитлеровца за горло, вместе с ним рухнул на землю.

В этой неравной схватке погибли гвардейцы Петр Шкодин, Иван Чертенков, Алексей Крайко, Иван Визгалин.

Но гитлеровцы вновь вынуждены были отойти. Враг не знал, что позицию у железнодорожного переезда удерживали только два раненых бойца. Это были гвардии рядовые Иван Букаев и Александр

Торопов, которые продолжали вести огонь из ручного пулемета и автомата.

В 20 часов 2 марта на помощь героическому взводу подоспело подкрепление, посланное командиром полка из второго эшелона.

Противнику так и не удалось захватить железнодорожный переезд. Дорого враг заплатил за попытку прорваться на этом направлении. Перед позицией взвода Широлина застыли 10 подбитых и сожженных танков, штурмовое орудие и бронетранспортер. Вокруг них валялось свыше сотни трупов гитлеровских солдат.

На такси по рыжики

Пока мы колесили по району, начался самый рост рыжиков. Смотришь, ближе к вечеру по Никольску прямо шествие грибников с корзинами, полными осеннего золота. Захотелось и самим рыжичков. Надо бы проводника. А где его искать? И тут нам посоветовали.

— За рыжиками мы теперь на такси ездим. За 100 рублей подвезут прямо к пленам. Выходи и режь, сколько влезет...

Остановили старенькую пятерку. Смотрю, а за рулем знакомый журналист. Бывший редактор «Уездных новостей» Николай Гагарин. Одно время он в районной газете «Авангард» работал, но его уволили по 33 статье «за недолжное исполнение своих обязанностей». Критиковал много начальство. Потом и в «Уездных новостях» не удержался. Пришлось с топором в Москву ехать... на халтуру. А несколько лет назад при встрече подарил мне книжицу с записками таксиста. Надо сказать, талантливая книжка. С удовольствием прочитал. Столько нового узнал о жизни маленького городка.

И вот едем на легендарной уже машине с леген-

дарным николевским таксистом за рыжиками.

— Это улица Конева?

— Да, улица Маршала Конева. Здесь тоже чехарда с нумерацией: в самом низу стоит «улица маршала Конева, дом 1а», рядом с ним стоит дом «улица маршала Конева, дом 1а». Этот 1а, и этот — 1а.

— Заезжаешь в деревню, должен справа второй, слева первый быть, а там такой хаос, что не разберешь. Подвозил как-то двух женщин, в возрасте уже, старушки. Спрашиваю их: «Почему у вас такая чехарда с номерами? Как вообще номера раздавали?»

Вот одна бабушка и рассказывает: «А у нас глава администрации высыпал бирки на стол, и говорит: „Ну-ко, робятешка, побегайте, кому — какой“. Ну, и прибили — кому какой».

Вторая бабушка в разговор вклинивается: «Не-ет, в нашей деревне так все по уму. Вот если, к примеру, Петька Желтый первым строился — у него и первый номер дома, а если Васька Косой вторым строился — у него второй». И не гадай, что Петька с Васькой на разных концах деревни живут, а кто когда из них строился, кроме этой бабушки, наверное, никто уже и не помнит. Зато «все по уму».

— Нравится профессия таксиста?

— Да. Все время с народом, свежие новости. В газетах у нас свежих новостей не прочитаешь, особенно в нашем «Авангарде», а от людей можно многое узнать.

— Такси новостей?

— Байки — это как бы вымысел, а записки — это настоящие, реальные истории. Так вот родилась идея создания этой книжки, а сначала просто рассказывал

эти истории своим пассажирам, знакомым, в том числе и Василию Михайловичу Мишеневу. Вот он предложил: «Давай, говорит, ты книжку издай».

— Так у тебя такси необычное.

— Да, такси необычное. Дамы всегда телефончик спросят: «Давайте, мы вам в следующий раз позволим, как ехать куда, так вы нам еще что-нибудь интересненькое расскажете». И звонят, рассказываю.

— Ну, а нам чего-нибудь интересненькое? Вот мы снимаем фильм о Северных Увалах. В центре фигура Геннадия Горбунова, как успешного хозяйственника.

— Для меня он был и остается самым лучшим главой администрации района из всех, что у нас были до и после. Самый хозяйственный, рачительный человек. Мы знакомы были, с юношеских лет, но «шапочно» знакомы. А потом случилась у меня такая история, что меня в девяносто третьем году уволили из районной газеты «Авангард» по 33-ей статье «За ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей». Писал то, что народу нравилось, но не нравилось местным чиновникам.

И остался я в такие лихие годы без работы. Шел, уже уволенный, по мосту, остановился там, мысли весьма грустные были. Вдруг смотрю — Горбунов едет. Вот я и сказал ему: «Геннадий Александрович, не возьмете ли, — говорю, — на работу человека с 33-ей статьей?» Задумался он: «Ну, сейчас, — говорит, — и с обычной-то статьей проблемно взять, а с 33-ей... Надо подумать».

Я говорю: «А если учесть, что этот человек перед Вами стоит?»

— «Ну, какой разговор, приходи завтра, все сдела-

ем, все изладим».

Вот так оказал он мне моральную поддержку. Хотя обратиться на работу к нему так и не случилось, но то, что моральную поддержку в такое время трудное оказал — это уже многого стоило.

— У тебя даже записки какие-то есть, да? Вот о том времени.

— Да, есть. Я позаписывал много, особенно о том времени, когда, так сказать, «прокатили» Горбунова на этих выборах никольчане.

— Горбунова? Как это возможно было. При его авторитете...

— Многие потом жалели об этом, со многими я разговаривал на эту тему и после выборов. Многие сожалели, что так получилось. А хотите, я вам отдам эти записки? Может быть, на что и сгодятся.

Горбунов сам работал не щадя живота своего, и других работать заставлял. И особенно вот это номенклатурное болото сильно взволновалось, что с него снова требовать начнут. И большое противодействие тут было организовано. Вот так случилось. В альтернативу ему выдвинули более мягкого Подольского Вениамина Васильевича. И район начал скатываться вниз. Вениамин Васильевич ездил ленточки расстригать на открытии частных магазинов...

А Горбунов... он в самое сложное время принял район. Самые трудные времена были. Многого тогда добился, много сохранил организаций, в частности, Никольское ДРСУ. Надо было работой обеспечить, начали строить объездную дорогу вокруг Никольска. Это позволило ДРСУ сохранить кадры и объем работ. Сохранили Никольский леспромхоз, в те годы он

начал прибавлять в объемах. Много было. Сейчас уже навскидку и не скажу, у меня подробно записано все в материалах.

— Хорошо, ладно. Но самому-то вот судьба-то, с 33-ей статьей дальше? «Ненадлежащее исполнение» — тогда это, по сути дела, и у Горбунова «ненадлежащее» было? Время пришло такое, когда «надлежащее» — именно это то, что «надо лежать» побольше было, да?

— Да вот после этой 33-ей статьи лет 10, наверное, так перебивался случайными заработками. Ездил в Москву, как и многие никольчане, на строительство дач, прочих объектов. Ездили и по району с торговлей еще. Сложно было. Сложное время...

— Как, кормит машина-то? — спрашиваю Николая Гагарина.

— Нынче этот промысел вне закона. Я вас по-дружески прокачу. Бесплатно. Перекрыли и эту возможность, хоть как-то зарабатывать на жизнь. Звонит мне однажды местный представитель ЛДПР: «К нам приехал, — говорит, — депутат Госдумы от ЛДПР. Николай, — говорит, — приди хотя бы ты, да задай ему пару каверзных вопросов, как ты это умеешь. Я тебе и бутылку за это поставлю».

Я говорю: «Не надо бутылки, за державу обидно, загрузу по полной программе».

И вот, собрались мы в зале администрации района: депутат — слуга народа, помощник слуги народа, третий — представитель от прессы, наш местный представитель ЛДПР, ну, и я — господин народ в единственном числе.

На прavaх господина начал встречу. «Насколь-

ко, — говорю, — мне известно, Вы из комиссии по правам человека, поэтому я хочу Вам официально заявить, что у нас нарушают права человека».

— «Кто нарушает?»

Я говорю: «Депутаты Госдумы».

Он: «Как так, объясните?»

Вот я объясняю ему, что пять лет работал в такси «Никольчанка» по договору аренды. Договор был составлен на основании статьи 16 Конституции Российской Федерации. Я со своей стороны договор не расторгал, предприниматель со своей стороны договор также не расторгал. И тут вдруг депутаты издали новый Указ о работе такси, в результате действия этого Указа мы оказались вне закона. Почему? Депутатский Указ оказался выше Конституции Российской Федерации?

Задумался наш депутат: «Да, — говорит, — здесь действительно нарушение. Пишите заявление, будем разбираться». Я говорю: «Да какое заявление?» В это время по всей России забастовки прокатились. У нас в Вологде, в Череповце забастовки были. Действие Указа предложили до президентских выборов не применять. Президентские выборы прошли, действие Указа вступило в силу. Так что может значить мое заявление на фоне массовых забастовок?

— «Понимаете, — говорит, — „Единая Россия“ создала нам такие условия, что мы просто не можем работать». Я говорю: «Понимаете, вы вместе с „Единой Россией“ создали нам такие условия, при которых мы не можем жить! Таким образом, складывается революционная ситуация. Верхи не могут, низы не хотят, и до 17-го года недолго осталось. Сегодня

вот мы с вами сидим, диспутируем, а завтра окажемся по разные стороны баррикад».

Депутат: «Да, но наша партия не голосовала за этот Указ!» Я говорю: «Когда дойдет до этого дела, никто никого не будет спрашивать, кто и за что голосовал». Вот такая у нас состоялась беседа интересная. Записал я ее тоже, называется у меня «Встреча с депутатом или Доведут ли Русь до топора?» Эпиграфом к этой статье я поставил анекдот, как я часто люблю это делать: «Приходит на прием к врачу-психологу мужчина, говорит: «Доктор, у меня в последнее время психологические проблемы, связанные с работой». Доктор: «Так-так-так, расскажите, пожалуйста, кто вы по профессии, в чем они заключаются?» — «Да понимаете, по профессии я плотник. Как только возьму в руки топор — так сразу начинаю думать о правительстве...»

...Что было дальше, мы уже не услышали, потому что въехали прямо в рыжичные плены. И справа, и слева старенькой пятерки, на сколько видит глаз, стояли шеренги и толпы молодых, крепких рыжиков...

Николай обещал прислать на мой адрес свою статью о Горбунове и его хождении во власть. Статью эту ему не удалось пока нигде опубликовать.

Жена: «Гнездо — моя забота...»

Я Вологодский пединститут заканчивала. В школе работала всего три года. Один год был плодотворной работы, потому что работала в Маркове. Геннадий Александрович откуда родом, он Марковскую школу заканчивал тоже в свое время. Нагрузка была большая, с ребятами общаться нравилось. Потом поставили меня директором школы. Ну и все. Мне все разонравилось. Потому что от ответственности бегать я не привыкла, все брала на себя: кочегар пьяный — шурую дрова в топку. Дров нет, топить нечем — бегу к председателю, собираю ребят в сани, в повозку — и в лес. В общем, все. Больше не захотела работать. Три года — и все.

Мы познакомились с ним, когда я первый год еще работала. С моря в отпуск приезжал, денежки направо-налево, друзья, девочки и прочие. Я этого абсолютно не приемлю, мне в другую сторону. Ну, а потом как-то, в следующий отпуск приехал и сказал мне: «Я когда тебя увидел, понял, куда мне рулить надо».

Ну, с этого все и началось. На третий год моей работы в школе мы и поженились. Так вот и живем. Сколько уже теперь? В 80-м году мы поженились... 36 лет.

— Сколько раз приходилось «гнездо-то вить»?

— Гнездо... Ну, первый самый, когда мы поженились, мы уже знали, что все равно не останемся на съемной временной квартире здесь в Никольске. Но я его все подбивала куда-то...

Вот дочь у меня сейчас младшая, мне кажется, это копия моя. Я его подбила уехать в Ленинградскую область. Под Ленинград тогда еще. Там дочь у нас старшая родилась, там он у нас поступил в институт сельскохозяйственный, помогала ему. Инженерно-механический факультет, там же и математика, там и все.

Но, вот не прижился он там. Я вроде бы и хотела остаться, но он уперся. ... И здоровье, видимо, там, климат не тот. Питер на болотах стоит, может быть, влажный климат влияет. Приехал в первый отпуск, родители его уговорили: «Давай выезжай, нечего тебе там болеть».

И уехали. Дочке годик был старшей.

Да и ничего, вроде теперь не жалею. Потом, когда эта «перестройка» -то, закрутилась, пошло-поехало, я перестала жалеть, что мы уехали из Питера. Мне было здесь хорошо и спокойно, правда.

Ну, знаете, что у нас еще двое родились. Все девочки. И внучки девочки. Вот теперь внука будем ждать, еще и внук будет один. Дочь в декретный пошла. Двое пока. Третий на подходе.

Младшая-то, она неглупая девочка. Да все они

такие у нас. Геннадий Александрович привык: такие-сякие... он все больше худшую их сторону как-то отмечает. А мне, наоборот, нравятся. Раньше считалось, что жена, должна готовить, шить, вязать и прочее. Мои все это умеют. Правда. Я не хвастаюсь! Во всяком случае, что можно было — я все им дала.

Я знаю, что он их любит, он и помогать им всегда будет, ну, такой человек прямолинейный. Он, по сути дела, такой преобразователь этого мира. Он все время смотрит вперед. Вот он одно дело не закончил, я его тоже за это все время упрекаю, уж и ругаю: «Ты закончи одно, доведи...»

Я люблю, когда дело начатое закончено, все со всех сторон обкатано, и уже тогда можно приступить к другому. Понятно, что пока обкатываешь, можно вперед смотреть, не начиная нового дела. А он — наоборот, не закончивши это, много всяких недоделок, шероховатостей, он уже начал, погряз в другом, в новом уже... Может быть, именно поэтому у него все и получается. Потому что он «дальше, дальше, больше, больше!» У него всегда дел масса, но за собой оставляет много недоделок. Правда, уже команда должна подхватывать и... шлифовать.

Я его к домашнему хозяйству не привлекаю. Все сама. Пусть занимается большим, глобальным. А в доме я единовластная хозяйка. Мне нравится менять внутреннее пространство дома. Хотя бы раз в две-три недели мебель переставить. Мой отец прежде говорил: «У Ольги нет ни одной стены в доме, которая не пропилена была бы».

Вот в этот дом мы заехали в 90-м году. Вот этого проема дверного не было. Ходили — вот здесь был

проем. У нас была корова, тогда же жили натуральным хозяйством, ничего не было, надо же было детей-то кормить. Корова, теленок, поросенок курицы... Надо было ходить с ведрами. А зимой вообще по три раза в день по 4—5 ведер таскать. Дома же все это готовишь. Пришлось здесь пропиливать стену.

Поедет хозяин в командировку, а он терпеть не может, если в доме суета, перестройка, — ему же отдыхать надо, — я приглашу соседа, он у нас был рукодельный, домовитый такой мужичок:

- Коля, приди, возьми только бензопилу с собой.
- Что делать?
- Вот стену вот эту выпилим.
- Выпилим.

Приедет Геннадий Александрович, у меня уже все чисто, хорошо, спокойно...

Спрашиваю:

— Гена, если эту стену убрать, — вот там стена у нас была, — потолок упадет или нет?

Он ходил, ходил, почесал в голове, с этой стороны посмотрел, залез на чердак: «Пили!»

Он поехал в командировку, я зову Колю. Коля у меня выпилил эту стену. Вынесли, вывезли, все сделали. Он приезжает — стены нет. Вот так и делала перестановку...

Так может вам мои инструменты показать? У меня и болгарки, и электрические пилы, рубанки, шуруповерты... Садовый измельчитель вот, культиватор... Всем инструментом владею... Я и машину вожу.

А вот сад, огород, земля — это у меня копи. Вот как сюда переехали мы, 26 лет назад... сначала был

просто собирательный такой, знаете, интерес, чем больше я посажу, чем больше цветного, тем красивее будет у меня. А потом захотелось какого-то порядка, гармонии... Нравятся хвойнички какие-нибудь интересненькие. Голубая ель, можжевельничек, коника, барбарис, туя, гейхера. Очень много раздаю. Оно же все разрастается, каждый год. Сейчас только вот до вас приезжали девочки, на пруд повезли три ящика, три коробки большущих флоксов да всего... Вот. Пойдемте, там еще кедры.

Вон, видите? Полкорзины маслят. Обалдеть! Видимо, из лесу-то они, кедры эти, привезены, с плантации. Скорей всего, что грибница была.

Однажды Геннадий привозит, мать еще жива была, свекровь, два кочана капусты. Я говорю: «Ты зачем привез капусту?» «Ну, я, — говорит, — думал, что у тебя нет». Привела его поглядеть. Он просто был поражен. У меня и помидоры, и огурцы, и все, все, все. И все в таком количестве, что хоть на рынке торгуй...

Так вот, теперь он знает, что у меня в огороде есть. А потом он стал в огород водить у меня гостей и экскурсантов. Кого-нибудь привезет, ведет на экскурсию.

Дорога к дому

Это было уже зимой. Мы ехали в Красавин Починок на родину Геннадия Горбунова. Зимняя дорога, недавно расчищенная грейдером, была скоро и легка.

— Вот этой дорогой я в школьные годы бегал в Никольск на учебу. Сорок километров. Каждую субботу и воскресенье... Вприпрыжку за шесть часов, — рассказывал Горбунов.

Он вез нас в комфортабельном, роскошном вседорожнике. Мы ехали отрогами Северных Увалов, тех самых водораздельных холмов, с которых начинаются великие реки, текущие на Север в Ледовитый океан и на Юг — в Каспий, бывший некогда великим океаном Тасис...

Загадочны картины Никольского района. Все исторические источники говорят об якобы депрессивной экономике района во все времена. Но глядишь на старинные деревни, рассыпанные по увалам, и не веришь этим утверждениям. По пятьдесят, сто, сто пятьдесят подворий. А какие дома! По две избы под одной крышей, в два этажа, с рубленными мезонинами...

Это ж настоящее богатство! Откуда? Уж, верно, не хмель, которым в 19 веке гордилась Никольщина, давал его, богатство. Тогда, может быть, удаленность от начальства? Вполне и эта версия может подойти. Власть, похоже, не жаловала крестьянство во все времена.

В девяностых годах я работал в Центре Гуманитарных Исследований института философии РАН, и мы проводили социологические исследования в деревнях и лесных поселках соседнего Бабушкинского района. Вот, что выяснилось в результате опросов крестьян: «Самым благоприятным периодом жизни в деревне люди называли правление Брежнева, среди политических деятелей особо выделяли Маленкова, который после смерти Сталина в короткое свое правление прирезал колхозникам огороды и снизил налоги. И самым желаемым политиком называли Сталина».

В конце восьмидесятых на экраны СССР у нас с Александром Сидельниковым вышел документальный фильм «Преображение» о судьбе русского крестьянства в 20 веке, многие сцены фильма мы снимали в лесных поселках опять же Бабушкинского района.

Лет пятнадцать спустя, ко мне обратилась сценарист фильма «Неподнятая целина» Светланы Сорокиной с просьбой поделиться материалами о спецпереселенцах. Они хотели рассказать об ужасах сталинского режима. Не сразу, но я согласился и привез Сорокину в Тринадцатый Квартал, поселок спецпереселенцев.

И каково же было потрясение ее, когда с порога

люди, потомки репрессированных крестьян, стали заявлять, что они все сплошь сталинисты. В лесных поселках раскулаченных спецпереселенцев из Украины боготворили Сталина. Выселение на Север, в леса, оказалось для них спасением: сначала от грянувшего голода на Украине, от немецкой оккупации и мясорубки сорок первого года. Раскулаченных стали брать на фронт позднее, когда потери пошли на убыль. И еще раз — от голода 48 года. Власть не ограничивала спецпереселенцев в возможностях держать огороды, скот, реки были полны рыбы, леса дичью, а в лесной промышленности платили очень хорошие деньги...

Рассказам этих свидетелей ужасного сталинского правления в фильме Сорокиной почему-то не нашлось места. Что вспомним мы о нынешней власти, планирующей ликвидацию уже неперспективных городов, не оставляя русскому народу даже резерваций...

Либералы, например, превозносят Петра I. Вот некоторые цифры времен его правления:

«Реформы Петра I принесли на Север опустошение и упадок экономики. Ежегодно только кокшары (ныне Тарногский район Вологодской области, по Никольску у меня нет данных — уезд здесь был основан при Екатерине) вносили в казну 129 руб. 4 алт. 3/4 деньги с рыбных ловель, 99 руб. 26 алт. 5 ден. с бань, 18 руб. 16 алт. 1 деньгу с мельниц... А всего налогов платили 5063 руб., 4 алт., 1/2 деньги.

Хорошая рабочая лошадь тогда стоила 6 рублей, туша говядины на городском рынке «тянула» на 2 рубля, баранья туша — на 0,5 рубля. Чтобы рас-

считаться только с основными налогами, крестьянин ежегодно должен был отдавать больше двух третей того, что могла вырастить и собрать его семья. Еще были и косвенные налоги: померный (за взвешивание на весах), хомутейный, шапочный, сапожный, кожный (за право изготавливать хомуты, шить шапки, тачать сапоги, выделывать кожи), «подушной с извозщиков», с постоянных дворов, «пролубной» (за пользование прорубями на реках), водопойный, трубный с печей (за постановку трубы над печью), привальный и отвальный (с судов, шедших по рекам), «со всякой купли и продажи». Крестьянин у себя в волости носил бороду беспошлинно, но при въезде в город и выезде из него платил за бороду по 2 деньги. Дворяне, чиновники и рядовое купечество, желавшие ходить с бородой, вносили в казну по 60 рублей, а купцы первой гильдии — по 100 рублей в год. После уплаты этого оброка им выдавалась медаль с надписью: «з бороды денги взяты».

С каждой варки пива бралась явочная пошлина, со свадеб — купичные и убрусные. Облагались «десятой деньгой» заработки деревенских батраков, плотников и бобылей. Кроме того, крестьяне платили за содержание земских властей — чиновников и приставов. Существовала также пошлина за земского дьячка — 50 копеек в год.

Так что крестьянин от этого налогового, начальственного засилья стремился уйти как можно дальше, где его бы не достали.

И, скорее всего, дороги его уводили в Сибирь. Ведь именно по этим водораздельным холмам шла

дорога в сторону, богатую сободем и иной пушницей...

В самом начале Никольского района будет большое село Аргуново, родина отца Горбунова. Отсюда с вершины холма хорошо видно, как цепочки деревень уходят по холмам на восток. Такое ощущение, что дорога эта проходит по небу.

Что же означает это слово — Аргун? Явно тут присутствует санскрит... «Ар» — свет, «га» — движение. Известно, что «сварга» — означает «божественная, небесная дорога, светоч»... Скорее всего, «арга», «аргун» так же будет означать «путь к свету, солнцу»... То есть, известное нам по средним векам «Хождение встреч солнцу», на восток...

...Деревня Красавин Починок еще сохраняла остатки былой мощи.

— Здесь было три Горбуновских дома. Наши дома были самые большие, самые ухоженные. А вот в этом доме, окнами на реку, я вырос. В тридцатых моего деда раскулачили. За четыре коровы и четыре лошади... Отправили в Ухту, а потом в Инту... Там он и сгинул. Дом заняли под сельсовет. Правили те, кто всю жизнь от работы бегал. Лодыри и завистники. А бабуку с детьми выселили в баню. От горя она обезножила. Нынче эту болезнь называют инсультом. Два года ее отпаривали в бочке с травами. И она пошла, наконец. Но из бани ее еще трижды выселяли за недоимки...

Мы пересекли мост, за которым когда-то стояли клуб и фермы, и отправились лесной дорогой в Елховку, деревню, которая раньше славилась удивительными мастерами. За Красавиным Починком

начиналась дорога, накатанная лесозаготовителями. Крутой внедорожник Горбунова легко преодолевал эту заметенную снегами дорогу жизни, соединяющую Елховку с миром.

— Лет тридцать здесь не бывал, — сказал Горбунов с сожалением.

— Нам бы для фильма сцена нужна с буксованием, — попросил я Горбунова. — Нужен образ: родина держит.

— Это не проблема, — отвечал уверенно Горбунов, — забуксовать я, где хошь, могу.

Он слегка повернул руль, и внедорожник, неожиданно завалившись на бок, встал.

— Здорово! — похвалил я. Горбунов не отвечал.

Мы, выскочив из машины, принялись снимать, как внедорожник, гребя всеми четырьмя колесами, все глубже зарывается в снег. Потом из под колес стала вылетать жидкая грязь, а машина и вовсе легла на бок.

— Приехали, — сказал все так же уверенно Горбунов.

Мы еще побуксовали. Кадры получались крутые.

— Володя, убирай свой телевизор! — сказал Горбунов. — Тут у нас не кино, а настоящая жизнь начинается. Колхозные слезы и сопли.

...Самим выбраться не было никакой возможности. Была середина дня, заснеженная дорога была пустынна, мобильная связь не работала. В городском вседорожнике не было даже лопаты.

— Север! — сказал я. — Жизнь в экстремальных условиях. Одно неверное движение и ты получаешь сполна все прелести нашего существования в услови-

ях отрицательной изотермы...

— Это вам не Гольфстрим! — поддержал меня Горбунов и решительно направился к темневшим вдалеке избам деревни Елховки. — Хоть лопатами разживемся. Хотя мы сидим так, что лопаты вряд ли нам помогут.

Мы пошли по следам лесозаготовителей, которые были сверху испещрены волчьими стежками. Я вспомнил рассказы никольчан про волков, которые среди бела дня в поселке Борок задрали всех собак.

Елховка была пустынна. Большинство домов ее были или на половину разрушены, или засыпаны снегами по брови, не выдавая ни единым следочком присутствия человека.

Я подумал, какая жизнь здесь ликовала и сверкала всеми своими красками еще пятьдесят лет назад! Какие завораживающие коллективные труды знали эти поля и луга. Как страдали деревни в сенокос, соединяя труд и песню, как весело было всем миром осилить стога и скирды перед наступающими перевалами гроз, как радостно трудились все от мала до великого на жатве, на тереблении и уборке льна, и как потом гуляли на деревенских пивных праздниках, которые не знали водки и самогонки, а лишь сваренное стариками по вековым рецептам, без дрожжей и сахара, пиво... Как уважительны и добросердечны были отношения между людьми, когда все были Иванами Ивановичами и Марьями Ивановнами...

Однако Горбунов нашел жилой дом и хозяина его, копавшегося по хозяйству во дворе.

— Геннадий, как хоть ты здесь? — заволновался

хозяин, обрадовавшийся неожиданной встрече. — А мы здесь два старика остались. Я да Миша Бушманов. Бабы у нас давно примерли. Миша уж пять годов, как вдовствует, а я — больше десяти. Скучно. Вечером соберемся, посумерничаем, поговорим, да и по домам, на боковую.

Старик дал нам две лопаты, Горбунов, вскинув их на плечо, пошел обратно, а нас отправил к Михаилу Бушманову, второму старожилу Елховки, у которого, якобы, была машина.

— Он уже старый совсем, за восемьдесят, — сказал нам Горбунов. — Помню, мне было семь-восемь лет, мы силосовали в этой бригаде, так Михаил Васильевич был уже в то время здесь звеньевым крупного механизированного звена.

Дом Бушманова мы нашли по дыму из трубы. На крыльцо вышел высокий худой старикан с валенках с калошами и в старой латанной-перелатанной фуфайке.

— Помощь нужна! — попросили мы. — Засели с Горбуновым в поле.

Бушманов, услышав имя Горбунова, заторопился. В заулке стоял древний узик без номеров, настолько древний, что его борта просвечивали насквозь. Он был копией своего хозяина в залатанной фуфайке и валенках.

Машина с трудом повиновалась стартеру, чихала и глохла, но все же старый механизатор смог запустить дребезжащий мотор, и мы покатали к нашему великолепному вседорожнику.

Горбунов к тому времени, презрев снег и мороз, на ногах у него были полуботинки и тонкие носки,

окопал машину.

Старик Бушманов вытащил из багажника своего вездехода толстенную, в руку толщиной, веревку. Однако, на заграничной машине не было ни одной проушины, чтобы зацепить веревку. Пришлось Самохину, нашему оператору, лезть под машину и цеплять веревку за рулевую тягу.

Мы перекрестились: старик Бушманов и гендиректор Горбунов сели в машины и включили скорости...

Увы, древний уазик, напрягшись из последних стариковских сил, только елозил по дороге, теряя детали, ни на сантиметр не сдвинув тяжеленный внедорожник...

Родина Горбунова не хотела нас отпускать... Мы отправили старика Бушманова в более-менее сохранившийся от разрухи Красавин Починок за подмогой, а сами забрались в машину, чтобы хоть немного согреться — погреться в ожидании помощи.

Колхозная колыбель

Скоро в джипе стало тепло, и кровь задорнее побежала по настывшим ногам. Жизнь повернулась к нам благодушной стороной. Потянуло на воспоминания.

— Мне кажется, что с возрастом человек все чаще обращается к памяти детства, — сказал я Горбунову.

— Согласен. Вот и сейчас детство стоит перед глазами, — оживился Горбунов. — В молодости как-то все легко давалось. Хоть науки, хоть ремесла, хоть в гармошку играть.

В деревне, в чередѣ забот не было времени на обучение, на кропотливые занятия. Улучишь минуту, возьмешь пятирядку в руки и вспоминаешь, кто, как играл на гуляньях. Ведь гармонистов было, чуть не в каждом доме не по одному. И у каждого своя игра. Но давалось как-то легко.

Я с благодарностью вспоминаю колхоз, семью, которые научили меня трудиться, развили интерес ко всякому труду. Вот, казалось бы, чего интересного лен терebить с полосы. Специальных машин тогда не было. Спина болит, мухи кусают, все руки в заусеницах...

— Аналогично... — поддержал я его. — Помнят руки колхозный ленок. Его не только вытеребить надо было, но поставить в бабки, потом отвезти на колотилку, расстелить, поднять...

— А станет мать участок меж нами, сыновьями, делить, так на передирачку. У нас с детства было принято: хоть лен дергать, слать, хоть силос силосовать, хоть навоз возить — все наравне со взрослыми. «Не охота» или «не буду» — у нас и слов таких не знали. Один на одного смотрели: кто больше сделает, на что еще человек способен... Задорно работали. Радостно...

Коллектив — это огромная сила. Человек поодиночке — беспомощен. Вот один пальчик — его куда хочешь, туда и поворачивай. А кулак — попробуй, поверни. Вот так и коллектив. Коллектив — это сила. Коллективный труд в деревне, я считаю, более перспективный, более продуктивный, более производительный.

Былало, как объявят на льне расценки, так колхозники чуть свет бежали, как на золотой прииск, захватывали участки. Намеряет бригадир на семью участок, а далее каждому из нас мать норму определяет... Завязывает узелочки на стеблях: от сих до сих, от сих до сих.

— Вот тебе твой квадратик, хоть за час тереби, хоть за восемь часов, но ты должен вытеребить. Ты — побольше, повзрослей — тебе чуть-чуть побольше и участок, если кто поменьше — убавит. В семье тоже соревнование было. Хотелось вперед остальных сделать. И вот старались, бились и спешили.

У меня в характере с детства такое было — никак

я не мог быть последним.

То, чему научился в детстве, остается с тобой на всю жизнь. Например, колоть дрова топором. Не колуном, а топором. Многие, которые колют, не имеют об этом искусстве никакого понятия. Я умею крыть крыши дранкой, косить, запрягать лошадей, управлять ими, скакать верхом, пахать, боронить, управлять тракторами, причем любой техникой, пасти скот, доить коров, метко стрелять... Умею ловить руками рыбу под камнями, собирать двумя руками чернику, бруснику, клюкву, драть корье... А еще — играть на гармошке, плясать, драться, если потребуется, один на один и в свалке...

Вот уже с первого класса доверили мне лошадей. Всем в деревне давали после третьего, а нам вдвоем с другом, мы настолько «крутые» были, нам — после первого класса дали лошадей. И с первого класса началось: каждый день надо было хоть на воз, но увезти больше, чем другие. Нам и оплата шла от того, сколько возов ты увез.

И вот каждый день у меня: не я буду, если на воз не увезу больше остальных. В отдельные дни получалось и на два воза. До обеда больше всех увез на воз, и после обеда — больше всех на воз.

Подумать только, в пять часов вставали. Сами. Без всяких капризов. Какие капризы? Это просто смешно. Наоборот. Надо ничем не показать, что тебе спать охота.

Бежим в лесную поскотину за лошадьми. Колокола были на лошадях повешены, и вот идешь в тумане на звук колокола... Ага! Вот голова лошади покажется, вот круп.

Хрустит конь травой. А трава — в росе! Как солнце покажется — засверкает бриллиантами.

Вот взнуздаешь лошадь. И чувствуешь — рано еще.

— А давайте, ребята, ляжем, поспим немножко. Рано нынче лошадей нашли.

А солнце-то уже пригревает, лужаечку потеплее найдем, калачиками свернемся — друг на друга головы положим... Нас ватага — человек 15—20, столько нас, ребят, ходило в лес за лошадьми. Пospим, потом на лошадей — и галопом! В семь часов лошади уже были запряжены. Быстренько позавтракали, и побежали, чтобы побыстрее встать под погрузку. Чтобы на воз больше привезти. Вот такие соревнования у нас постоянно были. А ведь нас никто не заставлял, никто нас не подгонял. Это уже в характере было. Общий настрой такой на работу, на созидание...

Общий настрой. Еще учебный год не закончили, еще учиться и учиться, но мы уже вокруг бригадира нарезаем круги. «Иван Михайлович, ты мне дай вот ту лошадь-то...»

Обидно, если даст лошадь некрутую, а медленную — это до слез. Ревели! Как это я на такой лошади буду работать!

Но, если верхом да галопом, постоянно соревнования были: кто вперед! В обед нам давали час на кормление лошадей. И ехали на реку, чтобы час покормить, и после реки — тут от моста к нашей деревне-то с километрик было расстояние — и вот этот километр — у нас всегда соревнования были на лошадях. Кто вперед? Встаем в шеренгу — понеслись. Всегда Горбуновы впереди были. Всегда впер-

ди!

Хорошее время было. Вот хоть верь, хоть не верь, но на колхозную, на коллективную работу, не только я, а все бегом бежали. И нравилось это. Нас не надо было заставлять, не надо было понукать, не надо подталкивать. Бегом бежали, она нам нравилась просто! Это уже в тебе сидело.

Дрова. В марте привезут из леса хлыстов. Наша задача — распилить, расколоть, уложить. Руками пилить — не больно нравилось, но когда появилась пила «Дружба», отец первый в деревне купил старенькую пилу «Дружбу», — это любимое занятие было нарасхват. Кому доверят пилу? Мы тут готовы были пилить сколько угодно!

Пил тогда в магазине было не купить. Отец в лесопункте нашел какого-то знакомого мастера, тот ему из старых запчастей и собрал пилу. И вот у нас первая пила была. Старенькая, но послужила хорошо.

— А я любил колоть дрова топором, — подхватил я тему. Здесь не требуется больших усилий. Кладешь одну чурку плашмя на землю, вторую ставишь рядом вертикально, немного наклоняя от себя, внизу прижимаешь ее ногой. Весь секрет в том, чтобы при ударе топор попадал острием не строго вертикально, а чуть наискосок. При этом даже от легкого удара чурка раскалывается, причем, не разлетаясь. Развернул ее, стукнул слегка топором, и вот она уже разошлась на четвертинки. Так эти четвертинки берешь, как целую чурку, и кладешь в поленницу.

— Сколько себя помню: всегда у нас было такое настроение, что работали — и наработаться

не могли! — продолжал Горбунов. — А вот почему-то домашняя работа у меня после этой колхозной работы была на втором плане. Хотя каждый день после колхозной работы обязательно было задание домашнее.

И самое нелюбимое было — это полоть грядки с крапивой. А огород-то был унавоженный, крапива-то перла — дай бог. И она, не успеешь вычистить, через неделю опять выросла. И вот каждый день тебе задание было: отсель до сель, отсель до сель прочистить. Так вот самое нелюбимое было — это грядки полоть.

А купаться — это вот когда лошадей кормим, вот тогда только и покупаемся. У нас выходных не было. Вот лошадей кормим, быстренько распряглись, у нас и узелки с едой были готовы: бутылка молока, яйца, кусок пирога, огурец, если поспел... Лошадей кормим, сами купаемся, тут же и поели. Ровно во столько-то — фьюить — со свистом летим. Надо было оперативно... не просто быстрее приехать, а еще и быстрее запрячь, и чтоб быстрее первым на погрузку встать.

Хорошее время было, красивое время было. Доброжелательно жили. Уважительно жили.

— А танцы? А на девок когда начал заглядываться? Про себя расскажу. Пришли к нам девки в клуб, издалека пришли. Думаю, надо ко взрослой жизни приставать. А девок уже и поразобрали всех. Осталась одна. Худущая, дылда, меня, поди, на голову выше. Думаю, дай, ее провожу. Вот, ума-то не было. Поперся за семь километров.

В полночь танцы закончились в клубе, пока то

да се — час по полуночи. Пошли провожаться семь километров туда...

...да семь обратно еще переться!

Еще два дурака тоже пошли в разные другие деревни девок проводить. Зачем? Еще толку нету никакого — девок провожать, ни обниматься, ни целоваться. Пошел обратно. Уже светать начало, сил нет, как спать охота... А утром на работу, отец заделье приготовил. Я ребят на большой дороге слушаю — не слышно нигде. И стоит в деревне хлебовозка. Фургончик такой. И тепло так. Я туда залез и вырубился.

Проснулся: где, чего — не пойму... Смотрю, уже светает довольно хорошо. Пошел обратно домой. Пришел часов так в пять, около шести. Дверь закрыта. Надо стучаться, надо мать будить...

Зачем ей знать про мои похождения? Я окно на кухне открыл, залезаю, смотрю: мать стоит, руки в боки:

— «Где был?»

— «Где я был, где я был... Вот, ходил девку провожать...»

— «Кого? У вас что?»

Ладно, тут же стол накрывает, завтрак, отец выходит. Попили чаю.

— Ну, идите на работу.

Надо было крышу крыть, на пилораме надрали щепы, надо было погрузить и перевезти. Полный-то тракторный воз этой щепы... Жарко-то, мухи, овода. Весь в этой сере.

Ну, вот все загрузили с отцом, привезли, выгрузили, и день закончился. Мать позвала опять поужи-

нать. Чаю попил — снова силы откуда-то взялись! Пять-десять минут — и все. Ты уже свежий. И опять на танцы!

— Верно! А если убежишь и на речке окунешься — все уже, как и не работал день! Настолько свежий, настолько бодр, опять побежал.

Расскажу: утром, в пять утра отец выходит в огороде поковыряться, лучку подергать, огурцы посмотреть — как политы — он частенько, новшества-то в деревню привносил. Огурцы у нас первые, помидоры — у нас первые, и вот он смотрит, как ухожено, проверяет, чтобы ни мусоринки, ни травиночки. Слышит — жердь треснула на огороде. Поднимает голову-то — Валера! Из-под горы, вот мы откуда ехали, с той стороны, где школа-то была. А в школе учителя жили. И вот Валера оттуда, с той стороны, от школы и пробирается. Тайком. Тайком не получилось — немножко подшумел, жердь-то взяла да и встречала. А он хотел потихоньку зайти, с тылу, чтобы дома не заметили... Батько поднимается:

— Валера, ты это откуда?

Тот:

— Откуда-откуда? От девки.

— Ты чего делал там?

— А чего делают с девкой-то. Сам знаешь. Не маленький.

Батько:

— Ах, ты, раздолбай! За это время-то девку не только завалить, съесть можно!

Это до армии еще было, после школы. Валера уже на машине шоферил. А до этого он в институт поступал. Лучше его здесь никто не учился. Такие спо-

собности были. Никогда над учебниками не корпел. Если на уроке — всегда на коленях под партой у него художественная книга была, читал. На уроке слушает одним ухом, сам еще читает и слушает... И лучше его никто не учился. Вот такой был. Книги «глотал» буквально.

Я другого склада был. Мне надо что-то было делать реальное, организовать что-то. Что-нибудь или построить, или сконструировать, или сделать что-то особенное по технике. И чего только ни придумывали!

А Валера — он любил книги запоем читать. Вот поехал он поступать в институт. А характер у него крутой, резкий был. Скоро уж обратно приезжает.

— Что-то мало попоступал-то? — спрашивает отец.

— По конкурсу не прошел!

А мы:

— Какой конкурс-то? Еще и конкурса не было, еще экзамены должен сдавать!

А, оказывается, пока экзамены были, с кем-то схватился, разодрался, все бросил и уехал. Так и не поступил.

Вот до армии три месяца поучился на машину, и всю жизнь шоферил. Всю жизнь на машинах. А поступал на инженера-механика. Учеба легко ему давалась, просто легко. А вот не судьба.

— Так не всем удалось поучиться-то?

— А институт я один закончил. Старший брат, я-то третий, техникум только кончил. И вот я после восьмого класса хотел по стопам старшего-то в техникум идти, до реву хотел. А где? Семья боль-

шая, денег-то не было. Сашка в Грязовце уже учился на механика, отец мне говорит: «Не проучить мне вас, парни, один за одним идете, целая шеренга».

Сашка-то нас на шесть лет постарше, он с 49-го года, Валера с 54-го, я с 55-го, и пошли, и пошли вереницей. Не проучить! Не отпустили.

Я думаю: «Все, больше никаких учеб. Тракториста в школе получу, шофера дополнительно закончу — все, больше мне ничего не надо!»

Красный сарафанчик

Так уж получилось, что я ни одного своего деда не знал и не видел живым. И никто из нас не видал, ни старший, ни младший... Бабушек — все видели, все знают. А дедов...

У отца отец рано умер, говорят, собака укусила бешеная. Про него вспоминали, что он был очень рукодельным. И кузнец, и плотник, и столяр... Любую работу, за какую бы ни взялся, справит наилучшим образом.

Хорошо помню прадеда по отцу, Федора Семеновича. Про него легенды рассказывали. От деревни до Никольска было сорок километров. Федору Семеновичу было 82 года уже. Вот он утром рано встал, надо было что-то в городе исправить в документах, пошел в город. В город пришел, все дела сделал, в лавке отоварился, вернулся обратно в деревню. А в деревне к пиву был приглашен, — переоделся, и пошел к пиву.

Вот только я сейчас путаю, то ли 72 года, то ли 82 года было ему. Никто его не подвозил. Да ведь что-то купил и домой, еще на себе принес.

Ну, вот эта столетняя бабушка Куклина рассказы-

вает, она у них на квартире жила, прадедушка да прабабушка очень были хорошие люди. Дед-то симпатяга, усы носил. И очень они были доброжелательные, очень уважительные, и, говорит, работали — и наработаться не могли. И все с улыбочкой, и все с настроением. Прадед, бывало в гармонью заиграет. Старые уже были, так и то бабушке не устоять было...

Отец матери, ей было пять лет тогда, был раскулачен, его увезли в Ухту, потом в Инту, оттуда больше не вернулся. За что раскулачили? Имел четыре лошади, четыре коровы, большой дом и баня была добротная. Дом отобрали под сельсовет, а семью выселили в баню. Обложили налогами. Бабушку парализовало сразу, как раскулачили-то. Она тогда молодая была. И вот ее от горя парализовало. Так, что ходить не могла, ноги напрочь отказали. Чего делать?

А бабушка была уважаемым в нашей округе человеком, потому что было большим специалистом в ткачестве. Многим людям помогала и ткать, и сновать, и станки заправлять. А тут самой нужна помощь. Не дали погибнуть ни ей, ни семье.

Посадили ее в кадцу деревянную, и два года в деревянной кадце парили, травы да корешки, труху сенную заваривали, да парили ноги. Воду холодную сливали, горячей добавляли. Через два года у бабушки ноги отошли.

А дети считай, по миру ходили. У кого чего поработают, кто что даст: картошки, кусочек хлеба...

Все у нас отобрали, абсолютно все. Уничтожали, как класс. И всех несовершеннолетних — на заготовки в леса отправили, в лаптях, разутые, раздетые...

вашам скармливали. Супик, в лучшем случае, варили — редко картошинка-та бывала там, а то только очистки от картошки да соль.

Война началась, не успеют прийти с лесозаготовок, сразу разрядка — уже на сплав. Лес сплавляли. Война началась, сразу мать на окопы в Шексну. В Шексне на окопах она целый год была. Говорит: «Убежим, поймают, режем... Арестуют, обратно везут».

— Выходит, я в этих окопах детство провел, — воскликнул я пораженно.

— Как так?

— Да, эти окопы шли вдоль всей реки Шексны. По лесам, по борам. Мы в них играли в войну. Это уже шестидесятые годы... Земляники там росло по брустверам. Разве можно подумать было, что в Никольске встречу человека, мать которого эти окопы рыла.

— Вот мать-то в Шексне год, говорит, рыли окопы. В бараках жили. Вши съедали, кормить не кормили, разутые-раздетые...

У отца было четыре класса образования. Стали посылать в Вологду, в годичную совпартшколу, на дневное отделение. А он говорит: «Куда я поеду? У меня четыре класса образования». А там было надо не менее десяти. Или институт, или техникум... Райком заставил написать ему восемь классов. И с восемью классами зачислили. То есть, в Марковской школе написали ему 8 классов, аттестат дали. Райком заставлял отучиться. А мы мал-мала меньше были, а его на целый год отправили на учебу.

— И ведь в памяти у него еще живо было это рас-

кулачивание, потом издевательства. А в принципе, уж так жизнь сложилась — уже положение в обществе — секретарь парткома... А ведь у матери-то семья была очень набожная, иконы в красном углу, как положено. Ага. Как едут к нам обкомовские, или райкомовские большие чины — батько иконы убирает. Батько убирает, мамка вытаскивает снова на место их: «Не тобой поставлено!». Ругань целая.

За мешок овса

— Вот тут в Маркове жила наша бабушка Матрена Андреевна. В Красавине была только начальная школа, а восьмилетка — в Маркове за десять километров. Вот мы всей оравой и жили у бабушки, пока учились.

С бабушкой еще тетя Юля жила. Вот судьба у нее, врагу не пожелаешь... Она вышла замуж за председателя здешнего колхоза Ивана Васильевича Комягина, безногого инвалида войны. Тот ее поставил кладовщиком работать. И вот однажды приходит ревизия и не досчиталась ревизия-то одного мешка зерна. Видимо, председатель дал указания кому-то мешок этот выдать, а бумагами не провел. И вот тетю Юлю, молодую, красивую — в тюрьму. Семь лет дали за расхищение социалистического имущества.

Председатель не встал на ее защиту. Видимо, сам забоялся, либо подстроено было специально. А как тетю Юлю посадили, женился скорехонько на другой. Девочек-то было с избытком...

Ее в тюрьму, а в дом другую привел.

Вот такие наши деревенские романы. Заходи в каждый дом, в каждом сага.

Трудяги, лодыри и пофигисты

На людей обиды не было у наших стариков. А вот эти, неработь-то которая — так чего на них обижаться? Они пустые.

На бывших руководителей, которые куда не ступят, там и развал, которые роняли не только колхозы, но и районы, никто не обижается никогда.

— Похоже, что все это время от времени возвращается... — сказал я.

— Возвращается, — согласился Горбунов.

— И этот капитализм, который вроде бы должен «восстановить справедливость» — опять разбой принес...

— Где он какую справедливость восстановил? — возмутился Горбунов.

— Декларировалось-то так...

— Усугубляет этот капитализм кризис и только. Пока что ничего не восстанавливает. Что-то не так, что-то не туда, как-то не по-человечески все. Или люди не те стали? Социализмом их подпортил?

Дома строить перестали, все ждали казенных

квартир от государства. «Скворечники» поставят — крыша течет, так ведь шиферинки никто не подоткнет. Будет течь, пока не сгниет. Вот и в колхозе-то было: дали квартиру — они сгноили. Дали вторую — они сожгли! Этой семье заставляют давать третью квартиру, потому что там ребятишек много.

— Может, племя от этих начальников из нероботи начало, так сказать, размножаться? Крестьянское, настоящее уходило... — предположил я. — На мой взгляд, убеждение у меня такое, что здесь, на Севере, только коллективный труд продуктивен, по-другому не прожить...

— Не выжить, — огласился Горбунов. — Север. Здесь вам не под боком Гольфстрима. Здесь все дается большим напряжением, большими усилиями. Испокон веку в наших краях общинно-складнический способ хозяйствования был во главе угла.

— А раз так, то при распределении результатов труда должна быть особая справедливость.

— Да, да, особая справедливость, — согласился Горбунов. — Если ее не будет, когда руководитель или хозяин себе всю прибыль в карман и на — Канары, то не будет вообще никакого развития. Народ при несправедливом распределении не будет работать.

Так опять унизили, попрали достоинство тех, кто умел, желал трудиться, кто хотел жить красиво, счастливо. А вот та часть малая, «пофигисты» или как их еще назвать, они расплодились... Лучшие уехали, они видят, что тут справедливости нет, выживать трудно. А здесь оставались те, которые в большинстве знают, куда ни уедет — и там ему не выгорит красивой жизни, потому что он нацелен на другое:

поменьше сделать, а побольше поиметь.

Благодарен своей малой родине, деревне, колхозу... Там были замечательные люди, доброжелательные, уважительные. Из каждого дома добром веяло.

Помню: пошел в армию, пива наварили, стали провожать. И вся деревня провожала, из соседних деревень пришли. И шли с гармошками, песнями за деревню, в поле вывели, вот тут и прощались. Прощались — мужики ревели. Каждая бабка перекрестила, каждый обнял... Вот такое единение было.

Так как такое можно забыть? Как можно подвести своих. Можно сказать, и в армии служил за весь колхоз, за всю деревню...

Я в море ходил, так я на скольких судах был, — за три-то года пять или шесть судов было — я на каждом судне был на Доске Почета. Если я пришел, сезон новый отработал, вот эти полгода на судне, я обязательно уже на Доске Почета. Потому что работал, живота не жалел.

— Наверное, работал не только для того, чтобы на Доску попасть? Это крестьянское воспитание.

— Да никогда я не ставил цели — работать, чтобы на Доску Почета попасть. Я об этом даже не задумывался. Просто работал так, как душа велела.

Дома и солома едома

— Вот что такое? — говорит Горбунов. — Наверное, я нигде бы не смог жить, кроме как в Никольске. После армии три года ходил в заграничку на судах, был в разных морях и океанах, на экваторе. Потом жена утатила меня в Ленинград, жили в Детскосельском под Питером. Чего бы еще? Работа, квартира, учиться поступил в сельскохозяйственный институт. Нет. Съездил в отпуск домой. И все. Решил: возвращаемся...

После того, как вернулся в Никольск — пошел искать работу. Я ж водитель первоклассный. А у меня в ту пору такая шевелюра была, как у Анджелы Девис, если кто помнит эту знаменитую активистку в борьбе за права негров а Америке.

В отделах кадров с порога руками машут: нам еще хиппи не хватало! Разве такой будет работать?

Пришлось к старшему брату обращаться. Он уже при должностях был. Приняли в «Агрострой». Дали старый грузовик. Отремонтировал. В три часа я уже под парами. По шесть поездок за неделю в Устюг туда и обратно с грузом. Первый под погрузку, сам за грузчика. Зарплата поперла.

Начальник говорит водителям: «Через полгода придет новая машина — ему отдам. Он умеет и любит работать».

Ждали новых-то машин годами.

Зарабатывал там от 400 до 500 рублей в месяц. Секретарь райкома 300 рублей получал. А мы с женой за месяц и ста рублей не тратили. Книжка пошла прирастать. Думали машину справить.

И тут меня в в колхоз «Утро» выбрали председателем. Мол, батька у него себя зарекомендовал, с четырьмя классами управлялся. С еще большим хозяйством. А председательские рубли против шоферских не выдерживают критики. Начались поездки, хлопоты. В колхозной кассе нет денег, так я со сберкнижки начал снимать. Жена и говорит: «Так мы с тобой скоро и велосипеда не купим». Поехал в Костромскую область, купил подержанный «Москвич -408», долго он нам служил...

Тридцать лет мне было. Я в колхозе даже бригадиром не работал. А поставили на колхоз. Из семи парней нашей семьи выдернули одного: вот из этого должно получиться.

«Дурное» Нигино

— Вот здесь, прямо посреди деревни, проходила гигантская траншея. Тут была речушка, моста не было, трактора так разбили ее берега, что получилась траншея, полная грязи. Гусеничный трактор увязал в ней по кабину. Такая же траншея перерезала деревню в конце ее. А нужно было сливки на масло-

завод дважды в неделю отправлять...

А у меня институт не закончен был. Мне еще учиться надо, а тут — на тебе! — председателем. Два-то раза меня одного возили на смотрины, а третий с женой приташили. Она слушала-слушала, и говорит: «Вы меня не убеждайте, я не декабристка, туда, куда вы зашлете мужа, я не поеду».

У нее зло еще не прошло, что я ее из Питера утащил, а тут еще и в деревню!

Четвертый раз вызывает первый секретарь. Ну, как не подчиниться тогда было — такое в голове не умещалось? Прихожу, за руку меня — и в машину. Поехали. Ну, он-то говорит: «Покажу хозяйство».

Приезжаем, к клубу подвозит. Я тут смекнул: «Что-то неладно». Он за руку — и туда. Идет, меня за собой тащит. Сразу на сцену, и еще к столу не подошел: «Так, уважаемые нигинчане, я вам привез нового председателя». И пошел говорить. «Вы Горбунова Александра Петровича знаете?» А сельсовет-то один был, а батька-то ведь член этого сельсовета. Ну как не знать?

— «Восходовского»? Знаем!»

— «Так вот, его третий сын. Учится в институте. Механизатор. Шофер, тракторист. Всегда в передовиках. Я считаю, из него руководитель выйдет, если вы поддержите».

И все. У меня и ноги-руки затряслись. Помню, сижу, и у меня все трясется, губы затряслись, хоть реви. Батька звонит, он в соседнем хозяйстве секретарем парткома и одновременно заместителем председателя колхоза был: «Парень, если с ума не сошел, не вздумай согласиться!»

А все уж... Отступать некуда. Берсенев, а он говорил, как гвозди вбивал:

— Они тебе доверили. Это ведь не каждому дано. Это вот тебе они поверили и доверили. А так ведь голосуют половина на половину, и то не всегда. Убеждать приходится по нескольку раз. А тебя — лес рук». И действительно...

А батька звонит: «Парень!.. Если с ума не сошел, не вздумай согласиться!» А я ему: «Так твоим ведь именем меня выбрали! «Александра Петровича Горбунова знаете?»... А батько свое: «Еще раз говорю, не соглашайся на это «дурное» Нигино!» Вот так и начал председателем трудиться.

А это Нигино в народе по всему району считалось «дурным». «Дурное Нигино» — так и называли всегда.

Марково и Нигино — это две большие разницы, хотя друг от друга и десяти километров не будет... Мы, марковские, никогда себя к Нигину не относили. Марково — это «верхота», в Маркове — это «элита» марковлянская.

«Верхота» — это деревни Денисята, Пятаков починок, Красавино, Елховка, Богдановка... Ну, и «верхота» всегда была выше, чем само Марково. Люди лучше работали, лучше к работе относились, лучше друг к дружке относились, интереснее жили, веселее.

А Берсенев, первый секретарь райкома партии в те годы — умнейший был человек, трудяга, умел работать, мог подход к человеку найти. Себя не жалел и с людей спрос был. Привык работать на результат.

И вот работаю я. Дорог нет. Идет посевная. Дождь, гроза, молнии сверкают. Я жил тогда у одних старичков на квартире. Бабушка кричит: «Где-то что-то горит!».

Выскочил: школьный интернат недостроенный полыхает. Огнем всю крышу охватило. Народ сбегался. Все стоят, причитают.

Я заорал: «Тушить надо самим! Ведрами! Дорог нет, никто не приедет!»

Лестницу хватаю и — на крышу. Забегали, воду подают, все ближайшие колодцы, пруды, лужи... вычерпали.

Первым из Никольска Василий Александрович Корепин, председатель райисполкома, появился. Где-то машину бросил, остаток пути пешком бежал. Недаром его прозвали в молодости Ураганом. А мы к тому времени уже сбили основной огонь. Спасли интернат. Пожарка через час окольными путями добралась, уже после того, как потушили.

Великая сила — коллектив, если его организовать... Вот тебе и «дурное» Нигино. Два года я отработал в Нигино, и понял, что люди не могут сами по себе лодырями и никуда негодными работниками. Есть дурное управление ими.

Корепин говорит:

— Это твое боевое крещение, можешь народ под-
нять.

«Если весь народ собрать,

Повести умело,

Можно солнце поливать...

Вот бы зашипело...» — такая у него присказка была.

Пять лет строили этот интернат для детишек. Одним народом погасили, ведрами... Нам на этот случай на ремонт дали материалов, помогли, и скоро интернат для ребятишек был готов.

А я посевную провел. А проблем ворохами. И в животноводстве, и в полеводстве. Новые фермы нужны, сушильное хозяйство для зерна... Думаю, мы в этой грязи утонем, надо как-то выход искать, дороги строить... Эта же проблема бездорожья преследовала меня и на председательстве уже в пригородном колхозе имени Павлова. И поехал я пытаться счастья в Москву к нашему земляку, генералу армии Анатолию Владимировичу Бетехтину... Он к тому времени был едва ли не заместителем главкома сухопутных войск...

...А за два года у нас в Нигине большие перемены произошли. И на полях результаты прибыли и на фермах... И люди отозвались, заработали... Вот тебе и «дурное Нигино»...

К земляку за помощью

Он служил в 8-ой Гвардейской армии, это бывшая 62-я Сталинградская, Чуйкова Василия Ивановича армия. Я в этой армии служил в Германии срочную. Он пришел начальником штаба, в сентябре 75-го года. А я 2-го ноября 75-го года демобилизовался. Я под его началом, оказывается, был два месяца. Я в ПВО был там. Отдельный полк ПВО. И вот под его началом был два месяца, а узнал это только сейчас, когда просмотрел автобиографию Бетехтина.

Вот я и попросил его: помогите сформировать мне отряд ремонта и строительства дорог. Надо что-то делать, экономику надо поднимать. Я не могу просто время отбывать на председателском посту. Нельзя ли помочь?

Письмо уже было готово, я с ним договорился предварительно, что он меня примет.

Он очень доброжелательно и уважительно принял меня, пообщались по делу-то всего пять минут. Он резолюцию положительную написал. А дальше стал выспрашивать о деревне: кто, где и как работает, как там родина, колхоз...

Раньше он знаком был с Корепиным Владимиром Михайловичем, председателем колхоза «Красное знамя» — это был лучший руководитель того времени. Так Бетехтин приходился ему родным дядей. Вот про него повыспрашивал, перебрал буквально всех знакомых.

Он рассказывал, что через всю жизнь пронес в себе очарование деревенских праздников. Особенно волновала его игра тальянок, как хороводы водили... Как вел гармонист целую шеренгу женщин, девочек... Как пели они на три-четыре голоса. И как это было красиво: шеренга за шеренгой, одна часть идет направо, вторая часть — налево. Как они останавливались, и начинались пляски.

Все это рассказывал мне Бетехтин.

— Во мне это сидит, как основа, как главный стер-

жень моей жизни. Именно эта память и формирует понимание Родины. Большой и малой.

Я слушал его и думал, что он как будто про меня говорит. Ведь и я так же думаю и так чувствую и люблю...

А потом и говорит: «А вот скажи, все-таки: очень много идет нареканий на то, что колхозники много пьют, работать ленятся... Вот ты, как молодой руководитель-то, скажи свое мнение: чего больше всего сегодня не хватает в деревне, для того, чтобы работать-то лучше и эффективнее?»

Мне было тогда лет 30, и я не совсем был готов к такому вопросу. Я задумался и говорю: «Я вырос в дальней деревне, отец всю жизнь был заместителем председателя колхоза и партторгом. И я видел, как он живет, как работает, и что им движет, и поэтому не только от своего опыта, но и от опыта отца, считаю, что главное, чего сегодня не хватает в деревне — это дисциплины и порядка. Дисциплины и порядка не хватает, нет того трудолюбия, которое было лет двадцать-тридцать назад, ну и, наверное, самое главное — управления не хватает. Научной организации труда. То есть, на сегодня мало лидеров, которые бы могли вести это дело».

И ему понравился этот ответ...

Да больше оттого, что управлять не умеют. Управление любым производством — это же целая наука. А ее же никто не преподавал тогда, никто.

Когда я был главой, то приглашал Бетехтина на ярмарку. Но он к тому времени уже болел. А хотелось поблагодарить за то добро, которое он сделал для нас... а он ведь не пятьдесят ли семь вездеходов

району дал! Ведь было вообще все бездорожье полное.

Он всю жизнь в таких рангах, в таких чинах, на такой высоте был, но никогда не отделял себя от родины. Он жил этой родиной. Это — дорогого стоит.

А мы это опустили... Пока он живой был, мы выпустили это. Я виню себя за это, что я недоработал, моего ума не хватило... Не ума, наверное, а... мать всегда приговаривала: «Ой, ребята... ума-то у вас много. Толку — мало». Вот толку и не хватило.

Не колхоз, а песня...

Я никогда не мечтал, чтобы во главе района встать. Когда убрали райкомы, упразднили райисполкомы, назначали Кудринского Владимира Петровича руководить районом. Кудринский меня вызвал и предложил:

— Предлагаю первым заместителем ко мне, заместителем главы района. Экономика на тебе, производство на тебе.

Я в отказ пошел тут же:

— Владимир Петрович — это не мое. Это не мое! У меня власти в колхозе — вот так! Работы еще больше, мне ее не приработать. У меня задумок море, я там ничего еще не реализовал, поэтому — не-не-не. Ни при каком раскладе.

Вот даже не задумывался. Работал-работал, день и ночь работал, и тут — выборы. Один руководитель приходит, второй руководитель приходит, третий руководитель приходит, стали мне по мозгам ездить.

— Мужики, я на месте. У меня работа идет, у меня дело идет, у меня все движется, у меня море задумок. Море задумок! Мне это все реализовывать надо!

— Ну, ты пойми, парень, не будет власти

в районе — толку ни в чем не будет. Ничего тебе одному не сделать. Иди на главу. У тебя получается...

Ну, и как-то потихонечку, потихонечку на мозги капали. Один, второй, третий, четвертый... Один за одним, наверное, десятка два пришло разных руководителей из тех, которых я уважал, которые меня уважали: «Надо что-то делать... Управление в районе потеряно. Дальше идти некуда. Развалимся окончательно».

Стал думать: «Может и верно: идти надо. Работы не боюсь, проблем не боюсь, трудностей не боюсь. Я себя найду и там. Но что без меня будет с колхозом? У меня тут столько закручено, столько заворочено, и развитие-то пошло, как песня запелась... За что ни берусь — все идет, все получается! Кругом все рушится, а у меня все получается! Как песня поется».

Четыре года отработал, собрал общее собрание. А там было правление, и вот все эти четыре года правление работать не давало. Каждый месяц собираемся, и по целому дню сидим, решаем всякую ерунду. Все переговорим, но ничего не решим, ничего не примем, ничего не... ну, просто бедлам. После каждого правления я по два-три дня настроиться на работу не мог.

Ну, куда с этой колхозной демократией? А в правлении — и лучшая доярка, и лучшая телятница, и лучший тракторист, и лучший шофер, и зоотехник, — и все члены правления. И кроме болтовни никакого дела. День просидим — ничего полезного не сделаем. Членов правления по 20—30 человек, бригадиров призовем, специалистов, тех кого похвалить и поощрить надо, тех, кого проработать

за пьянство и лень... Целый день колхоз не работает.

Я думал, что рехнусь от этого маразма. И вот собрал общее собрание. «Так и так, — говорю, — уважаемые колхозники. Я считаю, что так дальше работать нельзя. Я, по крайней мере, дальше так работать не буду. Если вы выбрали меня руководителем, то дайте мне свободу принимать решения. При этом я решения буду принимать, планы строить, и выполнять, и отчитываться перед вами.

Где надо посоветоваться — есть совет специалистов. Надо мне сегодня агрономов вытащить — я агрономов вытаскиваю, надо агрономов с зоотехниками — я агрономов с зоотехниками вытаскиваю, надо агрономов с механиками — я собираю с механиками, и с ними сидим, спорим, ругаемся, ищем истину. Если вы дадите добро изменить Устав, убрать правление колхоза, я буду работать. Общее собрание годовое — пусть оно будет, правление колхоза — убрать. Вот запишем: «Совет специалистов собирается по мере необходимости руководителем хозяйства». А так — полное единоначалие. Я решения принимаю, я выполняю, я за них и отвечаю. Вот если согласны на таких условиях — я буду работать, если не согласны — извините, выбирайте другого руководителя, мне с вами дальше не по пути».

А уже четыре-то года тут, наработок-то было море, уже движение-то у меня пошло. Кое от кого я освободился, кое-кого новых притащил. То есть, у меня уже задвигалось все. И органику на поля завозили, и с лесом заниматься начали, и надои с мертвой точки сдвинули. Доярок постарше которых — потихоньку освободил. Кого в телятники перевел,

кого — кладовщиком, кого — сторожем. Молодяшек по 16—17 лет по всему району искал, собирал, учил. Приставлю — месяц за ней хожу с зоотехниками... Научили молодежь работать — результат пошел. Эти вот «соплюшки» моментально в гору пошли. А старые... пока не плеснут полведерка воды, под корову не сядут.

— Анекдот такой был. «Марья Ивановна, шесть тысяч от коровы можете надоить?» — «Могу и шесть, — отвечает, — так ведь синё будёт».

— Все верно: синё... И вот голосуют за мое предложение. Лес рук. Все до одного. А эта система управления еще была новой в России. Колхоз есть колхоз. Сверху запущено: общее собрание годовое, правление колхоза ежемесячное...

И вот, лес рук. И у меня дальше просто бегом все побежало. Я нарадоваться не мог. Думаю сейчас, если бы не ушел тогда в главы районной администрации, какое бы у меня сегодня хозяйство было? Да, наверное, уже весь район в хозяйстве был бы. ...Пока четыре года главой работал, у меня костяк в 20—30 специалистов ушли. Я потом восемь лет бился, чтобы как-то вот снова костяк восстановить, и чтобы снова заработало, заиграло и запело. Чтоб запелось-то! Восемь лет после главы! Вот и подумай. И потенциал был, и все было. А восемь лет собирал вот этот костяк по круплицам, по чуть-чуть. Да, где уговором, где матом, где с кулаком около носа, где пинком. И пьяных-то механизаторов из кабины вытаскивал. Не демократично. Но так было.

Хождение во власть

Почему я учиться-то пошел? А доработался до такой степени, что мне стало все не нравиться. Не нравится, как управляют. Смотрю, на управлении те люди, которые не хотят работать. Как будто прячутся во власть, чтобы не работать. Вот что не нравилось! Я в душе сам себе говорю: «Если ты, мужик, не доволен, если тебе власть не нравится, то учись и иди во власть».

Я видел — идут во власть для того, чтобы НЕ РАБОТАТЬ! Вот это меня не устраивало. И пошел в институт, потому что без образования управлять по-настоящему, полноценно не получится.

В 96-м осенью выборы... Я и по району-то по всему не успел проехать, как... на «Ура!» — взяли и подняли. «За» — 83,4% набрал. До сих пор никто не превзошел этот результат, думаю, что и не превзойдет.

Из болота

За эти годы гайдаровских реформ расташиловки и откровенного грабежа район попал в такое болото, что выбраться из него без посторонней помощи казалось невозможным. И я поехал в область к Позгалеву. Только что прошли выборы губернатора. Я был первым, кого он принимал в этой должности.

Он посмотрел на меня с пониманием.

— Тебе достался не один из самых слабых районов, но самый слабый. И самое плохое в том, что я тебе ничем не могу помочь. Денег, хоть ты запроектируешь, в этом году не будет. Их попросту нет.

На следующий год какие-то деньги будут. Но они будут только с тем условием, что вы сами выполните ту часть работы, которая требуется от вас. Иначе говоря, если мы увидим, что эти деньги пойдут на пользу, что вы сами без нашей помощи что-то можете, тогда мы вас поддержим...

Что тут скажешь? Он прав. Бесспорно, прав. Что мне оставалось делать? Только пахать...

А начинать надо было с системы управления, поскольку район начисто потерял эту систему. Надо было заставить аппарат работать и работать эффективно.

В первый день я сказал начальнику аппарата: «Обойди все кабинеты и собери все чашки и чайники.

Я собрал аппарат и выступил с такой речью: «Мы сегодня в управленческом бедламе. Есть вина в произошедшем и области, и государства, но глав-

ная вина и ответственность — наша.

Не время прохлаждаться и распивать чай. Будем работать. И, не дай Бог, я кого-нибудь увижу за рюмкой. С работы вылетит тот час. Сурово? А другого в то время не дано было.

Начали кадры подбирать. И нашлись те люди, которые с желанием взялись за наладку жизни. И оказались людьми способными. Я бы сказал: талантливыми. Самородками.

Вот всю жизнь градообразующим предприятием являлся леспромхоз. В лучшие времена, когда им командовал Берсенев, ставший потом первым секретарем райкома, он давал объем годовых заготовок древесины более 830 тысяч кубов. Это было наивысшее достижение, Берсенева даже к Герою Социалистического Труда хотели представить да по каким-то причинам передумали. Только орден дали.

И вот это градообразующее предприятие докатилось до такой стадии, что заготовка древесины совсем прекратилась. Шло разграбление основных производственных средств по лесопунктам.

В дальних уголках района, кажется, жизнь совсем остановилась. Колхозы встали, лесники встали, в бюджет иной день поступало, представить такое невозможно, по две — три тысячи рублей...

У меня ведь никогда даже мысли не было становиться главой района. Я мечтал хозяйство вывести в лидеры. Превратить его в образцовое. Построить в нем по моему представлению настоящий колхозный рай. Чтобы весь сложный механизм его работал, как часы, и чтобы люди, работающие у нас, получали от работы радость и удовлетворение, а не тащили бы

опостылевшую изо дня в день ляжку.

И вот избрали главой района. И нашлись, еще раз повторяю, люди, которые соответствовали задачам.

Первым заместителем я пригласил Лукьянова Владимира Валерьяновича, я с ним прежде работал и знал как сильнейшего, мудрейшего руководителя. Характер у него был кремневый, взрывчатый. Именно такой человек и был нужен в то время.

На сельское хозяйство я пригласил Александра Ильича Гомзикова, бывшего депутата расстрелянного Верховного Совета. Это был уникальный человек, самородок, который, кажется, видел на три метра под землей.

А социальную сферу возглавил Вячеслав Владимирович Перетягин. Он из учителей, приехал в свое время к нам с Вохмы, в Кеме был директором школы. Он и прежде возглавлял социальную сферу района. На Рогозина Николая Николаевича легли заботы о ЖКХ, энергетике, связи, строительству и дорогам...

Наверное, самый ответственный и тяжкий участок работы — народное образование. Зарплата задерживалась по полгода, постоянно шли забастовки. Как-то ко мне в кабинет бастующие затащили учительницу, которая во время пикета упала в голодный обморок. И нужно было реагировать, отвечать на каждый вызов, и в то же время выстраивать перспективы.

Отдел народного образования возглавил у нас Павел Петрович Сверчков.

И вот еще один уникальный руководитель, из молодых — Владимир Михайлович Корепин. Он у нас возглавлял отдел молодежной политики.

Каждодневной заботой нашей команды на первое время стало наполнение бюджета. Поскольку большинство предприятий не рассчитывалась с долгами по налогам, а на складах лежала нереализованная продукция, то роль толкачей и продавцов пришлось брать на себя руководству района. Мы ездили по всей области и за пределами ее с векселями, сбывали продукцию, меняли ее, только чтобы загнать какую-то лишнюю копейку в бюджет. Все управление осуществлялось в ручном режиме.

А иначе и быть не могло... Меняли лес на водку, водку на муку, муку на сахар, сахар на школьное оборудование. Два года гасили долги по зарплате педагогам, медикам...

И в этих условиях мы думали о будущем. Строили дорогу на Шарью, прежде всего, чтобы спасти от банкротства и разорения ДРСУ. Удалось вытащить из долговой трясины и перезапустить леспромхоз. Достроили две школы, создали районный музей, центр ремесел... Удалось решить проблему водоснабжения города, обеспечив на десятилетия качественной водой...

Провели первую масштабную ярмарку, которая собрала тысячи людей и гостей из области и соседних регионов. Деньги на ярмаку — миллион двести тысяч, по тем временам большие деньги, собирал у спонсоров: кто деньгами, кто пиломатериалами, кто опять продукцией... Ярмарка подняла дух никольчан и укрепила престиж района и веру в себя.

Задышало во всех уголках района сельское хозяйство. Реорганизованное из мелких кооперативов районное потребительское общество сумело органи-

зовать сбор молока у населения. У частника появился интерес и смысл жизни. Многие заводили по две-три коровы, даже пять, чтобы продавать молоко в кооператив...

А строительство дороги на Шарью. Такой гигантский объем работ выполнили лишь ресурсами области. А на костромской отрезок работало восемь регионов.

Я можно сказать сбил пороги областных кабинетов. У губернатора более десяти раз был, у Плеханова Алексея Николаевича несчетное количество раз. Прихожу: вот то-то и то сделали мы, вот то-то и то держит, помогите. И помогали, раз видели, что мы упираемся из всех сил.

С особенной теплотой вспоминаю Плеханова, первого заместителя губернатора. Это великий был организатор и творец. Он не считался со временем. Приходишь в правительство в девять вечера, он сидит там, он принимает тебя и будет решать твои вопросы. А раз он в девять-десять на работе, значит и аппарат его тут, все департаменты...

Считаю себя его учеником. Каждый раз и подскажет, и научит, и поддержит, а если ты не доглядел или законителил какое-то дело, вломит под первое число...

Выходишь от него — и лететь хочется.

Когда я заступил, Позгалев ввел оценку работы районов по коэффициентам эффективности. Там учитывались и валовой продукт, реализация, рост зарплаты и т. д. Так мы со своим районом были в самом низу на 26—27 месте. А уж через три года мы вышли в первую десятку, подбирались к лидерам.

Если бы я еще пару сроков отработал главой, то район-то было бы не догнать. Столько осталось не реализованных планов. Разве таким было бы сельское хозяйство? Думаю, во всех углах района жизнь кипела.

Как наладить аппарат? Сократить его!

Как-то, будучи еще председателем колхоза имени Павлова, заехал я на один укромный уголок реки Юг. По делу заехал, рабочий день был разгаре. И тут вижу, сидят на берегу две пары. Две женщины и два мужика в трусах. Причем, не слабого ранга начальники.

Поляна у них накрыта. Меня это до глубины души возмутило. Не то, что с бабами они, а то, что в разгар рабочего дня в трусах и с рюмкой.

Увидели меня и к себе зовут: «На-ко, председатель, выпей!»

Я отказался в довольно резкой форме: « Нет, я с вами рюмку пить не буду. Я на работе не пью — это закон»

— Ишь, ты какой! — Говорят. — Смотри, будешь с нами бодаться, так мы тебе рога-то отшибем.

Может быть, этот случай сыграл решающую роль в том, что я пошел избираться на главу.

И первое, что я сделал, ввел сухой закон на работе. А потом начал сокращение излишнего аппарата.

Кому это понравится?

Но вот парадокс, аппарат меньше, а работает в разы эффективнее.

«Налетай, подешевело, было рубель, стало — два...»

Это та отрасль, которую стали быстро осваивать наши предприниматели. Все бросились в первую очередь не производить, а продавать, вернее, перепродавать произведенное другим со своей наценкой. Больно просто.

Так вот, более семисот предпринимателей ударились в торговлю: кто из ларьков, кто из палаток, кто просто с лотка. Но ведь, братцы мои, в сельской местности торговля должна быть социально ответственна. Порой и в убыток себе торговать. До иной деревушки добраться стоит дороже, чем стоит сам товар. А не приедешь или задерешь цены, обречешь людей на вымирание. А мы-то в первую очередь ответственны за людей.

И многие тяготы этой социальной ответственности несла на себе сельская потребительская кооперация. А у кооперации должна быть во главе угла не прибыль, а удовлетворение потребностей пайщиков. И вот у кооперации появилось такое количество конкурентов. Более того, сама кооперация в силу своей раздробленности была уязвима.

Районный потребительский союз состоял

из пятнадцати самостоятельных организаций со своим аппаратом, балансом, печатью. И каждый вел свою политику закупок и реализации, закладывая свои затраты в стоимость продукции.

Поэтому в одной деревенской лавке сахар стоил три рубля двадцать копеек за килограмм, в другой — пять двадцать...

Нужно было спасать кооперацию. А председатель райпотребсоюза Николай Иванович Рыкаванов не мог справиться с этим «гуляй полем». Не хватало полномочий. И мы помогли ему собрать все разрозненные самостоятельные подразделения на один баланс.

И тот час все переменялось, и цены упали, и возросла конкурентоспособность. И кооперация вспомнила о своей главной задаче: не только снабжать, сколько заняться сбытом сельской продукции: картофеля, молока, мяса...

Вот тогда и пошел стремительный рост в деревнях частного подворья.

Задышала, ожила деревня...

Думаю, что если бы остался на второй срок, да на третий срок — сегодня район на три головы был бы выше, чем он сейчас находится. На три головы, как минимум! В этом я уверен. Дорога в Кему на Борок была бы построена давным-давно, развитие бы шло в каждом дальнем колхозике. Надо было

еще колхозики разбить на несколько, только не колхозики бы делать, а частные предприятия, малые частные предприятия. То есть, кому, как нравится — предприятия, сельхозпредприятия, крестьянско-фермерские хозяйства — ради Бога.

Но только они должны быть частными. Контрольный пакет акций должен быть у руководителя. Только в этом случае будет толк, только в этом случае будет перспектива.

И тогда мысль озвучил не раз, не два: «Ребята, зеленая улица по лесу будет только тому, кто занимается сельским хозяйством». Кто чем будет заниматься — да ради Бога. Кто коровами, кто быками, кто лошадьми, кто овцами, кто свиноводством, кто гусями, хоть страусов везите мне!

Но лишь бы, чтобы сельское хозяйство было, люди заняты, копейка какая зарабатывалась, налог какой-то шел на бабушек, на дедушек, на детей, чтобы все вот это развивалось вкупе.

Без экономики никуда! Самое главное — надо сделать так, чтобы заработало все общество.

А вот когда ты работаешь взахлеб, когда нацелен на результат, тебе некогда разбираться, какие вокруг тебя плетут интриги и кто плетет.

Ну и получил: «За все добро расплатимся добром, за всю любовь...». За четыре года раз на неделю, кажется, в отпуск ходил, все в пути, в дороге, на стройках, в полях... Ну, и пока спасал ситуацию, вытаскивал район из трясины, оппозиция распространяла информацию, что это он все под себя гребет, на свой карман, работает на пиар...

Все, кого прижал, кого обидел, кого заставил —

ополчились, все вокруг враньем застелили... И пошла писать губерния: хуже Горбунова и нет в районе.

А свойство человеческого восприятия таково, что дурному поверить легче. И то верно, чего он тут так пластается, район спасает, не иначе все хочет заграбастать...

А когда одумались, когда «омморок» –то спал, так уж поздно было, опять район уронили.. Да уронили так, что не знать, как его опять вытащить... на торную дорогу.

Через четыре года уже перед выборами оппозиция стала объяснять людям так: «Этого дурака оставите во власти — никому жить не даст». Никому жить не даст.

Это правда, не дал бы прохлаждаться. Заставил бы работать, налоги платить, не дал бы лес воровать. Выберем хоть кого, лишь бы к нам не лез, не мешал...

Не опубликованная
статья
таксиста – журналиста,
бывшего редактора
«Уездных новостей»

Деревня Красавинский починок, где 31 октября
1955 г

когда родился Геннадий Александрович Горбунов, была основана еще во времена правления Екатерины Великой. Сюда первым из рода Горбуновых в свое время переселился его прадед Николай, освоивший ремесло кузнеца и плотника. Первопоселенцами починок были, как правило, молодые, сильные, трудолюбивые семьи, отделявшиеся от родителей и желающие создать свое хозяйство на новых землях. Здесь же 19 января 1928 года родился и отец Геннадия, Александр Петрович. Он начинал свою трудовую деятельность трактористом колхоза «Восход», потом был назначен бригадиром тракторной

бригады в д. Марково, а закончив совпартшколу, до этого он имел образование всего 4 класса, работал до выхода на пенсию секретарем парторганизации колхоза «Восход».

Мать Мария Семеновна родилась в соседнем Филинском починке 6 апреля 1923 года. Ее образование составляло всего лишь один месяц в первом классе, но была она очень умной женщиной с прекрасной памятью. Удивительно работоспособная — за один день она могла выкосить столько, что, пожалуй, и семерым ее сыновьям не под силу. Всю свою жизнь она проработала в колхозе на ферме и в полеводстве, закончив свой нелегкий земной путь в 2008 году в возрасте 85 лет.

Большой добротный дом семьи Горбуновых и по сей день стоит на высоком холме на слиянии двух речек Серебрянки и Отводной. Печально взирают его окна на зарастающие ныне поля за речкой, на пустошь, где когда-то были конюшня, ферма, на которой трудилась их мать, да и дети зачастую бегали туда помогать ей.

Геннадий, третий по счету сын, в той многодетной даже по тем временам семье с раннего детства привык к повседневному тяжелому крестьянскому труду. В 1963 году поступил в первый класс Красавинской начальной школы, с 5-го по 8-ой учился в Марковской восьмилетке. В эти годы, уже начиная с 7-го класса, в летнее время работал помощником комбайнера, получая за это свои первые трудовые деньги. С 9-го класса он уже самостоятельно работал на колесном тракторе МТЗ. К технике тянуло невероятно, поэтому, закончив десятилетку уже в Николь-

ске, и получив права тракториста-машиниста, устроился на работу трактористом в родной колхоз.

Поздней осенью 1973 года колонна колесных тракторов и один гусеничный отправились из колхоза «Восход» в соседний Кич-Городецкий район, чтобы доставить партию скота на местный мясокомбинат. Путь предстоял нелегкий. Разбитые дороги с глубокими колеями и огромными лужами, уже схватившимися первым льдом. Но неокрепший лед не выдерживал, груженные прицепы проваливались, легкие трактора буксовали на льду пока и сами не погружались в грязь. Выручал гусеничный трактор. На подъемах и спусках было еще опасней. Тяжелые прицепы, не оборудованные тормозами, накачивались на трактора, увлекая их вниз с увеличивающейся скоростью. В результате техника зачастую опрокидывалась, измученных и перепуганных животных приходилось заново грузить в прицепы. Стоит отметить, что свой транспорт молодой тракторист не опрокинул ни разу.

А по возвращению домой Геннадия уже ждала повестка в армию. Был призван в учебное подразделение войск ПВО под Харьковом, откуда в чине ефрейтора был направлен в Германию, служил в городе Веймар. Демобилизовался осенью 1975 года в звании ст. сержанта, заместителя командира роты. Вернулся в колхоз, но практически сразу уехал в Великий Устюг учиться на водителя автомобиля. После учебы два года работал шофером в СХТ. Затем с друзьями решили поехать в Воркуту, мечтали работать на больших современных грузовиках, но там реально было попасть только в шахту, что их

не устроило. На обратном пути Геннадий заехал к тетке в Мурманск, она и определила его судьбу на ближайшие три года, сагитировав идти в море. После учебы на матроса рыболовецкого флота, заключив договор на три года, отправился в Атлантику, побывал в Норвежском, Баренцевом, Белом морях, на Тихом океане, дважды пересекал экватор

Женившись в 1980 году, с женой Ольгой уехали в Ленинградскую область в совхоз миллионер под городом Пушкин. И там Горбунов зарекомендовал себя с хорошей стороны, работал на новой импортной сельхозтехнике, предлагали уже и квартиру, но... потянуло домой на родину.

Устроился на работу в «Агрострой», получил квартиру на улице Строителей, работал первое время водителем автобуса. Решил перейти в грузовой автопарк. Работа на грузовике была не из легких. Загрузившись фанберезой, которую надо было укладывать в кузове самому, следовал в направлении Великого Устюга. Затем надо было загрузиться в обратный рейс кирпичом, опять же вручную. Вернувшись в Никольск, необходимо было самому разгрузиться на каком-либо объекте, проверить технику и, желательно с вечера, вновь загрузиться фанберезой, чтобы с утра пораньше выехать и в числе первых попасть на переправу и на разгрузку.

Такой напряженный график окупался весьма приличной по тем временам зарплатой и вполне устраивал инициативного секретаря комсомольской организации Агростроя, коим и был к тому же Геннадий Горбунов. Уже тогда он был замечен местными властями, был принят в ряды КПСС.

Поступило предложение перейти на работу в СПТУ-9 на должность старшего мастера по производственному обучению, без желания и с сомнениями принял это предложение. Две дочери появились к тому времени в семье Горбуновых, Ульяна и Женя.

Председатель

1986 год стал переломным в дальнейшей судьбе Геннадия Горбунова. Его вызвал в райком первый секретарь РК КПСС В. А. Берсенева, перехватил еще на входе в здание, усадил в машину. Под предлогом проехаться вместе, прибыли в Нигино. Там в здании конторы уже собрались колхозники.

— Вот я привез вам нового председателя, — с порога объявил Владимир Александрович.

Многие из вас, наверное, читали документальный рассказ нашего земляка Александра Яшина «Бюро райкома», в котором рассказывается о том, как отправлял коммунистов в колхозы председательствовать еще в начале пятидесятых годов первый секретарь Никольского РК КПСС Першаков. Кстати сказать, как раз в конце восьмидесятых Никольский Народный театр поставил спектакль по этому произведению. Автором сценария и актером, игравшим Першакова, был автор этих строк. Как сейчас помню, после спектакля ко мне подошли солидные мужчины в возрасте с вопросом: «Вот Вы такой молодой, откуда Вы знали Першакова?».

Выяснилось, что он уехал из района за год до моего рождения. «Да, но, Вы так его сыграли, что мы узнали его — да это был он!». Мне, конечно, их признание было ценнее, чем всех театральных критиков, но речь не об этом. После них подошли двое более молодого возраста, и один из них сказал: «А что, думаете сейчас, что-то изменилось?». И рассказали свои аналогичные примеры. Получается, «изменилось». Тогда отправляли с соблюдением каких — то приличий, на бюро райкома, в приказном порядке, иначе партбилет на стол и конец всей карьере. В восьмидесятые это выглядело несколько «демократичнее» — за рукав, в машину и, нате вам председателя.

Так Геннадий Александрович Горбунов стал председателем колхоза «Утро». Несмотря на такое вступление в должность Геннадий не стал просто отсиживаться в кресле, а с присущей ему энергией впрягся в нелегкую лямку председателя. Одной из главных проблем было отсутствие, как внутривозвращенных дорог, так и дороги до райцентра. Сам председатель мотался по колхозу то на мотоцикле, то на тракторе, а то и верхом на лошади. К осени 1987 года удалось связать центральную усадьбу колхоза с Никольском дорогой с асфальтированным покрытием. Много сил и нервов было потрачено за эти два года приобретения первого практического опыта руководителя хозяйства. Четыре заявления об уходе было подано за это время.

Произошла смена власти и в райцентре, первым секретарем райкома стал Г. Ф. Канинский. Было при-

нято решение перевести Геннадия Горбунова в колхоз им. Павлова. С большим трудом выпросил себе отсрочку для отдыха, и был направлен на четыре месяца экономистом в РАПО.

Весной 1988 года большинством голосов из трех кандидатур Г. А. Горбунов был избран председателем пригородного колхоза им. Павлова. Несмотря на близость к городу проблем в данном хозяйстве было не меньше, а в чем-то даже и больше. Из ста человек трудового коллектива почти половина работала в принадлежащем колхозу детском саду, который посещали и дети городских служащих. При детсаде имелась самая большая в районе котельная, которая обогревала и расположенные рядом жилые дома, не принадлежащие колхозу. А все затраты на содержание этих объектов, разумеется, приходилось нести хозяйству. Близость к городу обостряла и проблемы с кадрами. Люди уходили в различные городские предприятия и организации в расчете на более высокую зарплату и лучшие условия труда. Животноводческие фермы тонули в грязи, не было ни дорог, ни денег, ни транспорта. Большую часть техники предыдущий председатель в целях экономии списал. Обработать поля было не на чем и некому. С большим трудом восстановили оставшуюся часть техники, набрали одну смену механизаторов для вспашки полей. Вторую смену собрали из работников ИТР и вышедших на пенсию работников. Так и работали — днем руководили, решали различные хозяйственные вопросы, а ночью пахали, в буквальном смысле этого слова.

Решение любых производственных вопросов

давалось с большим трудом. Все приходилось согласовывать с правлением колхоза, в которое входили люди с консервативным мышлением, а жизнь требовала новых подходов к решению сложившихся ситуаций. Поэтому первые годы, несмотря на все усилия, практически топтались на месте.

В колхоз на работу

Председателя колхоза имени Павлова Г. А. Горбунова практически невозможно застать в кабинете. Легче всего его найти с раннего утра в продымленном до синевы от выхлопных газов прогреваемых тракторов гараже.

По сравнению с тишиной на производственных базах других организаций заречной части города, в гараже колхоза бурлит жизнь, что приятно напоминало мне, кажушимися уже далекими, годы моей работы в «Агропромхимии».

Это впечатление еще больше усиливалось тем, что буквально на каждом шагу я встречал своих бывших коллег-водителей. Сказать бы кому из них лет пять назад, что они из «Агропромхимии» перейдут на работу в колхоз... Однако они здесь, и этим все сказано.

Геннадия Александровича я нашел возле диспетчерской. К нему подходили один за другим шоферы, механизаторы, спрашивали, советовались, получали указания и расходились по своим делам.

Не удивительно, что первый вопрос, с которым я обратился к Геннадию Александровичу, был таков: «Не все ли еще „химики“ к вам в колхоз перешли?».

— Не все, но многие, и работают хорошо.

— Откуда у вас столько техники и как вы ее используете?

— Новая техника сейчас дорогая, не по карману, поэтому берем поддержанную у наших друзей-чреповчан. А мы им за это везем сливочное масло, которое мы забираем на маслозаводе в счет оплаты за сданное молоко. Продаем его, может быть, и не дорого, но больше потеряешь, пока ждешь расчета деньгами. Вообще на маслозавод сейчас ежедневно поступает около 7 тонн молока и это, в основном, наше молоко. Раньше поступало где-то около 30 тонн.

Работы для транспорта хватает. Везем комбикорма, муку, макаронные изделия и другие товары для магазинов, завозим также и стройматериалы, в том числе и для будущего хлебозавода, хотя вопрос о его передаче нами окончательно пока не решен. Сейчас идет довольно таки сложный процесс передачи стройки. Определяются выполненные объемы, затраты, вообще проблем здесь хватает. Но дело начато и со временем все решится.

— Геннадий Александрович, сейчас во всех организациях производственная жизнь чуть теплится, не говоря уже о колхозах, у вас же все идет своим чередом, как в прежние времена. В чем здесь секрет, может быть звание колхоза дает какие-то льготы?

— Никаких существенных льгот не имеем, разве что несколько сниженный налог на прибыль

и в дорожный фонд. А так у нас те же проблемы, что и у других.

В 1994 году группа лучших руководителей районов и председателей колхозов области была отправлена в Данию для учебы и обмена опытом. В составе этой группы были и представители нашего района Г. А. Горбунов и председатель колхоза им. Пушкина Н. С. Подольский. В 1995 году Г. А. Горбунов, как наиболее перспективный руководитель, от Вологодской области был включен в число участников делегации для поездки в Германию. В этом же году вошел в состав группы, посетившей выставку — ярмарку хлебопечения, проводимую в Англии. В колхозе им. Павлова была уже к тому времени своя пекарня. Все эти поездки дали огромный опыт ему, как руководителю сельскохозяйственного предприятия.

За эти же годы Геннадию Александровичу удалось наладить хозяйственные партнерские отношения с руководством ЧМК, в частности с тогдашним директором Ю. В. Липухиным. Колхоз поставлял в Череповец свою сельхозпродукцию, а оттуда получали технику. Рассматривалось предложение взять Череповецкому металлургическому комбинату колхоз им. Павлова на баланс, но, сложилось так, что ограничились решением об оказании шефской помощи. Согласно этому решению комбинат сдал колхозу технику в аренду, а затем при содействии губернатора области техника безвозмездно была передана хозяйству.

Стоит, наверное, перечислить объем шефской помощи — кран манипулятор, ЗИЛ-рефрижератор,

автомобиль УАЗ, пять тракторов МТЗ, несколько самосвалов, МАЗ-шаланда, супер-МАЗ, погрузчик ПУМ-500, три пресс-подборщика «Киргизстан». Понятно, что все это весьма благотворно сказалось на дальнейшем развитии хозяйства, когда другие сельхозпредприятия переживали нелегкие времена, а иные и вовсе прекратили свое существование. Но с другой стороны, такие успехи молодого руководителя на фоне перестроечной разрухи вызвали, к сожалению, зависть и антипатию некоторых лиц.

Глава района

Наступил 1996 год, в стране на волне демократических преобразований были объявлены первые все-народные выборы глав районных администраций, которые ранее утверждались прямым назначением. Небольшая группа прогрессивно настроенных людей из числа местных руководителей обратилась к Геннадию Горбунову с предложением выдвинуть его кандидатуру на пост главы района. Взять на себя обязанность управлять районом в самое сложное перестроечное время, когда управление было на сверхнизком уровне и не только в районе, но и в области, и в стране. Когда долги по зарплате, социальной сфере были по полгода и более, когда вместо живых денег получали векселя, обеспеченные всего лишь на 30—50 процентов — это было, надо признать, не простое и очень ответственное реше-

ние. Однако Геннадий принял это предложение и включился в предвыборную кампанию, несмотря, кстати сказать, на начальственные окрики сверху. «Сними свою кандидатуру!», — в частности требовал у него заместитель губернатора по сельскому хозяйству С. М. Громов.

83,4% голосов, набранные Г. А. Горбуновым в первом туре, до сих пор являются своеобразным рекордом в нашей области на выборах. Но в экономике района в то время были другие рекорды — огромные долги. А в бюджете района в те дни бывало всего лишь по две-три тысячи рублей, и в тоже время нужно было не остановить работу ни школ, ни больниц, ни детсадов, ни других учреждений культуры. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия района практически встали. Никольский леспромхоз — градообразующее предприятие — пять месяцев не занимался заготовкой леса и был в огромных долгах. Рассчитывать на финансовую помощь из областного бюджета не приходилось. Хотя начинающий глава бывал в Вологде буквально каждый месяц, и губернатор не забывал самый сложный и отдаленный район области, но помощь первое время оказывал только советом, присматриваясь к молодому руководителю. И снова Геннадию пришлось крутиться, как белке в колесе, забыв о сне и отдыхе, без выходных и отпусков. Приходилось объезжать всю область в поисках должников по налогам, брали у них все, что они выпускали, искали любые пути для выхода из сложившейся ситуации. Провели банкротство Никольского леспромхоза таким способом, чтоб не потерять ни гвоздя, в даль-

нейшем наладили работу леспромхоза, где были долги 27 млн. руб., а заготовка леса упала до 33 тыс. кубометров в год, — подняли до 230 тыс. кубометров. Решили вопрос на областном и федеральном уровнях по проектированию и строительству дороги от Никольска до границы Костромской области, которая и была построена за один год. В то же время удалось не остановить и строительство дороги местного значения Никольск-Борок.

Запроектировали и включили в финансирование объездную дорогу от деревни Родюкино до поворота на деревню Фомино. Благодаря всем этим мерам удалось сохранить и обеспечить работой Никольское ДРСУ. Привели в порядок социальную сферу на селе, восстановили размороженную систему отопления в поселке Высокинский и некоторую часть на поселке Борок. Достроили детский сад в деревне Пермас под среднюю школу, а так же неполную среднюю школу в селе Никольское. В Никольске построили водопровод с четырьмя мощными скважинами, благоустроили рынок и центральную часть города. Нелегко дались первые успехи. За три с половиной года, что он находился на посту главы, всего лишь семь дней был в отпуске, вместо положенных 45 ежегодно. В своей работе делал ставку на хозяина. В каждом глубинном уголке района старался найти толкового мужика, чтобы вместе вести нелегкое общее дело.

Были и иные инновационные мероприятия. Открыли и сделали традиционной Ильинскую ярмарку в Никольске. Для чего Г. А. Горбунов лично объехал соседние области и добыл только спонсорской помощи 1 млн. 200 тыс. рублей. Был открыт

торговый Дом в Вологде, где никольчане могли продать свою сельскохозяйственную и другую продукцию, а так же ремесленные и прочие изделия. Уже через два месяца торговый оборот этого Дома достиг 300 тыс. руб. в месяц. Планировалось открыть еще два магазина в различных микрорайонах областной столицы. Было сделано еще многое, но самое главное — удалось за два с половиной года вытащить район из долгов по зарплате.

Я не буду далее утомлять вас, уважаемые читатели, цифрами и фактами прочих достижений того периода, чтобы изложенное здесь не было похоже на победную реляцию. Скажу только, что для этого пришлось немало потрудиться, причем не только лично Геннадию Александровичу, но и всем нам. А вот это, как ни печально, многим не понравилось. Когда приходит волевой, напористый руководитель и работает не только сам, а и заставляет работать других — это кое-кому не нравится. В разбуженном управленческом «болоте» начала зреть оппозиция. А когда в предвыборной кампании 2000 года Г. А. Горбунов выступил с новыми инициативами, оппозиция не только созрела окончательно, но и перешла к активным действиям, которые выразились в переворачивании истинных фактов на 180 градусов, а кое-где и в откровенной лжи.

В перевернутом изображении это выглядело так. Торговый Дом в Вологде стал личным магазином Горбунова. АЗС, построенная по соседству с контрой колхоза имени Павлова, в целях создания конкуренции «ЛУКОЙЛУ» и снижения очередей на заправке, — стала личной, оформленной на жену, а она,

соответственно, стала зваться «Королевой бензоколонки». Сам Геннадий Александрович, разбудивший и заставивший напряженно трудиться весь район, чтобы выйти из состояния разрухи, — был объявлен грубым, нахрапистым, все подминающим под себя и ни с кем не считающимся руководителем.

В противовес ему оппозиция выдвинула директора маслозавода В. В. Подольского, считающегося честным и демократичным руководителем. После соответствующей обработки населения, как устным, так и печатным словом, плюс к этому, по слухам, определенными махинациями в ходе голосования, — победу на выборах с перевесом в семьсот голосов одержал В. В. Подольский.

Будем жить — или доживать?!

«Мы все у судьей на примете,
Мы обманули, предали детей.
Нет ничего позорнее на свете,
Чем прятаться за спины сыновей...»

Игнатий Белозерцев.

На следующий же день после выборов, отдав ключи от кабинета новому хозяину, Г. А. Горбунов возвращается в свой колхоз и большинством голосов снова становится его председателем. И, надо сказать, вовремя. Ибо за три с половиной года, пока Геннадий Александрович вытягивал район, колхоз едва не развалился. Пришлось начинать все чуть ли

не заново. И хотя были предложения лично от губернатора области В. Е. Позгалева перейти на работу к нему в аппарат «Белого Дома», Геннадий Александрович остался в районе и со свойственной ему энергией вновь занялся восстановлением колхоза им. Павлова.

К 2004 году «Агрофирма им. Павлова» уже имеет рекордный надой молока — 5158 литров от коровы, 6—7 тонн молока в сутки. Собрано 2700 тонн зерна в амбарном весе. И еще тысяча тонн, к сожалению, осталась не убранной, несмотря на все старания, из-за плохих погодных условий.

3 млн. 302 тыс. рублей заплачено за год в казну района в виде налогов и отчислений.

Агрофирма присоединила к себе четыре соседних хозяйства. Осиновская ферма имела тридцать изможденных коров, которые все вместе взятые, давали 25—30 литров молока в день. Сейчас эта ферма стала по существу маленьким заводом и дает до 3 тыс. литров молока в день. Кожаевская ферма: надои поднялись от 100 литров до 2 тыс. литров молока в день. В Байдарове заработал телятник по выращиванию маточного поголовья со среднесуточными привесами до 800 граммов. Распахано более 1000 гектаров зарастающих земель. Я не буду и дальше петь дифирамбы человеку, который сумел наладить все это, ибо есть такие люди, которые, признавая эти успехи, ставят все не в заслугу, а в «минусы» Горбунову. Мотивируя это тем, что «Агрофирма имени Павлова» его личное предприятие, и делает все это он не для народа, а для себя лично. Да, вернувшись на должность председателя колхоза,

Г. А. Горбунов, по совету опытных людей, вынужден был подстраховаться. Объяснив положение дел колхозникам, и с их ведома изменил статус колхоза на ЗАО «Агрофирма имени Павлова» и приобрел контрольный пакет акций для того, чтобы управлять хозяйством, а не быть «помещиком». Ибо самая главная проблема сейчас везде — это поголовное пьянство и нежелание работать. Тот, кто идет против этого, заставляя людей трудиться, непременно наживает себе врагов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Здесь уместно было бы привести в пример печальную судьбу кирпичного завода. Еще под эгидой «Агростроя» его удалось раскрутить. Завод заработал, производя достаточное количество кирпича хорошего качества. Зарботки возросли до 800 рублей (в ценах до 1991 года), но на почве пьянки созрел конфликт между рабочими и руководителем завода, в результате — человека «съели», а завод, оставшийся без хозяина, буквально через две недели встал и в скором времени прекратил свое существование. Сейчас от него не осталось даже руин. И это тоже почему-то ставят в вину Горбунову. А в чем его вина? В том, что он пытался вернуть завод к жизни, но не смог уговорить того человека вернуться, хотя делал это неоднократно. Окончательно решил судьбу завода новый закон о повышении платы за использование недр, то бишь той самой глины, которая так и осталась без использования.

Однако от слухов и домыслов вокруг агрофирмы вернемся лучше к делам районного масштаба того времени. Чего достиг район за четыре года под руко-

водством В. В. Подольского? Заготовка леса в «Никольскдрев» (бывший леспромхоз) снова упала с 230 до 70 тыс. кубометров. Вновь под угрозой полного закрытия оказалось ДРСУ, пока отделались значительными сокращениями, которое, кстати сказать, позднее при другом руководстве и в более благополучное время, было в итоге таки переподчинено селу имени Бабушкина. Торговый Дом в Вологде — «плацдарм» для никольской торговли в областном центре, завоеванный с таким трудом и с перспективами на расширение — «предан анафеме» и «сдан без боя» через пол года работы.

Наш район сельскохозяйственный, но в сельском хозяйстве на один рубль вложенных денег получается восемьдесят копеек отдачи, поэтому основное богатство у нас — лес. Его нужно разумно использовать, и на эти деньги поднимать сельскохозяйственное производство. Какова же обстановка с лесом в нашем районе? В цифрах из доклада на то время все выглядит прилично. Всего по району 49,3 млн. кубометров спелой древесины, расчетная лесосека 1 млн. 385 тыс. кубометров, ежегодно вырубается 800 тыс. кубометров. А на деле все выглядит несколько иначе. 13 млн. кубов — это переспелая древесина, елки в возрасте 180 лет, уже гнилые от корня и вываленные ветрами. В этих лесах можно только снимать страшные сказки про Бабу-Ягу в стиле Александра Роу, а не вести лесозаготовки. Львиная доля оставшейся спелой древесины продана на корню иногородним предпринимателям.

Осмелюсь напомнить, что накануне прошлых выборов никольские предприниматели, занимаю-

щиеся лесом, боялись, что Горбунов, планируя в будущем организовать расширенную лесопереработку, серьезно потеснит их в этом бизнесе, вследствие чего и примкнули к оппозиции. Получилось так: за что боролись — на то и напоролись. Новый хозяин не просто потеснил их, а практически оставил без леса, продав его на корню. И этот процесс продолжается. Создается новая организация — «Автодорлес», при участии «Вологодавтодора» и «Кроностар». Расклад такой — дорожники строят дорогу в труднодоступные места, где лес еще уцелел, а «немцы» вывозят его на свои перерабатывающие предприятия в Шарью. Району при этом не достанется даже налоговых выплат, более того, даже дорожный налог с машин «Автодорлеса» идет в соседнюю область. Иногородним предпринимателям продан маслозавод, единственное производственное предприятие района. Вслед за ним за бесценок идут сразу четыре хозяйства со всеми потрохами, это — колхозы «Восход», «имени Пушкина», «Счастливый путь», «Красное знамя», объединенные в новое предприятие под названием «Сельхозпродукт». Создается впечатление, что живем, как последний день, а после нас хоть трава не расти, а если что и вырастет, то не для нас, не на наших землях, не в наших лесах. Что же мы делаем? С чем будем доживать сами и что оставим своим детям? Я не случайно поставил в эпиграф этой главы стихи И. Белозерцева, нашего земляка. Прочитайте их еще раз и задумайтесь, кто есть кто?

Геннадий Александрович не собирался второй

раз идти на пост главы района, который выразил ему свое недоверие на прошлых выборах. Да и зачем? Снова бросать на произвол судьбы хорошо налаженное хозяйство и снова взваливать на себя тяжелую ношу по подъему разваленного и распроданного района. Жажда власти? Так ее у него и сейчас достаточно, как у директора лучшей агрофирмы в районе, депутата Законодательного собрания области. Нет. Просто он живет по принципу — если не я, то кто? Он не хочет прятаться за чьи-то спины. И когда большинством голосов от членов партии «Единая Россия» его выдвинули кандидатом на пост главы района — он дал свое согласие. Узнав об этом, некоторые запаниковали: «Придет Горбунов — работать заставит!». Но, ведь работать — значит жить!

...Трудно сказать, сделали ли николячане такой выбор сами, или кто-то привел итоги выборов к такому финалу, но В. В. Подольский остался в кресле главы на второй срок.

Вот, что писала газета «Уездные новости» по этому поводу.

Итоги

И вот с тех пор прошло уже более десяти лет. Сегодня, взирая на прожитое, можно сделать некоторые выводы и расставить акценты. Выборы на пост главы района проходят сейчас спокойно и равнодушно. Канула в Лету газета «Уездные новости», несколь-

ко встряхнувшая в свое время тихую, сонную жизнь района. Газету «Авангард», несмотря на смену руководства, по-прежнему называют «газетой объявлений, поздравлений, некрологов и постановлений местного правительства». Район по-прежнему живет вырубкой и продажей леса, коего становится все меньше и меньше. За последние два года закрылось более сотни предпринимателей, занимавшихся этим бизнесом. Вымирают деревни, оптимизируются больницы и прочие социальные объекты, уезжает из района молодежь на города в поисках лучшей доли. Колхозов, можно сказать, нет. Колхоз «Родина» умер тихо и незаметно, несмотря на попытку одного из местных лесопромышленников реанимировать его. Сия попытка для него самого закончилась весьма плачевно, несмотря на обещанную всемерную помощь районных властей. Колхоз «Победитель», по выражению одного из местных жителей, каждый год пытается сначала вспахать и засеять поле возле его деревни, а потом пытается убрать его. Все попытки заканчиваются списанием денег на произведенные работы.

Новое объединение «Сельхозпродукт» и его генеральный директор в свое время клятвенно заверяли поднять колхозы из руин и наладить дело на высшем уровне.

— Через год-два от «Агрофирмы» ничего не останется, они будут у нас в заднице..., — запальчиво обещал гендиректор «Сельхозпродукта». Прошло не год и не два, от вышеперечисленных колхозов остались разве что вывески с названием, да с десяток чахлах коров. А вот «Агрофирма им. Павлова»

ширится и развивается. Ее генеральный директор не бросает слов на ветер. Все, что он обещал на своих предвыборных встречах, выполняет. На гаражах бывшего колхоза «им. Фрунзе», где проходила одна из таких встреч в то время, сейчас красуется транспарант «Филиал Агрофирмы им. Павлова». Выкуплен маслозавод у наигравшихся в дорогую игрушку несостоявшихся иногородних маслоделов.

История не терпит сослагательного наклонения, но, тем не менее, хочется задать простой вопрос — а как сложилась бы судьба района, если бы в нулевые годы этого тысячелетия народ сделал иной, я считаю — правильный выбор? Ответ на этот вопрос подскажут нижеследующие строки.

Мечты сбываются

— Была у меня мечта еще с детства, — рассказывает Геннадий Александрович, — наладить жизнь в своем родном колхозе, да так, чтобы было все по уму — и хозяйство, и социальные объекты, и дороги, не в пример тому, что было в прошлом.

Когда-то еще в доперестроечные годы в их колхоз «Восход», также по рекомендации райкома, был поставлен председателем человек, который, как говорят в народе, и дела не делал и с дела не бегал. Неделями даже в конторе у рации не появлялся, зато в кочегарке наравне с рядовыми колхозниками трудился... со стаканом в руках. И просидел он в предсе-

дательском кресле, если так можно выразиться в его случае, семнадцать лет. А ведь и в те годы при умелом руководстве можно было многое изменить в лучшую сторону в жизни колхоза. Все это глубоко запало в душу Геннадия. И вот, по прошествии многих лет, мечта сбылась. Хотя судьба распорядилась несколько иначе, пусть не свой родной колхоз, а другой он превратил в процветающую агрофирму. И сегодня он не поживает на лаврах, наслаждаясь достигнутым. Его душу тревожит мысль о грядущем будущем «Агрофирмы». Жизнь показала, что, к сожалению, пока без поддержки иных сфер производства сельское хозяйство на плаву не удержат. Как бы его последователи не отказались от сложностей сельхозпроизводства, оставив лишь прибыльные торговлю и прочее. Уже сейчас среди акционеров есть недовольные, что слишком много средств идет в, так сказать, нерентабельное сельхозпроизводство.

Ситуация в стране, сложившаяся на сегодняшний день, в том числе и связи с санкциями Евросоюза, явно показывает, что нужно всемерно развивать и поддерживать своего производителя. Но пока это лишь, как обычно, красивые слова и благие намерения. Помнится, еще в недавнем прошлом наших школьников пытались напоить молоком «Первоклассник» с полугодовым сроком хранения, завезенным, кажется, из Латвии. Наши школяры, еще помнящие вкус настоящего молока, эту бурду, закупленную на народные деньги, разумеется, не пили, а бросались ими, как взрывпакетами. Жаль, что они не смогли их добросить до госчиновников, организовавших им это «бесплатное» и «полезное» пита-

ние. А почему бы не отдать эти деньги, в буквальном смысле брошенные на ветер, своему производителю за качественную продукцию?!

Из разговора с Геннадием Александровичем я узнал, что если бы агрофирма просто продавала свое молоко на сторону без всякой переработки, то получила бы прибыли на 2—3 рубля с литра больше. Но тогда у нас не было бы своего молока, масла, сыра и прочей отличной молочной продукции, пользующейся таким спросом, как внутри района, так и за его пределами. Почему складывается такая ситуация? Да потому что мощность имеющегося маслозавода используется всего лишь на одну треть. Вот вам и резерв для насыщения рынка страны своей продукцией, и ответ санкциям Евросоюза, от которых сами страны данного союза больше и теряют, а нам являются лишь стимулом для развития. При таком раскладе будет и рентабельность в сельском хозяйстве, и поля не будут лесом зарастать, и деревни вымирать. И не будет страдать душа у людей, всем сердцем болеющих за судьбу родного края, родной страны.

Как выйти в люди?

Размышления старого председателя Никольского райисполкома Василия Александровича Корепина.

Отец у меня был начальником милиции в Бабушкинском районе. Заболел. Его по болезни отправили на пенсию. Вернулись на родину в Никольск. И тут отца, как коммуниста, назначили председателем колхоза «Партизан» в Лобовский сельский совет. Там есть такие Красные Горки и Повагино. Эти две деревни и входили в колхоз «Партизан». Дворов не было, скот колхозный держали частники по своим дворам.

Дедушка у нас там жил. Он на 99-м году ушел из жизни. И дедушка учил всему: лошадей управлять, боронить, навоз со дворов возить на поля, потом в августе рожь сеяли, много сеяли ржи. Боронить жарко днем-то, утрами пораньше да ночью боронили.

Потом дедушка учил новину жгать. Потом лыко драть, потом трубицу мотать — всему учил! Не разговористый был дедушка-то. Не видал ни самолета, в те края самолеты не летали, не видал и поезда, и машины не видал. Машины были тогда, да не проехать к нам, только лошади и были. Вот он так

и ушел из жизни почти в сто лет, а не видал ничего этого. А вот ума природного было в нем — на многих бы хватило.

Посмотрю на молодежь — ну, не умеют работать! Это меня, ой, как будоражит. Ведь работать надо уметь.

Бедно мы жили. Тут какой-то год батько ссуду брал дом строить, до этого мы все по квартирам жили. Денег нет вовсе. А смотрю, я в обузу, вроде бы. Ремесленное училище в Устьюге присмотрел, да и отправился в ремесленное тайком.

Брат мне чемодан дал. Я узнал, какая машина в Устьюг пойдет, и с вечера, чтобы не проспять, под машину залез и еще привязал себя.

Потом этот шофер мне:

— Ну, ты, — говорит, — и хлёт, до чего настойчив. Привязал ногу к колесу!

Привез он меня в Устьюг. Пошел я в ремесленное училище, ни документов, ни аттестата, паспорт в Устьюге получал. Одна дедкова наука у меня. А, ой, как она сгодилась.

В ремесленное приняли. Уговорил. Показали, как рубить зубилом, пилить, резьбу нарезать, трубы гнуть. Потом уж, на последнем году учебы, мы в судоремонтном заводе в Устьюге отопление делали, нас пять человек бригада. Мастер подобрал самых смышленных. Это была сложная работа, а мы управились, как настоящие взрослые мастера.

Кадров не было в речном флоте. В первый же учебный год поставили кочегаром, паровая машина в 400 лошадиных сил. Идет буксир в операцию «Юг», у него на гаке барж прицеплено на 5 тыс. тонн. Вот

мы и кочегарим. Три часа в топку уголь кидаешь, шесть часов спишь, потом снова три кидаешь. Надо, если вверх по течению идем, почти полторы тонны угля скидать. Три топки. Пар надо держать на 15 атмосфер, иначе паровая машина не будет работать.

Самое плохое место, где Луза впадает в Юг, называется Стрелкой. Вахту сдал в три часа, вроде светло. В девять снова встаешь на вахту, а буксир, как был напротив Стрелки, так напротив ее и пыхтит. По двенадцать — восемнадцать часов тратили на эту Стрелку, такое течение было. Чтобы выбраться из этой круговерти, надо на пределе давление держать. А как? Нужно знать, как уголь с топку кидать. Не просто кидать, тут ума много не надо, а надо разбрасывать его веером, красиво, чтобы огонь сразу схватывался по всей площади...

По Вычегде ходили, по Пинеге.... Топаешь рекой триста километров и более, и ни одного населенного пункта. Как раз в это время Хрущев эту кукурузу-то насаждал... Плыдем, а в тайге везде плакаты про кукурузу. Какая кукуруза, там и земли нет! Вот, наконец, — Пинежской лесопункт. Там все сплошняком выслано лесом. Сначала поперек, а потом все вдоль. Дома ниже этих бунтов. Мы в то время еще пацаны-пацанами, а смеялись: «Какая тут кукуруза будет? Зачем тут плакаты-то эти?»

Армия. В Петрозаводске попал в ПВО страны. Был Северный военный округ. Служба интересная, но тоже надо голову иметь. Загонят в свинцовую комнату. Вот надо около 100—120 кодов знать наизусть. Вразной тебе будет капитан задавать. После

этого только он дает добро: опустить на боевое дежурство. Я уж и сейчас помню: «287 — я свой, соответствую кодам».

Выступал на первенстве Карелии по самбо. Из нас готовили инструкторов по самообороне. И мы вели в батальонах, в ротках боевое самбо. А ведь сила везде уважается, ловкость тоже.

Я прозвище получил там — «Ураган». Как ехать на лыжах или полосу взять, или гранату кидать: «Ну-ка, Ураган!» Я как кину, граната за 70 метров летит. Ротный Камешков: «Ну, крепень, ты что! Ну-ка, снова бросай!» Ладно, снова, ну — 67 метров летит. «Ты что? Надо на соревнования тебе в округ ехать!» Я занялся капитально спортом еще на пароходе, всю команду поднял... На первенстве Северного речного пароходства, мы второе место заняли, наша восьмерка. Вот как.

Потом поучился я еще на электрика. Я вернулся-то, у меня уже специальность была — слесарь III разряда. Да уж чего, слесарь третьего разряда? Зубилом как рубить, так никто так не умеет, коль надо рубить пластину любую, нет вопроса, я и не гляжу, а хлещу... Это зубилом научиться, надо большой опыт иметь. Лопатой бросать уголь, чтоб она веером ложилась, а не кучей — это тоже надо опыт. Учишься друг у друга. У нас Володя Олейник, как он красиво кочегарил...

В Никольск вернулся, в леспромхозе наладил производство аккумуляторов для ЗИЛов и МАЗов. Большая была проблемы с ними.

Потом началась карьера. Я не кабинетный работник. Организовал мощные отряды по ремонту дорог,

не говоря, что уже, что 15 дней строил мост сам. Весь пульт управления перевез в Иваково. С пилой, сам возглавляю бригады и строю мост свайный. Ну, где-то за полтора дня мы все сделали. Настил, выезд с берегов, и вроде пустили машины. Здесь в Никольск не было моста. Устюг, Кич-Городок, Никольск, через этот мост, вокруг. Через год, в следующую навигацию, Владимир Александрович Мещеряков, молодец, понтоны, в навигацию привезли.

В 78 году меня поставили председателем райисполкома. Геннадий Горбунов тогда работал на ГАЗ-53, на самосвале. Первый раз я познакомился с ним — он всех лучше сработал на самосвале, всех больше вывез он гравия на участок, который мы отсыпали, проезда не было. Я ему вручил термос. Сразу произвел впечатление толкового.

После этого он стал работать председателем колхоза «Утро». Тут пожар у него был. Недостроенный пришкольный интернат загорелся. Он звонит вечером, где-то часов, наверное, в семь вечера... Я на УАЗик — и туда. Дорога не сделана, строители мост вскрыли, а объезда не сделали. Я машину оставляю на угоре, и бегом в Нигино. Прибежал. Ну, уж потушили они ведрами все. С Горбуновым ходим в дыму, и решаем: «Давай, сейчас самое главное — надо быстрее восстановить. Давай специалиста, смотри, какой нужен материал, чего надо, сколько — мигом все восстановим. Молодцы, что затушили».

А пожарники едут кругом. Приехали, мы уже все составили: сколько денег надо, какой материал надо. Я оттуда уже кое-кому позвонил.

Раньше люди как-то на подъем были легки. А тем

более, объявлена чрезвычайная ситуация, дорог-то нет... Ой, народ у нас какой! С этим народом, любую бы страну победили! В то время. Не было никакой проволоочки, ни какого отказа! Не бывало! Вот какие люди умные были.

Потом Горбунова сюда перевели, ну, здесь давай работать вместе. Как-то во время уборки приезжаю в контору колхоза имени Павлова.

— Где Горбунов?

— Поехал в Носково.

В Носкове как раз жали. Я в Носково. Смотрю, комбайнер на кромке стоит, а комбайна и Горбунова нет. Я говорю:

— Где комбайн-от?

— Вон, председатель ездит.

Я говорю:

— А ты чего? —

— Он меня хулит, что высоко жну.

Я говорю:

— Ну, правильно и делает.

Потом Горбунов подъезжает. Я ему уже говорю:

— Давай, я попробую еще ниже взять!

Так он в любом деле впереди, примером показывает. И все умеет лучше других. Видит, дорога «шифером», садится на грейдер и равняет. Научит так, чтобы понимали его с полуслова. Человек душой и сердцем привязан к работе. Он воспитан так, вся семья Горбуновых такая.

Александра Петровича, его отца, я хорошо знаю, дружок мой. Сам на работе горел, и других увлекал. Да и мать удивительной труженицей была. Вот и детей таких воспитали. Мать — это у них золото!

Ни скричит, ни наругает. Все с добром. Вот что значит, семья большая... А батько — день и ночь в работе. В другой раз собрание кончится в 11 часов, мороз 30 градусов. Он в тулуп, на розвальни: надо 14 километров ехать домой. Зимой! Он, Горбунов, весь в отца. Да и многие, и Петруша, и Валера, Саша — молодцы мужики.

Первое разрушение в деревню пришло, когда наверху принято решение было о сселении неперспективных деревень. Сселять не сселяли, а стали во всем обходить их. Электричество — мимо, дороги — мимо, развитие — мимо их. Как я возмущался! Зачем людей обижать? Но решение уже было принято и все, что удавалось сделать по спасению деревень, шло ему вопреки.

Две матери-героини в поселке Виноградный. Я ездил награды вручал им, до этого-то, когда все нормально было. 60 телят держали они, все в работе были, лесом занимались, ягод много заготавливали. Все рухнуло. В Кемском кусту деревни Костенево, Костылево, Падерино, потом Красная Горка, вторая Красная Горка, Пантелеево, Логово, Талица — ничего не могли добиться, чтобы их дорогой соединить... Пустые деревни, не стало деревень этих, не стало.

Последний раз уж из Талицы Николай Михайлович, последний ее мужик, попросил меня: «Василий Саныч, помоги, сделай телятник».

Вижу, что деревня хорошая, корма хорошие, поля есть... Собираем мужиков в районе, я говорю, ко мне люди хорошо относились: «Поддержим Талицу! Нужно деревню сохранить. Мужик... 60 телят держит! Что, нам ему телятник на сто голов не сделать?»

Всё из Никольска машинами за три дня увезли: кирпич, пиломатериалы, рамы, транспортер увезли, и электричество сделали. За несколько дней поставили двор методом народных помочей. Жаль, мужик четыре года только пожил...

Потом распад СССР. Только благодаря Геннадию Александровичу сохранили здесь многие работу и смысл жизни. Стольких он трудоустроил!

На мой взгляд, в районе произошла катастрофа, когда четыре крупных хозяйства были проданы москвичам. Как я возмущался! Меня Геннадий попросил: «Василий Александрович, тебя народ знает, съезди к людям, поубеждай не делать этого».

Я поехал на первое собрание в «Восход», там Камкин предприниматель, я с ним до этого поговорил: «Слушай, неужели чужакам будем колхоз отдавать. Это все зависит от того, как проголосует общее собрание колхозников».

«Я согласен, если не согласятся идти под руку чужаков, возьму этот колхоз».

А москвичи приехали, где вином, где шоколадом, подкупили... это собрание. Люди-то знают меня, может быть, и одумались бы, но заместитель главы приехал — агитирует продаться.

Я ему:

— Сколько тебе денег дали?

— Какие деньги, мне глава сказал, вот я и агитирую, чтобы продать эти колхозы.

Ладно, следующее собрание в Вахнево, приехал, а меня молодые пацаны-чужаки не пускают на собрание. Вижу, приехал этот ставленник — зам главы администрации — Подольский. Я ухитрился

все же пройти в зал. Опять выступаю, убеждаю людей, многие меня поддерживают, но ничего не получилось. Убаяли народ посулами.

Потом «Счастливый Путь». Думаю, дай узнаю, пораньше уехал, оказывается там основная масса людей подкуплена: кто вином, кто шоколадом, кто конфетами. Все уже, колхозников уговорили.

Я в мастерские к ним на собрание, они там работали, говорю:

— Что мужики делаете-то?

Говорят:

— Не наше дело!

— Как не ваше-то? Столько лет вы отдали колхозу, неужели не больно, что сейчас это все пустовать будет, все зарастет, и скота не будет!

— Так они золотые горы обещают, зарплата будет вовремя, все вовремя.

Приехал Геннадий, говорю: «Геннадий Александрович, так и так, там все подстроено, там пустое дело, — я говорю, — надо уже давно было кого-то подключать, да заниматься. Или, — говорю, — звони в «Единую Россию» Никитиной или Шевцову. Пусть они подключаются, что такая обстановка в районе, пусть комиссию посылают, кого-то... пусть проверку хорошую делают. Кич-Городок-то не отдал ведь никому, они не могли там никого подвинуть.

Вот так и получилось. Поддержать было некому.

И образовали этот колхоз из четырех. Управлять прислали кого-то из проштрафившихся. Он быстро скот продал, лошадей продал, все продал. Если раньше один колхоз «Пушкино» сеял где-то под 1200 гектар, он за всех в этом году посеял 210,

за четыре колхоза.

Все, не стало колхозов... Горбунов когда был главой, никому ничего не отдал. Все и сейчас работает.

Ну, вот вообще, говорят, что нынче чиновникам зарплату надо домой носить, чтоб с дивана не вставали, чтоб вреда не приносили. Это правда! Потому что, вот я смотрю, за что ни возьмутся — колоссальный урон, понимаешь?

Думаю я, вот этот костюм одену, завтра пойду на 10:00 часов, в этот... библиотеку, позвонили, что приглашают. «Там хозяйственные руководители встречаются, и тебя приглашают». Я с дочкой посоветовался: «Наталья, ни разу награды не надевал, дай говорю, я сегодня надену награды, которые заслужил за всю работу». И все-таки техникум, и высшее образование. А это медаль «За трудовое отличие», как председатель райисполкома получил, почти тридцать лет на этом посту оттрубил. Единственный председатель райисполкома в области награжден такой правительственной наградой.

Аргунавты

Еще один собеседник, и снова Корепин, только на этот раз Владимир Михайлович, заместитель главы района по социальной политике. Надо заметить, что у героев этой книжки, деятельных, нацеленных на созидание, судьбы перекликаются, не смотря на разницу в возрастах.

— По образованию я учитель русского языка и литературы с правом преподавания истории. Родился в деревне Ильинское Аргуновского сельсовета. Люблю деревню, И эту любовь впитал с молоком матери, а развитие дала семья.

Отец мой настоящий мастеровой мужик, в руках все горит, любое крестьянское дело справит. И гармонист замечательный. А начинал, рассказывает, с молотилки, косилки, справится хоть с трактором, хоть с комбайном.

Но самое большое влияние на меня, думаю, оказала школа, а точнее наша ученическая производственная бригада, которой руководил талантливый колхозный инженер Илья Курмахин.

Представьте себе деревенскую школу, которая располагается в семи зданиях, и в которой учится

почти восемьсот человек. Когда я заканчивал школу в 1985 году, в ней было три десятых класса. В нашем семнадцать парней, остальные девчонки, И на сегодня все достаточно успешные люди, только несколько человек уехали из района, остальные себя здесь нашли: кто в руководителях, кто предприниматель... И все мы связаны крепкой дружбой, которая идет из детства. И я думаю, это доброе в нас было заложено в первую очередь в школьной ученической бригаде Курмахина. У нас было около 300 гектаров пашни, мы выращивали картофель, пшеницу, лен, у нас был своя животноводческая ферма. Мы умели все: управлять техникой, возить навоз, пахать, боронить и сеять. Большинство девчонок так же стремились на трактора. Мало того, что мы полностью обеспечивали школьную столовую продуктами и мясом, излишки сдавали государству. В результате на счету школьной комсомольской организации, я был тогда секретарем школьной комсомольской организации, было несколько тысяч рублей, а это тогда были большие деньги. И мы успевали все: и уроки сделать и по хозяйству дома выполнить свои обязанности и в школьное поле успеть. И не уставали.

Наша школьная производственная бригада была лучшей в области. И было куда развиваться: было планов громадье. Мы шли такими темпами, что, наверное, сейчас Аргуново могло быть сказочным цветущим садом.

Вот с этих вершин Горбачев и начал перестройку в стране.

Большуха

У нас была не большая семья: всего трое детей. Средь нас все было строго распределено: кто снег чистит, на ком дрова, вода... И это делало нас семьей, дружной семьей.

Большухой была у нас бабушка. То есть, она была по сути домоправительницей. Та женщина, которая стоит у печи и заведует ухватами, та и большуха. А уж как не станет смогать, то передает ухваты следующей по череду женщине.

Вот она и учила нас крестьянским житейским премудростям. Меня, брата и сестру. А уж когда шалили, бралась за вицу. Но утром в шесть утра на столе всегда стояли горячие блины, пироги, пряжоники. У меня мама тоже хорошо печет...

Так вот мая бабушка была из раскулаченных середняков. В аргуновском краю таких середняков была масса. Две коровы, две телушки, два дома. Дед еще сапоги умел шить со скрипом. Сейчас я сожалею, что мало взял от бабушки, нужно было все записывать, а, нет...

Знаю, что дома у них отобрали, а бабушку высели с детьми в баню. Малолетний сын умер у нее на руках, а моя мать и дядя ходили по миру. Знаю, что спас их деревенский мир, из-под полы да подавали, чтобы не донесли, что подсобляли детям раскулаченных.

Дед какое-то время скрывался в лесах, потом его арестовали, отправили в лагеря, а уж из лагерей в штрафбат кровью смывать вину перед родиной.

Наверное, за то, что любил работать и умел сапоги шить...

Знаю, что погиб он в 1942 году на Невском Патячке, его фамилия есть и в документах, но точное место захоронения не установлено. Там тогда был крошечный ад. Все-таки хочу отыскать его могилку. Или хотя бы приблизительное место, где погиб.

Бабушка нас научила многому. Это были жизненные уроки. Она была нами уважаема и обожаема.

У нас отец, как всякий деревенский мужик, тракторист, любил в подвыпитом состоянии пошуметь, права покачать. Мать пытается его урезонить, да не тут-то было. Но только стоит бабушке сказать ему: «Ты, Владимир Михайлович, не прав.», как он тут же смолкал.

И мать бывает что-то у печи с бабушкой поспорят, он ее отведет в сторону и скажет: «Нинка, ты не права. Не спорь с моей тещей»

А особым уважением и почитанием у нас в семье пользовался мой дядя Кореппин Владимир Михайлович, председатель колхоза «Красное Знамя». Это был лучший в ту пору колхоз.

А как играл на гармошке! Бывало, приедет к нам в гости. Сядут они с отцом и такие переборы начнут доставать из своих гармошек, что диву даешься.

Генерал Армии Анатолий Владимирович Бетехтин считал за честь дружить с моим дядей. И всегда при встрече с земляками спрашивал: «Как там колхоз «Красное Знамя», хотя его уже не было в живых... Несчастный случай. А вот случай ли?»

Была своя трансформаторная подстанция

у колхозного клуба. И вот там стало вырубать электричество. Раз, второй, третий... Пока ждешь электриков, клуб разморозишь. И вот дядя сам ходил включать рубильник. Надо сказать, что он был докой во всем. И в последний раз только он взялся за рубильник, как его сразило сразу и на повал...

Все не так просто в нашей деревне. Все не просто даже сейчас.

Созидателей мало

После университета работал в своей родной Аргуновской школе заместителем директора школы. Было одно время желание уехать на города. В Череповец манило. Люблю этот город почему-то больше Вологды. Директриса говорит: «Я тебе трудовую не отдам.»

Я: «Это не законно!»

«А вот тебя на педсовет вызовем, тогда узнаешь: законно или нет.»

И стали меня прорабатывать, а они все меня еще недавно учили. Как им перечить?

Остался. Правда, вскоре меня в райком комсомола перевели. Сначала вторым секретарем, потом первым. А тут ГКЧП. Райком партии опечатали, милиция стоит всюду. Я ничего и понять не могу. Партию закрыли, а райком комсомола — нет. Мы работаем, как ни в чем не бывало.

А в 1991 году меня уже назначили заведовать

комитетом по делам молодежи и спорта администрации Никольского района.

Я все думал, почему тогда партию закрыли, а комсомол не тронули. Теперь понял, что это была продуманная линия. Молодежь должна была разрушить устои социалистического государства. Поскольку они молоды, у них нет созидательного опыта, они не прошли все ступени кадровой политики у коммунистов, им будет просто и весело рвать на куски старую экономику, превращать в собственность.

Они не должны быть созидателями, они по замыслу реформаторов и западных советников, должны разрушать.

Прошло двадцать пять лет, казалось бы, должны начаться созидательные процессы, а мы все еще живем остатками социализма. Те, кто оторвал себе кусок и нажился на этом, не собираются развивать экономику, да их никто и не учил этому. Они красиво ее пережевывают.

И только не многие, кто прошел деревенскую школу, такие вот производственные бригады, такие как Горбунов сохранили в себе энергию и жажду созидания... Похоже, все надо начинать сначала... Со школы. А у нас законодатели, видимо, намеренно исключают из программ всякое трудовое начало...

Ума много, толку нет...

Мы говорили о Корепине Василии Александровиче с Горбуновым, и он поведал нам историю, когда самородок во власти без особого образования достиг в управлении значительных успехов.

— Недавно встретил в Вологде друга, одноклассника. У них семья большая, также, как и у нас. Учились мы в одном классе, в четвертом классе он отстал, двоек было больше, чем троек. Парень активный, парень интересный, шустрый. Но бесшабашный.

Он женился, переехал. Работал трактористом на большом бульдозере в мелиорации. Перестройка началась — мастера не стало, искали-искали, никого не могли подобрать...

Тут Коля подвернулся: «Коля, мастером попробуешь? Поработаешь?» Уговорили парня.

Через три месяца прораба не стало: «Коля, некому работать, поработай прорабом!» А Коле что? «И мастером поработаю, заодно и прорабом поработаю».

Поработал прорабом полгода, сколь ли, главного инженера не стало: «Коля, поработай главным

инженером!»

Коля: «Надо, дак поработаю и главным инженером». Это тот, у кого двоек было больше, чем троек.

Начальник ушел. Уж совсем плохо стало, некем заменить. Развал пошел полный: «Коля! поработай начальником!» А тому чего: «Ну, если надо, могу и начальником поработать!» Поставили...

Да у него и так все крутится. Зарплату выдает, объемы ищет, лесом занимается, и все, куда с добром — все идет. Самородок.

Но вдруг какая-то вожжа попала, запопивал. Пришлось снимать с должностей.

Ничего сделать не могли. Убирают Колю, привезли на замену бывшего первого секретаря райкома. Два высших образования. Поставили. Полгода не прошло — ни зарплаты, ни работы, все останавливается, ничего не получается. Пошли к Коле на поклон опять: «Коля, давай, завязывай с вином».

Ну, Коле тоже ведь неохота быть полным-то дураком. Коля с вином завязал, пришел опять работать. Все, через два месяца опять все побежало, зарплата выдается, объемы делаются, все крутится, все вертится, развитие идет.

Теперь секретарь «Единой России» в районе. И двоек было больше, чем троек — ни на кого, кроме как тракториста, не учился.

Вот мать у меня два месяца в первом классе поучилась, а насколько мудрая была женщина! Все говорила нам: ума-то, ребята, у вас много, а будет ли толк?

Советская царского производства

Тихая улочка районного города Никольска. Совсем не городской дом за забором и приветливые по-деревенски хозяева, встречающие нас, приехавших сюда с Геннадием Александровичем Горбуновым.

— Доброе утро! К вам можно?

— Пожалуйста, пожалуйста. Ой-ой, с камерой, и с камерой!

Мы снимали эту встречу на видеокамеру, и вид ее удивил, но не обескуражил хозяев. Мол, ничего и с камерой. У нас, не гляди, что за забором, а вся жизнь на виду.

— Проходите, проходите.

Нас привели в комнаты, и спустя минуту, в горницу вышла маленькая аккуратная бабушка.

Горбунов, большой и крепкий, поклонился и обнял бабушку, согнувшись почти вдвое.

— Здравствуй, Любовь Георгиевна! — сказал он ласково. — Милый ты человек!

— Здравствуйте и вы. И ты, Геннадий, здравствуй.

Тоже милый. Да еще какой и милый-то. Я ведь твоего отца грамоте учила, а у прадеда жила...

— А мы тебя поздравить приехали с юбилеем

— Лучше не говори, — отвечала бабушка задорно. — До ста годов дожила, слава Господи, а стала маленькая, как спичечный коробок против тебя-то. В космонавты, всяко, теперь не возьмут.

— Нет, ты у нас... ты у нас еще куда хошь! — возразила ей дочка.

— Или не похоже на сотню-то?

— Нисколько! — отвечал Горбунов. — Близко даже нет! Красавица...

— Что-то это сегодня не совсем в форме, а так здоровье день ото дня все лучше и лучше! — то ли отчиталась, то ли пошутила бабушка.

— Она так быстро бегаёт, что клюшки теряет, — добавила дочка ее.

— Не хочу больше с клюшкой, клюшка — не моя подружка! Как вторая сотня годов началась, сказала: «Буду бегом бегать». Говорю, буду по-другому жить, спортом заниматься стану. Форсить буду. Вон пиджак с медалями и орденами одену и стану форсить.

— Ты еще до революции, выходит, родилась?

— Я... царская еще баба-та. Еще Николая II, Керенского

захватила. А потом уж Ленин и Сталин были у власти. Всех помню. Маленкова, Хрущева. Которые в живых остались, этих помню... Горбачев, Путин, Медведев. Остальные все... по своей воле умерли. А я живу.

— И это правильно. И это правильно, — поддер-

жал ее Горбунов весело.

— Да, правильно... Я, как сама Россия. Потому что правители приходят и уходят, а Россия остается... Только вот не каждый с пользой для страны правит — это у кого как получается. Иной говорит много, а дела — нет. Или вовсе против страны все оборачивается: говорят, «не туда заехал»... Лучше рулить надо. Вот как ты в своем колхозе, Геннадий. Слыхала я про тебя, про твои хорошие дела. Вытащил колхоз-то на торную дорогу.

— Ты у нас патриот! Вон как разобрала всех, — похвалила ее дочка, приехавшая с Донецка. — Вот бы тебя в президенты.

— Я люблю свою Россию! Очень я довольна, что я родилась в России. Да главное то, что в Никольском районе и жила, и работала. И из Никольского района никуда не уезжала по длинные рубли. Все прожила здесь с 16-го до вот 2016...

Любовь Георгиевич оживилась, глаза ее осветились внутренним огнем:

— И главное, все лучшие годы прожила... в Стране Советов! С 18-го по 92-й я прожила в Стране Советов! Я — настоящая социалистическая женщина. Царского производства, но социалистическая.

Все засмеялись.

— В Стране Советов я жила очень хорошо. И все вспоминаю. Там я была пионером и комсомольцем... а в коммунистах не была. Недавно пришли ко мне с урной для голосования, спрашивают: «За кого будете?» Отвечаю: я за тех, кто верен клятве пионеров и комсомола. Кто всегда отвечает на призыв: «Будь готов!» — «Всегда готов!»

В школе-то я с пионерами водилась. А потом уж перешла в комсомол. Приняла ячейку из трех комсомольцев, а потом уж вырастила до тридцати. Девушки и мальчики.

— А бывали в больших городах?

— Никто не возил. Да и некогда было. Семерых детей ведь вырастила. Мало учительница, так еще и Мать-героиня. Нигде не бывала кроме Никольска.

Вот у нас одна женщина работала дояркой. В Красавине, кажется, если память не изменяет. У ее было одиннадцать детей. Вот старшие стали подрастать, в Никольск уехали. И говорят ей: «Мамка! Ты такую жизнь прожила, а нигде не была. Даже в Маркове. Давай, мы тебя в Никольск свозим. Покажем, какие города-то бывают. А она им: «Отступитесь, ребята, да мне и здесь хорошо».

— Понятно, хорошо. На старости лет будет с кем век доживать. Это нынче надеются на пенсию, — сказала старшая дочь.

— В 62-м пенсии-то начались в колхозах?

— Да.

— Ну, нас вызвали, учителей, на совещание. Газета пришла, значит. Указ уже есть. Идите, говорят, в колхоз к людям, объясняйте. Объясните, что вот такое пришло Постановление о пенсионном обеспечении. Пошли мы вдвоем с учительницей на сенокос, где работали люди. Прочитали газету, объяснили им все...

Радости-то! Обнимаются, целуются, плачут. Бабушки-то, которые вынуждены были работать, да те, кому возраст подходил, ликуют.

А я стала пенсионером позднее намного. А теперь

уж я не только пенсионерка, а и вдова, и участница, и Мать-героиня...

Получку получала 111 рублей, а потом на пенсию пошла — половину, 64 рубля. Долго получала 64 рубля. А потом, когда стало государство-то нынешнее... Россия-та, мне сразу 300 рублей прибавили. Пенсию. И с тех пор все стали прибавлять и прибавлять, а все до прежней не дотяну.

Любовь Георгиевна засмеялась, и все ее поддерживали. Да, вот такой у нас на Севере народ. Не сребролюбивый. Не стяжатель. Народ, для которого справедливость больше богатств стоит.

— Любовь Георгиевна, — попросил я, — а расскажите, как жили в деревне Красавине, Маркове.

— Я во многих деревнях учила. Специальных школ не было. Найдем у какой-нибудь баушки избу и учим в избе, с печкой. Кузнецов Дмитрий Васильевич был директором там, подобрал мне избу с баушкой. Вот я уроки веду, а бабка на печи сидит, ноги свесила, да еще и комментирует оттуда. Я смеюсь. Вот как учу. Еще и со своим методистом.

Надо сказать, что ученики очень хорошо вели себя, не баловали. Только неграмотность деревню задавила — она все побеждала. Неграмотным — нет дороги никуда. Нужно было вырвать деревню из этой беды. Вот мы и старались.

Самая главная книга у меня была — это «Букварь». Через «Букварь» я и вышла вот на какую дорогу, даже начальство спрашивает меня, как лучше.

«Азбуку» учим, начиная с сентября, — октябрь, ноябрь, декабрь... Вот ученик и становится грамотным. Он уже не просто с улицы мальчишка, уже чита-

ет и пишет. Даже показывает на карте, где города какие. А в четвертом классе все уже карту знали, историю.

Дети очень хорошо, уважительно относились ко мне. Умные дети были в крестьянстве, небалованные. Хоть они сразу с улицы ко мне приходили.

Одно время я работала в Нигино. Первый и второй год войны, как раз захватила там. Война. Веду занятия. Большая перемена прошла. Сели. Сидят все. Вдруг один мальчик что-то загоношился, Миша Сорокин. Семь лет ему было. Думаю, чего это он гоношится?

А их 22 человека в первый класс пришло. Одевает Миша свою сумку. А я у столика, как обычно, стою. Он вокруг меня обходит и к дверям. И я его спрашиваю: «Миша, ты куда?»

«Насидевсе, поду домой!»

А я и говорю:

«Миша, завтра-то приходи!» Из дверей уж крикнул: «Приду!»

А ученики все встали, хохочут: «Мишка-то одурел, Мишка-то, почто ты!»

Вот конец учебного дня. Закончила я, расстроенная такая, как я буду учить, если у меня будут ученики с урока убегать... «Насидевсе, поду домой». Надо что-то делать, чтоб они полюбили школу, и любили сидеть за партой.

Пошла к родителям. Надо же им сказать, чтобы не пбили Мишу за то, что раньше пришел, чтобы не поругали, а то он вообще ходить не будет в школу.

Объяснила им, что ребенок только что с улицы, отсюда и «насидевсе», и «поду домой».

Я говорю: «Вы не вздумайте его поругать или побить. Запрещаю! Я с ним еще поработаю, объясняю, зачем мы в школе сидим. Что мы не просто сидим, а мы изучаем „Букварь“, „Азбуку“. Вы все читать будете, вы все грамотными станете, вам все дороги открыты будут».

А вот из них иные стали и учителями потом, и всякие другие профессии получили. И все пошло с чего? — С «Букваря». Это — главная моя книга, «Букварь». Это он меня вывел в люди. Научила детей.

Мать родила. Она жизнь дала. А учитель дает знания, дает знать, что его окружает, как живут люди, что за природа. Учитель это... совсем другое, другая тема.

И так, у меня ученик этот стал вот учиться, вырос большой. Когда встретимся, бывало, говорит: «Ой, Любовь Георгиевна, я бы у вас бы еще поучился!»

— «Так, Миша, а с уроков не сбежишь?»

Тут Горбунов оживился:

— Отец-то у меня каков был ученик-то? — спросил с интересом Геннадий Александрович.

— Отец-то. И он пришел к нам, к бабушке своей. Я там жила на квартире. Мы лампы заправляем к вечеру. И он рядом стоит да смотрит. Слушает. А потом и говорит:

— Бабка! Учительница твоя говорить не умеет. Она говорит «керосин, керосин», а надо говорить «ка-ра-син»! Да и повторил еще: «Учительница! А и говорить не умеет... Правильно надо говорить „ка-ра-син“!» — и ручкой вот так прихлопнул. Смешные.

— Любовь Георгиевна, а он ведь всего четыре

класса и кончил. Четыре класса у него всего образования было. А ведь всю жизнь проработал заместителем председателя и партторгом колхоза.

— То есть, он всю жизнь управлял. Характер с малых лет проявлял... Мы с ним встретились в сельсовете в Среднем Починке. Разговорились про детей. У него — сыновья, а у меня — три дочери. «Любовь Георгиевна, будем мы с вами родня. Вот поженятся они у нас, и будем мы родня».

— А так и не пришлось породниться?

— Война нарушила все. В войну комсомольцы очень хорошо себя показали. Мы все помогали тем, у кого на фронте-то мужики: и с дровами, или на огородах.

— То есть, комсомольцы помогали тем семьям, у кого ушли мужья на фронт?

— Да-да-да. А с фронта-то письма стали получать похоронные, придет ученица какая, либо мальчик придет утром: «Любовь Георгиевна, от папы у нас похоронка пришла...» Да как заплачет! Что я могу ему сделать?

Возьму, поглажу, пообнимаю и отпущу домой. Скажу, иди Маша домой, мы потом с тобой позанимаемся за

урок. А ты поди к маме, мама тоже ревет, что похоронка

пришла, сама не плачь и ее поддержи... И вот такое все не раз, не два — много раз было. Кто придет: брата убили, или скажут, что делали операцию там, руку или ногу отняли...

Вот одна девочка пришла: «Любовь Георгиевна, ведь у нас Романко умер!»

— «Какой Романко-то?»

А мальчику было 2—3 года, и — умер.

— «Так зачем ты в школу-то пришла? Надо было там быть, попрощаться. Иди-ко, давай, домой. Да, и мы с тобой потом позанимаемся, после занятий, и не пропустишь ты. Напишем и все сделаем.

Кто-то из девочек: «Брюшинка болит...»

«Ну, чего же мне с тобой делать-то? А пойди-ко ты домой». Вот брату ее, он учился в третьем классе, и говорю: «Миша, одевайся и уведи Олю домой. Бегом не бежи, не оставляй ее. Уведи домой, раз у нее брюшинка болит».

И отправила с братиком ее. Вот так. Всего не расскажешь. Много я наработала.

Один мальчик приходит посередине урока. Где же ты бегал? «Я не бегал, не играл. Я все шел».

«Да как ты... шел? Вот, ученики уж вот, пришли давно».

Я за этим мальчиком первую целую, неделю заходила. Как раз мой дом дальше ихнего, так по пути мне. Наказала матери: «Приготовь его, одень, и пусть он меня поджидает, я больше не буду его прощать, что он пропускает первые два урока, самые главные». Так с неделю так таскала за собой его, и приучила.

А другой мальчик опаздывал, спрашиваю: «Ты чего, Леня, опаздываешь на уроки, как Ваня! Ты тоже все идешь?»

— Нет, я никуда не ходил, я все ел.

— Леня, как это, чего ел-то?

— А картошки помыл, потом почистил, нарезал и пожарил на плите. Вот я и опоздал. Я все ел.

Я пошла к родителям: приготовляйте ребенку сами, ставьте за заслонку что-нибудь, эту же картошку, прикройте что ли, чтобы он больше не опаздывал.

Вот так я и решила, чтобы не опаздывал. Мать стала ему готовить, поставит и молочка и картошечку.

После войны стало мало учеников поступать в первые классы. А вот до войны-то бывало по 40—45 в классах. Надо их научить. Да все разные. И все чтобы знали алфавит.

А как начнут читать — ой, тогда прощаемся с «Букварем»! Радости у меня, как у самого ребенка, хорошо и мне. Так я рада была, что я учеников обучила — читают, и пишут, и считают! Как рада! Много учеников научила. В Рамешках за 8-то лет грамотные все стали от меня. Мать-то народила, она жизнь дала. А я весь мир им открыла.

Был клич: «Долой неграмотность!» Тогда учителей опять просят: надо обучать взрослых. Вот я из Красавина-то к Денисятам ходила учить взрослых. Мужиков и женщин. Карту мне повесили, доску повесили. Колхозы были, давали зарплату не деньгами, а натурой, так надо посчитать и расписаться в ведомости-то. Вот я и там грамоте народ обучила.

— Любовь Георгиевна, — спросил Горбунов с самым серьезным видом, — вот Вы много прожили, много повидали, и действительно, кроме добра ничего не делали.

Но, а вот Ваше мнение, куда идет страна? Куда идет деревня нынешняя? Ваше мнение. Что будет с деревней? Будет ли она развиваться, как раньше, будет ли она и дальше давать людей большого поле-

та?

— Трудный вопрос. Я полагаю, что все придет к тому, как было. Люди русские — очень хороший народ. Настойчивый, трудолюбивый, и незряшной. Все к лучшему пойдет.

— То есть, деревня возродится?

— Да конечно! Все будет хорошо. Дожить бы мне!

Огни у дороги

Деревня эта называется довольно интересно: Кумбисер. Стоит она километрах в пятнадцати от Никольска на высоком холме, с которого открываются неоглядные дали. Как-то зимним вечером возвращались мы в Никольск на базу к Горбунову. кругом лежали дремотные засыпанные снегами поля и темные леса. Деревеньки не подавали признаков жизни, дома, угрюмо надвинув на окна шапки заваленных снегом крыш, были темны и безлюдны. Но вот, выскочив на угор такой же темной деревни Кривяцкое, мы увидели, что через сумрачную ложбину, на другом угоре, торжественно и жизнеутверждающе горит фонарь и сияют окна большого дома.

— Это дом Василия Уторова сияет, — сказала нам встречная бабушка. — Поезжайте к нему, так он вам и лапти сплетет и сказок нарасказывает...

Уторова и его жену я знал. И все время поражался решимости их, когда после службы в армии, оставив в Ялте благоустроенную квартиру, они вернулись в Кимбисер, родную деревню Василия... Это было как раз в ту пору, когда главой района был Геннадий Горбунов.

Не заехать на тот призывный огонь в ночи было никак невозможно. Без этих разговоров и воспоминаний как представить жизнь большого северного края? И мы свернули с дороги в освещенный заулок. И тот час попали в тепло не только источаемое печью, но тепло душевное, источаемое самими хозяевами. И пока жена Василия Самсоновича собирала на стол, хозяин, не оставляя заделье — готовил жене на юбилей берестяной сюрприз — принялся рассказывать историю своей жизни и ремесла.

— Был у нас в деревне такой крестьянин — Дмитрий Васильевич Баев. Это был глубокий старик. Когда-то у него было собственное стадо в 10 коров. Стадо забрали в колхоз, самого не тронули, но жил он, как изгой.

Вот тут, внизу под угором, его дом был. Недавно только упал. Хозяев давно уж в живых не было, а дом стоял, словно ждал чего-то или кого-то.

...Здесь я не удержусь и вклинюсь в этот рассказ. В книге краеведа Корепина о раскулачивании я нашел такую справку о раскулаченных семьях в Кумбисере:

1. Баев Николай Иванович д. Кумбисер.
2. Рыжков Павел Васильевич д. Кумбисер.
3. Уторов Василий Алексеевич д. Кумбисер.
4. Уторов Василий Осипович д. Кумбисер.
5. Воронин Иван Наумович д. Кумбисер.
6. Воронин Андрей Наумович д. Кумбисер.
7. Баев Иван Сергеевич д. Кумбисер.
8. Кузьмин Алексей Иванович д. Кумбисер.
9. Рыжков Николай Григорьевич д. Кумбисер.
10. Рыжков Иван Ильич д. Кумбисер.
11. Воронин Иван Семенович д. Кумбисер.
12. Шиловский Николай Васильевич д. Кумбисер.

13. Шиловский Егор Павлович д. Кумбисер. 14. Рыжков Василий Петрович д. Кумбисер 15. Шиловский Иван Григорьевич д. Кумбисер. 16. Баев Прокопий Леонтьевич д. Кумбисер. 17. Баев Василий Петрович д. Кумбисер. 18. Уторов Александр Васильевич д. Кумбисер. 19. Шиловский Павел Михайлович д. Кумбисер. 20. Шиловский Иван Павлович д. Кумбисер. 21. Шиловский Михаил Максимович д. Кумбисер.

Да, основательно почистили Кумбисер большевики. Двадцать с лишним семей из семидесяти подворий. Почти каждая третья семья... Да сколько не вернулось с полей Второй мировой. Как было не пасть русской деревне... А вслед за войной восстановление промышленности, гидростанций, целина, космос, создание нефтегазового комплекса страны, которые обескровили ее, выкачали последние силы...

— Так вот Дмитрий Васильевич Баев уходил от мира, не в силах, видимо, перенести обиду. В глухой тайге у него землянка была.

Началась война. Проводили мы отца на войну, и больше мы его не видели. А жить не чем. Вот моя мама пошла к Баеву и взмолилась перед ним: «Дмитрий Васильевич, научи парнишку лапти ковырять. Ведь нечего носить, в школу осенью пойдет, а носить нечего». А мы остались вчетвером, две сестры у меня, мама и я, вот.

Баев-то не больно разговорчивый был. «Ну что, — говорит, — оставляй, тогда».

И вот она меня оставила там, в тайге, и стали мы с ним жить.

А потом я уже несколько лет к нему ходил в тайгу. Многому он меня научил. Я научился плести лапти,

ступни и пестери, а остальное потом, раз это умею, уж от себя пошло.

Мама меня привела к Баеву в августе, вот ушли мы с ним в тайгу. Надо лыко драть на лапти. Дедко отслоил ленту бересты от березы, помял ее, на зуб попробовал и говорит: «...рано еще. Надо подождать с недельку. Потом уж и станем заготавливать лыко». А пока отгадай загадку:

«Стоит в поле дерево древанское,
 На этом дереве семь угодьев:
 Первое угодье — в избе обиходье,
 Другое угодье в кругу вертится,
 Третье угодье — старому и малому потеха,
 Четвертое угодье — на крышу крышка,
 Пятое угодье — по дорожке след,
 Шестое угодье — всю ночь свет,
 Седьмое угодье — всему миру масло».

— В загадке той зашифрована, — вспоминал Уторов, — была береза и свойства. Угодья — голик, которым пол метут, веретено, банный веник, береста, лапоть, лучина и деготь... Теперь вот о бересте.

Береста для наших далеких предков была материалом священным. Через бересту, считали прашуры наши, человек общается с миром ушедших. Береста и в самом деле уникальный материал. Она обладает способностью сохранять свежими продукты, в берестяном склотне молоко и сметана долго будут свежими.

Скажу сразу, как склотень сделать. Его снимают с березовой чурки целиком. Потом распаривают низ склотня в горячей воде и вставляют в дно круглый опилыш чуть большего размера. Все. Как только

береста подсохнет, сколотень готов.

А если мы сошьем свои туеса сосновым корнем, получится пестерь. Раньше многие корневым промыслом занимались, из соснового корня чего только ни плели. И корзины-корневухи, и сундуки, и мелочевку всякую...

Дед распаривал на костре ивовые прутья, скручивал их в веревки и изладил из них заплечные ремни для берестного коробья. Пойдет рыболов на реку, положит пойманную рыбу в пестерь, и не страшна улову жара, береста спасет. Мука в берестяном туесе не прогоркнет, в крупе паутинщик не заведется...

А уж берестяные лапти ноги от стужи и мокроты, от всякого грибка и болезни защитят. Береста и дом, и амбар

покроет и не сгниет под дождями. Лодка берестяная легка и поворотлива, на плечах из реки в реку перенесешь. В лесу береста поможет огонь добыть и воду сберечь, и суп сварить и чаю попить...

А еще береста — это красота в доме. Береста бывает не только белой, но и розовой и коричневой и золотистой...

Вот и жили мы в тайге старый и малый.

Дед в тайге еще бортничал. Наделает в деревьях дупел, приманит пчел и собирает в конце лета мед. Опасный это, надо сказать, промысел. Борти довольно высоко, пчелы злющи, так жиганут, что летишь с дерева и радуешься, что жив пока.

Да и медведи не упустят случая борти разорить. Так дед чего делал? Подвесит на веревке тяжелую чурку вдоль ствола пониже борти, вобьет в нее гвоз-

дей да заточит их. Мишка на дерево полезет, махнет лапой по чурке, чтобы не мешала, поранится, заревет... А меда все-равно охота. Только бы ему дальше лезть, а чурка возвращается — и в бок его гвоздями. Он еще пуще бьет, а чурка все сильнее раскачивается и все сильнее ответно бьет медведя... Поревит, поревит от обиды, да так ни с чем и уйдет косолапый.

...Я судьбу благодарю, что свела меня с этим стариком. На деревне считали, что он — чернокнижник. Я не знаю, что это означало. Но бывало, Баев оставлял меня в землянке и уходил и куда-то недалеко. Приносил завернутые в холстину невиданные книги в черных кожаных переплетах. Недаром в деревне поговаривали, что Баев, де, чернокнижник. Что у него есть старообрядческие книги. Вот я эти книги сам видел и читал.

Вечером перед сном дедко засветит коптилку и велит мне читать псалмы из книги. Вот я и разбираюсь, читаю по-старославянски. Видимо, у старика самого зрение было слабовато, а может и другое. Он мне говорил: «Ты все что читаешь, — запоминай». Видимо, он верил, что жизнь переменится, и не надо будет с Божьим словом в лесу хорониться.

У меня память была в те поры отличная. Многие тексты из тех книг я и сейчас помню... Надо будет кому, пусть записывают.

Как вернулся в Никольск, рассказал про таежную заимку одному человеку. Тот загорелся: пойдём туда, отыщем книги. Пошли мы. Тропы те давно заросли, но я помню все хорошо, привел его. А как пришли, так волосы дыбом встали. Тайги нет, весь лес вырублен, остатки брошены, ни пройти, ни пролезть.

Все же я нашел место, где избушка стояла. А где старик книги свои прятал, нет никакой возможности даже предположить, все перемолото гусеницами, завалено древесными остатками...

С деревней я надолго расстался. Около 30 лет служил в армии, форму носил. Поэтому деревенскими ремеслами не занимался. А когда вышел в отставку, то вернулся домой, восстановил отцовский дом. Однажды пошел в Никольск. А там — сувенирная лавка. Смотрю — лапти. Мне так они не понравились, сделаны кое-как.

Я сходил в лес, надрал лык, сплел лапти, принес в эту лавку. А была в этой лавке продавцом, потом она была директором Центра традиционной культуры, Галина Юрьевна. Она увидела эти лапти, и говорит: «Надо провести мастер-класс». Вологодские. Я их в лес водил, показывал, как снимаю лыко, как готовлю его, как плету. Вот с этого и началось.

Поддержал меня тогда и Горбунов. Словом, да поддержал. Вот про Горбунова хочу сказать. Он наш, настоящий, корневой. Видишь, косили-косили, да не выкосили. Остались еще настоящие мужики. Он ведь и район вытащил, пластом лежал, и хозяйство создал такое, что в России таких еще поискать. Это для нашего человека руководитель от Бога. Уж мимо никогда не пройдет, всякой старухе поклонится, поинтересуется жизнью и здоровьем...

Я у него бывал и на этой базе отдыха «Мария», где они праздники различные охотничьи проводят. Задаю ему вопрос: «Когда ж ты спишь?» А спать-то ему некогда. Поэтому он и вытянул такой воз.

Вот тут недавно встречались, поминали Анатолия

Владимировича Бетехтина, земляка из Аргунова, генерала Армии, главкома сухопутных войск СССР... Он же мой ровесник Бетехтин-то. Он немножко постарше, но мы с ним вместе гуляли, по беседам ходили.

Он тогда учился в Никольском педагогическом училище. А у меня были два приятеля, которые ФЗО в Ленинграде закончили. Они работали вот в Сретенском Соборе, восстанавливали Дом Культуры в нем.

Помню, оборудовали кинотеатр на втором этаже. И мы из деревни бегали туда. Это 47-й год был, еще хлебные карточки не отменили. Нам давали за работу по 400 граммов хлеба, мы подсобными работниками были.

Ну, и жили в общежитии недалеко. И вот эти ребята, которые в Ленинграде учились в ФЗО, они познакомились с Бетехтиным. Он тогда начинал писать стихи. И я вот помню, как он написал одно стихотворение.

Федя Коноплев и Сашка Коноплев были штукатурами. Ну, деревенским парням, конечно, в Никольске нужны были беседки. Деревенские беседки. А в это время в Никольске с деревень девчата тоже были, потому что в машинно-тракторной станции они ремонтировали свои тракторы. А после войны многие девчата на тракторах ХТЗ работали. Ну, а вечерами-то они всегда собирались где-то. Вот тут на Болотной улице жила одна женщина одинокая. Она пускала в свой дом эти беседки. Девочки и полы помогают ей, и дров, и воды наносят за это.

И вот эти два штукатура, я, потом еще двое мальчишек, один с нашей деревни гармонист, с тальян-

кой ходил. Бетехтин тоже стал приходиться на эти беседки. Девчата там рукодельем занимались — пряли, вязали, что-то плели — не бездельничали. Ну, а ребята с гармошкой — сразу давай русскую кадрили плясать. Ну, вы-то уж прекрасно знаете, что это за танец. А помню, Толя Бетехтин говорит: «Где-то еще есть хорошие беседки, будто бы на Яшкиной Мельнице».

И вот мы однажды пошли искать эти беседки. Был большой праздник, то ли октябрьские, то ли... Грязь на дороге, туда три версты по лесу перлись. Пришли на эти беседки — полный клуб. Там сплавщики жили. Лесом занимались. Молодежи там много было много-яблоку негде упасть.

Мы протиснулись в этот клуб кое-как, и вдруг слышим: гармошка по деревне идет. Кто — говорит: «Ну, сейчас будет драка».

И действительно, этот гармонист зашел, а там в зале кричат: «Под драку!».

Гармонист как дал по ладам. Не хочешь, а драться тянет. Кому-нибудь в ухо заехать.

Это такая то ли команда была, то ли призыв. Видимо, кто-то сообщил, что чужаки пришли. И вслед за этим удар. И темно стало. Кто-то железной тростью лампу керосиновую разбил. И тут заухало, забухало, застонало, девки визжат, народ в двери ломится...

Мы оттуда едва выбрались на улицу. Толя Бетехтин говорит: «Нет. Нас тут не ждут». И еще спел частушку:

«Наши кони запряжены,
Сели да поехали,

Нас побить-побить хотели,
Не на тех наехали!»

А как он написал стихи? Вот этот наш Федя был знаком в поликлинике с девчонкой. Она работала в регистратуре. Как обед — он быстренько в чайную, выпьет свой чай, и бежит туда.

А чтобы он не опоздал, мы знаем, что Федя там, идем и забираем. И он как-то подвернул ногу у этой поликлиники, и его эта девушка Зина положила в больницу.

И вот, помню, пришел к нам в общежитие в выходной день Толя, и говорит: «Ребята, пойдем, проведем Федю». Пришли мы в больницу — не пускают нас. Долго ждали, но все равно зашли. В палате там много мужиков лежало, наверное, человек девять. «По скользким...» — в общем, я полностью рифму могу и не передать, вот...

«У больничного порога
Подвигнул парнишка ногу,
На свидание спешил
И бежал, что было сил.
Тут в халате белоснежном
Обняла парнишку нежно
Симпатичная сестрица
Из Никольской райбольницы,
Приняла его шинельку,
И на койку на недельку...

Вот это запомнилось. Я поэтому и говорю, что он постоянно доставал записную книжку и что-то нее писал. Я тогда уже понял, что он занимался стихами. А стал полководцем...

Сверкает народное слов

Наверное, нигде так, как на Северных Увалах, не звучит завораживающе народная речь. Век бы слушал хорошего рассказчика и сам бы рта не открывал. Журчит, словно вода на перекатах, живое народное слово, поблескивает, посверкивает драгоценными самородками-образами. Да ведь не просто журчит, не просто сверкает, за словом тем безмерная глубина народной культуры и традиции, которую мы все понять и оценить не можем. Не зря ученые говорят, что язык народа — лучший археологический материал...

За несколько дней путешествий по Никольскому району было записано несколько часов разговоров с никольчанами. Невозможно оторваться. Насколько мелодична их речь, насколько образна, грамотна. Кажется, больше ничего не надо, лишь бы не прекращалось это журчание устной народной речи.

Генеральный директор ЗАО имени Павлова Горбунов, наш главный герой — удивительный рассказчик, его воспоминания о деревенской жизни настолько увлекательны и завораживающи, что мы потратили большую часть электронной памяти

на его рассказы.

Но судьба послала еще лучшего сказителя: Василия Александровича Корепина, проработавшего много лет председателем райисполкома. Несколько часов подряд, не сходя с места, слушали мы его наставления, как точить болты, как варить железо, как красиво кидать в парходную топку уголь...

Эти рассказы можно делить на главы и размещать на телевидении. Людей было бы не оторвать.

Было еще несколько героев с удивительным мастерством устного рассказа.

Но всех превзошла Ольга Рыжкова из деревни Кривяцкое. Кате Куваевой, сказительнице, известной теперь на всю Россию, еще много учиться у своей землячки...

Это Ольгу Рыжкову на деревенском пивном празднике корреспондент из Вологды спрашивал:

— А каков лейтмотив праздника?

— А чо это?

— Ну, изюминка, что ли...

— Так, буди, драча...

Ольгу мы нашли в центре традиционной культуры деревни Кривяцкое, где они с мужем Михаилом организовали показательное производство горшков.

— Вот я и работаю здесь сказочницей. Робятишкам сказки баю. Говорят, в деревне работы нет. А я вот на трех работах. Передайте там Путину. Три работы, скажите, у меня. Как в той сказке поп себе работницу нанимал. Мол, тебе, девка, у меня и делать ничего не надо: спи — отдыхай.

А сказки-то не всякой может сказывать. Вон, Маринка бает, что Мартевко у них бает, так бает, что

он бает, а у него не бается.

...3800 — моя зарплата за методиста в культуре. Да в школе вне классные уроки веду за 597 рублей 06 копеек. За кочегара в клубе — 6 тысяч. Только деньги получай, да спи, отдыхай. Вот начальство отчитывается верно: у работников культуры на селе зарплата 10 тыщ... И делать ничего не надо: спи, отдыхай...

— Может, сказку какую скажешь. Местную, — спрашиваю.

— Оссподи, слушай, буди, местную...

Жили-были в деревне Большое Фомино, что на речке Никитихе муж с женой. Жили-поживали, да добра наживали. Все у них было хорошо, сеяли-пахали, огород садили. Но одно плохо — не было детей. Не дал Бог детей.

Вот однажды Катерина и говорит своему хозяину, а он был мастеровой мужик у ее — лепил из глины горшки, плошки да кружки: «Давай, — говорит, — мы из глины сына и вылепим!»

«Что ты! — удивился старик, — какое вылепить, я всю жизнь горшки лепил, смогу ли я это сделать?»

А Катерина настойчиво требует: «Давай попробуем, может, чего и получится, кто знает?» Ну, ладно. Согласился: «Давай попробуем. Ты, Катерина, топчи глину, коль так».

Катерина истоптала глину ногами, хозяин начал лепить. Лепит задорно: туловище, голова, ручки, ножки — славный получился сын. Он взял его и посадил на полочку, чтобы он немножко подсох. Когда высох, он его взял, в печку... А Катерина уж в это время печку-то истопила, больно жарко в печи. Она взя-

ла его, на лопату посадила, да в печку — раз! Обжегся сынок, и выскочил из печки!

Ой, обрадели старики: какой славный сын получился! «Как назовем, имя-то ему дадим?»

«Как-как... Давай, так и назовем: Глинушка!»

А Катерина стала одежонку шить: рубаху, кушачок соткала, штаны домотканые ему сшила, лапоточки Василию Уторову в Кумбисире заказала. Вот, нарядили. До чего уж она рада своему сыну.

Она пирогов ему напекот, сметанки наснимает, угощает, до чего сына любит, балует его. Ну, а хозяин, бывает, в город съездит, купит ему леденцов, да пряников привезет. Угощают.

Он веселый такой растет, Глинушко-то. А хозяин еще свистульки из глины умел делать. Вот, возьмет свистулек Глинушка, и побежит к ребятам. То-то любо всем. Так они живут-поживают...

Однажды хозяин смастерил лодку, и говорит: «Уж подрос ты, Глинушко, поди, поплавай по речке Никитихе». Глинушко сел в лодку и поплыл. Плыл-плыл, и заплыл, очень далеко. Неба не видно стало, заоболочало, не знает Глинушко куда дале шествовать. Вдруг видит -бережок крутой, полянка на бережку. На бережку стоит избушка. «Ну, — думает, — дай, зайду, спрошу, как мне домой обратно вернуться?»

А старики-то в это время потеряли Глинушку! Ревут, бегают по деревне — ни в Фомине Большом нет, ни в Малом Фомине... Вся деревня ищет, не могут найти. «Все, старуха, пропал наш сынок! Был — и не стало...»

Длинная сказка у Ольги Рыжковой. Сколько Глинушку нужно приключений пережить, сколько тру-

дов приложить, чтобы человеком стать. Приедут дети из школы из Никольска или из Байдарова, чтобы к мастерству приобщиться, сядут вокруг сказительницы и не знают, как с ней и расстаться.

— Это пошто я сказки-то детям говорю? А чтобы знали: ремесло — не коромысло, плеч не оттянет. С ремеслом и увечный сыт будет.

Чья земля — того и воля

Осенний лес был светел и гулок. Нежарко горел костер, и языки пламени лизали закопченный котелок с ухой из карпов. Рядом с ним закипал такой же закопченный, выдавший виды чайник.

Я сел за стол, сооруженный между двумя елками, а Горбунов, одержимый деятельностью, тут же ушел

в тайгу, на ходу ломая сухостой, расчищая лес.

И, хотя времени у него выдалось совсем не много, — скоро закипела уха, и я его позвал, — но за каких-то пятнадцать-двадцать минут лес вокруг нашего бивака преобразился.

Я знал, что Горбунов частенько сам садится за рычаги трактора с бульдозерной навеской и чистит от снега дороги в лесу. А их более двухсот километров. Особенно любит использовать на эти цели выходные дни. Говорил мне, что это лучший для него отдых на свежем воздухе. И дышится легко, и думается вольно.

Да, я, видимо, еще не сказал, что агрофирма имени Павлова имеет под своим крылом охотничье хозяйство размерами в шестьдесят с лишним тысяч гектаров. Вот мы и отправились с Горбуновым в лес. Но не на охоту. Посидеть на свежем воздухе, послушать шум вершин и треск костра. Но как только уселись вокруг костра, вернулась в разговоры крестьянская тема:

— Слышал разговоры в Никольске досужие: «Вот, мол, Горбунов скупил все охотничьи угодья». Можно ли торговать землей? До сих пор это актуальная тема. Многие ученые экономисты утверждают: пусть крестьянин покупает себе землю и работает на ней в свое удовольствие. Правильно ли это, Геннадий Александрович?

Горбунов словно ждал этого вопроса. Наверное, не раз и не два этот вопрос вставал перед ним и был многократно обдуман.

— Тут ответ однозначный: если государство заинтересовано в продовольственной безопасности,

в развитии сельскохозяйственного производства, какой смысл ему крестьянину продавать землю. Дайте ему землю безвозмездно, но так, чтобы он чувствовал, что это его земля, а деньги, пусть он эти деньги потратит на улучшение земли, вкладывает в ее плодородие. А земли под охотхозяйство — это аренда...

— Другого ответа и не ожидал, — поддержал я Горбунова.

Приведу такой пример. В 1995 году с Центром гуманитарных исследователей при институте философии РАН мы проводили Международную конференцию на эту тему в Орле у Егора Семеновича Строева, бывшего в ту пору губернатором Орловской области и одновременно Председателем Совета Федерации.

Надо сказать, что в то время Егор Семенович производил впечатление человека из народа, демократичного, не терпевшего всякого рода бюрократических церемоний. Мы не раз ездили с ним по Орловской области, и я видел, как он общается с людьми. Было ощущение, что он знает каждую бабку и каждого человека, и с каждым готов обсуждать его проблемы.

И вот Международная конференция, посвященная проблемам земельного рынка. Председательствовал сам Строев, кстати, доктор сельскохозяйственных наук.

Конференция проходила за огромным овальным столом, за которым сидели участники конференции. Выступали большей частью представители иностранной науки, заявлявшие о необходимости созда-

ния в России земельного рынка. Причем они советовали сделать это в кратчайшие сроки.

В конце заседания, подводя итоги первого дня конференции, заговорил Строев. Выступление его походило на обвинение.

— Что вы тут нам сказки рассказываете? — обратился он к иностранцам. — Вы думаете, что здесь одни дурачки собрались? Учат они нас. Но мы знаем, что ни в одной стране мира нет свободной купли-продажи земли. Вы все здесь агенты ЦРУ.

Видимо, Строев попал в точку. Иностранные участники конференции стали наливать краской.

Потом Строев собрал своих замов и выдал им задачу:

— Всех иностранцев напоить до положения риз.

Вечеряли в ресторане передового хозяйства «Маслово» недалеко от Орла у Александра Драгайцева. Столы ломились. Особенно много было различных водок. «Иван Грозный», «Боярская», «Казачья», «На посошок» и т.д....

Умеют русские спаивать иностранцев.

Сначала пили за всю иностранную группу, потом за каждого в отдельности, потом — «за тостуемого до дна», потом — «за тостующего до дна», потом — «на посошок»...

Ехавший обратно рядом со мной англичанин изумленно повторял всю дорогу: «О-о! Иван Грозный! Я — пьяница. Я — алкоголик!» И все пытался ухватить за колено коллегу Джениффер, сорокалетнюю девицу из Земельного института США.

До самого утра нам пришлось нянчиться с потерявшими всякую ориентацию в пространстве

и времени, и забывших, кто есть кто, иностранцами.

А на утро они сидели за овальным столом конференции с убитым видом, отказавшись от всяких выступлений.

Кто-то из наших заметил:

— Они сегодня выглядят так, как будто продали собственную землю...

Так что, могу подтвердить, свободной купли-продажи земли нет ни в одной стране, которая дорожит своей продовольственной безопасностью.

Горбунов, внимательно выслушав мой рассказ, убежденно добавил:

— Я и до сих пор считаю, что это была диверсия. Это надо было Россию угрести. Да сама продовольственная-то безопасность — это одна сторона медали, но самое главное, что мы территории теряем. Вы посмотрите: теряем целыми районами! В Бабушкинском районе нет сельского хозяйства. В Вытегре — тоже нет. Во многих районах уже нет. А в Никольском — ну, что, одно хозяйство? Одно хозяйство! А сколько земли зарастает? А там, где нет сельского хозяйства, там идет полнейшая деградация.

И если люди 5—7 лет не поработали на земле, дай ты им сейчас туда любые миллионы — не заставить людей работать. Надо очень длительный период, чтобы хоть как-то вытащить их из этого болота.

Я изначально, как только началась эта «перестройка», однозначно был сторонником того, что сельскохозяйственная земля никогда не должна быть, никогда не должна быть предметом купли-продажи, — Горбунов, говоря об этом, даже разволновался. — Никогда! Никогда. Там никогда порядоч-

ности не будет. Там никогда правильности не будет.

— Да и это тщета такая. Человек — муравей на земле. Временный. Как он может покупать землю. Ведь всегда землю звали матерью. Как может он мать купить?.

— Поэтому я и до сих пор вижу в этом или зло, или предательство. По-другому не расцениваю. Сложно расценить по-другому, сложно.

Ну, а на средства производства: скот, техника, помещения, технологии, переработку — я считаю, должен быть хозяин. Считаю, что частная собственность на средства производства — она должна быть. Если не будет хозяина, то все эти трактора, помещения, скот скоро придут в негодность. Не все могут быть хозяевами. Раз так, они и не должны быть хозяевами. Только тот, кто действительно работает, умеет работать и хочет работать, может иметь право на пай в общем котле. А остальная часть может быть наемной.

— Ну да, Бог и лесу, говорят, не уравнил.

— Да. И лес не уравнил, и людей не уравнил. Без хозяина все остановится, начнет деградировать, загнивать и, в конце концов, умрет. Вспомни картины из недавнего прошлого. Приходит новый трактор в колхоз. Тракторист его через месяц опрокинул, изуверкал, ну, чего от этого трактора ждать? Или же машину. И в лучшем случае виновнику присудят месячный оклад. Месячный оклад!

Это смешно, да.

А много ли за месяц он заработает-то? Вот с таким отношением к делу. И что, он должен быть хозяином?

Посмотрите, из 24 колхозов у нас в районе остался один колхоз. Остальные как класс уничтожили, и виновных нет. Мы власть ругаем. Президенты у нас плохие, да губернаторы плохие. А мы тут герои все. Во власть все хотим затем, чтобы там работать одним мизинчиком да раз в неделю.

Весь район раскатали — и никто не виноват. И очень часто слышу: Горбунов виноват во всем. Больше всех.

— Так всегда и бывает: кто везет, с того и спрос. Как-то мы с известным писателем Владимиром Личутиным поспорили на встрече с читателями. Он говорил, что в развале страны и деревни виновата власть, а я говорил, что вину надо разделить хотя бы пополам. А мы безмолвно наблюдали, как все приходит в негодность, и никто и пальцем не пошевелил, чтобы остановить распад.

При социализме вошла в обиход формула: «А мне до лампочки». При капитализме: «А нас никто и не спрашивал. Мы-то что сделаем?»

— Как что? — Горбунов снова заволновался. — Я считаю, руки опускать нам нельзя. Ведь живем-то ради чего? Чтоб после себя оставить общество более красивое, более сильное, более трудолюбивое, более высокопроизводительное. Мы должны оставить своим детям, внукам лучшее, лучшие условия, чем получили мы. Поэтому, я считаю, что надо тут не ныть, не стонать, а, засучив рукава, делать дело.

Кто кому не дает? Сегодня возможности — неограниченны! В том числе и на земле-матушке. Я принял хозяйство свое, урожайность была 5—6 центнеров с гектара. Худо-бедно, сегодня — 18. В три раза

выше... И тогда мы сеяли 500—600 гектаров, а сегодня — две тысячи с лишним.

Тогда у нас еще в бункерном весе учет-то шел, сейчас — в амбарном. Вот и прикиньте.

При социализме рядом с Вологдой и Череповцом в то время работали мощные организации, обслуживающие село. И мелиорация, и агрохимия. И плодородный гумусный слой навожен в колесо. А нам-то? У нас дорог не было, нас финансировали по остаточному принципу. Улучшение плодородия — оно ведь до сих пор во всех странах мира субсидируется государством. А у нас этого нет. Нам на минеральные удобрения дают, а на органику нам как не давали, так и не дают! А надо заниматься органикой. Минералка-то нужна только для того, чтобы сбалансировать питательные вещества в почве.

Самое-то главное, руки не опускать. И нос не опускать. И не ныть, и не стонать, а искать любую возможность, как вытащить деревню. А возможности эти есть.

Мы говорим: работать невыгодно, да?

Плохо работать — невыгодно!

Хорошо работать — было, есть и будет всегда выгодно!

«Скрытая война»

Это мой взгляд на одну из центральных проблем современного производства. Мы плохо знаем свой народ. Особенно северный. «Мы» — я имею в виду тех, кто хочет понять происходящие сейчас процессы.

Однажды в девяностых годах я присутствовал на заседании научной конференции в РАН. Обсуждались вопросы «развития и реформирования агропромышленного комплекса страны», который, надо сказать, к тому времени вовсе не развивался, а стремительно разваливался.

Наверное, было не просто ученым со столичной пропиской, большей частью видевших деревню лишь в экспедициях и собиравших знания о ней на страницах книг и газет, выработать единственно верную «Стратегию реформирования села в 21 веке».

И вот одна ученая дама не молодого возраста, доктор наук, заметьте, устало бросила в зал: «Русский народ всегда воровал, ворует и будет воровать...». Это заявление меня окончательно разозлило и заставило жестко возразить.

— Обвиняют русский народ в воровстве только

невежды, да правители, которые не знают сути общинной деревенской жизни, да те, кто приходит в деревню со своим уставом, пытаюсь навязать свои правила, и еще тот, кто сознательно создает миф о вороватости русского народа.

Теперь я в своей почте нахожу подтверждение тому, что миф этот приживается уже в самом народе: «Мы умеем воровать...». А вспомните, давно ли в наших деревнях появились замки? Палка да кичига, приставленные к дверям, говорили о том, что хозяина нет дома. И все.

Русский народ — носитель общинного самосознания и общинного способа производства, когда справедливость при распределении созданного общиной продукта или землепользования была главным правилом деревенской жизни. В деревне каждый человек на виду, и даже такая пословица была: «Худой да свой». И воровство в деревенском мире было просто немыслимо. И сегодня даже под натиском разрушительных мифов, капиталистической идеологии вседозволенности, крайнего обнищания и разрухи, эти принципы деревенского общежития остаются главными в нашем селе. А как же тогда с растащивкой, которая со времен Хрущева и Брежнева началась в колхозах, когда с фермы тащили корма, сено, молоко, зерно с амбаров... А вот эту растащивку в народном понимании назвать воровством сложно. Тащили-то свое. Скорее, это было восстановлением попорченной справедливости, когда в деревенский мир вторглось государство, отбирая практически все, понуждая работать за палочки, вынуждая свести со двора скотину, отдать под пустырь огород...

...Кто и что у кого украл?

А ученые в Москве разрабатывают уже методы реформирования села в 21 веке. Кого и как реформировать? И когда меня спросили об этом, то я совершенно убежденно сказал, что самая лучшая реформа будет состоять в запрещении кому бы то ни было, и когда бы то ни было лезть в деревню со своими реформами. Обиделись... А на кого обижаются нам? Почему люди не хотят работать сейчас в деревнях и селах, почему хамят в магазинах и гостиницах? Почему ломаются трактора в полях, валочные машины на лесосеках, пилорамы... Почему пьют?

Наверное, потому, что здесь на Севере, где труд чрезвычайно тяжел, веками утверждалась система общинно-складнического способа земледелия, когда результат можно было получить только общим напряжением и общими усилиями. И поэтому даже небольшой результат этот должен был бережно и справедливо поделен. Поэтому, видимо, у нашего северного народа общинное самосознание и его природное стремление к справедливости в нынешних условиях оскорблено и требует «сатисфакции».

По сути дела, если лесоруб пьет на делянке, закинув пилу под елку, у тракториста трактор простаивает в канаве, а земля зарастает, если в кафе или гостинице вам хамит обслуга, то это она хамит не нам, она выражает протест владельцам бара, которые лишили ее работу всякого побудительного смысла. Этакая скрытая гражданская война. Поэтому я считаю, что капитализм на нашем русском Севере в тех его откровенных формах эксплуатации, когда одним хочется сразу из грязи да на Багамы, прибрал всю

прибыль к своим рукам, не делясь ни с кем, такой капитализм не станет созидательной базой для развития экономики и общества.

Ключи от Рая

А это взгляд Горбунова на ту же проблему.

— Я совершенно согласен, что здесь, на Севере, только коллективный, слаженный труд может привести к положительному результату, получить продукт, способный выдержать конкуренцию на мировом рынке по цене и качеству.

Здесь все дается с большим напряжением, большими затратами, чем в теплой, благополучной Европе, где государство заботится о своей продовольственной безопасности и заинтересовано в поддержке сельскохозяйственных производителей.

И если у нас, я еще раз повторю, на протяжении тысячелетий общинно-складнический способ земледелия был определяющим, то и причины наших проблем следует искать здесь. Это значит, что при распределении результатов труда решающее значение будет иметь справедливость при распределении. Особая, щепетильная справедливость.

Без этой справедливости не будет никакого развития.

Особая справедливость, исчерпывающая чтоб она была. Если этого нет, то не будет вообще никакого

развития.

Не будет справедливости — не будет результата, а люди будут терять смысл труда и морально разлагаться.

Поэтому, во всей своей практике руководителя принцип справедливости распределения у меня поставлен во главу угла. Это основа управления. Если разница в зарплате у руководителя и работника будет разниться в десятки и даже сотни раз, то такое производство обречено на скорый распад и банкротство.

Поэтому, оценивая причины распада производств и экономики района, области, и в целом страны, можно с уверенности делать вывод: нет справедливости в распределении.

Отсюда и ломы в пилорамах. Они появились тогда, когда... попрали достоинство, унизили тех, кто умел, желал трудиться, кто хотел жить красиво, счастливо.

Я в своем хозяйстве постановил и озвучил всему коллективу. Моя зарплата — 25 тысяч рублей в месяц. И все.

А все остальные зарплаты — от меня. И за все эти годы, имея право устанавливать себе любых размеров вознаграждение, я ни разу не переступил это правило. За все время, пока работаю на руководящих должностях, в том числе и главой района, могу сказать — ни одного несправедного рубля не прилипло к моим рукам. Ни одного!

Поэтому руководящими кадрами заниматься сегодня надо, как никогда. И во главе их подготовки

должны стоять: честь и справедливость. Руководитель должен все ступени пройти! И для этого больших-то средств не нужно. Но если не будем заниматься кадрами, кадровой политикой, ни хрена у нас не будет. Мы кого пропускаем сегодня во власть? Да тех, кто и сам без мыла в любую щель пролезет. Черт от черта. И таких — море! Для таких должен быть заслон поставлен.

А во власти должен быть тот, кто что-то уже доказал в деле. Тот, кто способен на новый уровень поднять вверенное ему предприятие или, скажем, район. Ну, вот...

Посмотрите, что пропагандируем. Пьянство, распутство, разбой, убийства. Это уже не исключение, а навязываемая норма жизни. Я то — взрослый, и могу отличить плохое от хорошего. Но ребенку... Как ему-то отличить? И он вот это плохое берет за истину. И сегодня оно в крови у него. Он этим живет. Это ж — беда! Это — беда. За эти годы мы очень много плохого принесли в душу человеческую. И они приходят во власть... Процентом 70, наверное, таких, если не больше.

Ну, мы-то думаем: «Как можно так? Ну, не знать руководителю таких элементарных вещей? А, оказывается, запросто. О хороших людях, о прилежных работниках — слова доброго не услышишь. Нет идеологии труда... Одно и то же: пьянство, распутство, убийства, рэкет... И на это тратятся шальные деньги...

Как обмануть, обжулить, бабушек каждый день телевизор рассказывает. А от этого снижения преступности не будет, а только возрастет она. Вряд ли,

там, наверху, этого не понимают. Похоже, эта политика введена в закон.

Новый шанс

«На всей земле, во все века
Гребут и давят мужика.
Но все, что пьем мы и едим
Добыто не тобой, а им.
Чем мир широк, чем стол велик,
Вскормил и выходил мужик...»

Этот крестьянский освободительный гимн написал в 16 веке немецкий поэт Ганс Гриммельгаузен.

С тех пор мало что изменилось...

История крестьянских преобразований в России на протяжении полутора столетий чаще всего имеет драматический и даже трагический характер. Александр II, царь-освободитель, отменивший крепостное право, был убит террористом. Министр внутренних дел Плеве, так много сделавший для развития русского крестьянства и земств, был застрелен. Убит и реформатор Столыпин. А уж советское переустройство деревни с принудительной коллективизацией и раскулачиванием, репрессиями против зажиточных хозяев, сселением деревень, и так называемые

реформы 90-х, явились настоящей Голгофой русского крестьянства, после чего на сельском хозяйстве России, казалось бы, можно поставить крест. Надо бы на мельницу, да не с чем. Вспомним, в восьмидесятых мы жили неплохо. Хотя на прилавках и было пусто, холодильники наши не пустовали: в сельском хозяйстве шло бурное строительство, наблюдался рост производства продовольствия. Но за этим ростом, надо признать, стояли все возрастающие текущие и капитальные затраты. То есть, получаемый продукт был гораздо дороже, чем продавался в магазинах. Например, килограмм говядины продавался по рубль девяносто, а реально стоил семь рублей. Искусственная дешевизна продукта вызывала его искусственный дефицит, породила коррупцию и вслед за ней скрытое перераспределение доходов в пользу нарождающейся мафии, что в конечном итоге привело к развалу всей, созданной ценой вели-

ких жертв, экономической системы социализма. Можно ли было спасти систему? Искания последних советских лет и были направлены на повышение интенсификации производства, экономической эффективности. Казалось, что еще несколько лет и наше сельское хозяйство будет способно не только кормить страну, но и конкурировать с западным.

Я много говорил на эту тему с Владиленом Валентиновичем Никитиным, бывшем в конце восьмидесятых первым заместителем Председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова. К тому же, он был Председателем Продовольственной комиссии страны. Мощный, решительный человек. В моем романе «Страна живого огня» он стал прототипом главного героя.

И вот что он говорил: «Популистская политика Горбачева привела к тому, что рост заработной платы стал быстро опережать производительность труда. К концу 90-х разница между денежной массой и массой товарной стала критической. Потому-то и оказались пустыми полки магазинов. Деньги было некуда тратить, и любой товар

сметался с прилавков и исчезал в холодильниках населения. Продовольствия в стране было достаточно. Нужны были, что называется, непопулярные шаги. Выровнять товарную и денежную массы путем повышения цен. И все! Но у Рыжкова не хватило на этот шаг решительности, а Горбачев берег свое «политическое лицо». Никитина, требовавшего решительных действий, Горбачев пытался убрать с дороги. С начала 90-х в сельском хозяйстве пошел спад. Новые реформаторы использовали все те же старые методы принуждения. Поспешная либерали-

зация цен вызвала еще большие темпы спада. Цены на сельскохозяйственную продукцию отстали от цен на средства производства, покупаемые селом, более чем в четыре раза. Принудительная реорганизация колхозов и совхозов, дробление их на мелкие хозяйственные единицы чаще всего вызывали дезорганизацию производства, резкое снижение производительности труда.

Нарушенными оказались отработываемые десятилетиями технологии производства, севообороты, племенная, селекционная работа. Сельское хозяйство оказалось еще раз отброшенным далеко назад, и воспрепятствовать этому разгрому было некому — в стране не было хозяев и слишком мало тех, кто был способен мыслить категориями рыночной экономики. СССР ввозил в прошлом большое количество зерна.

Теперь же Россия стала ввозить само продовольствие, вкладывая таким образом свои средства в сельское хозяйство зарубежья и отказывая в этих средствах собственному крестьянину. А стало это возможным потому, что завышен был по отношению к доллару курс рубля.

Поддерживался он за счет траты валютных ресурсов и иностранных займов, сделав тем самым импортную продукцию на рынке более дешевой. При таких условиях, понятно, никто из отечественных производителей конкуренции не выдерживал, потому кризис в сельском хозяйстве России привел не просто к отмиранию старого и неэффективного, но стал уничтожать сельское хозяйство в целом.

К концу 90-х из каждых 100 коллективных

хозяйств в России 90 оказались убыточными. Из 270 тысяч хозяйств фермерских лишь седьмая часть производила товарную продукцию, остальные же едва-едва обеспечивали себя. Примерно то же происходило и на Вологодчине. Какой уж тут рынок!

К началу 1999 года объем производства валовой продукции сельского хозяйства России упал в сравнении с 1990 годом на 40 процентов. Последствия переживаемого аграрного кризиса уже превзошли разруху, последовавшую вслед за первой мировой и гражданской войнами, коллективизацией и Второй мировой. Как говорится, надо бы на мельницу, да не с чем...

Как ни парадоксально, но от окончательного распада крупное сельское производство удерживали лишь накопленные долги. Основным производителем продовольствия стали мелкие хозяйства и личные огороды...

Русская пословица гласит: «Помирать собирайся, а рожь сей!» Август 1998 года многих привел в сознание. Заповеданная предками истина «На чужой каравай рот не разевай» нашла свое практическое подтверждение. Оказалось, что ввозим из-за рубежа до 50 процентов продовольствия. О какой продовольственной безопасности тут можно говорить! Но вот стоило доллару рвануть вверх, как выяснилось, что продукция нашего сельского хозяйства вовсе не дороже западной, а наоборот — дешевле. И что качество ее ничуть не хуже, а по многим свойствам и превосходит ее. Кризис в одночасье сделал нашу собственную продукцию конкурентоспособ-

ной, снизил перекося цен и дал сельскому хозяйству надежду на выживание.

Более того, скоро выявились хозяйства, эффективно работающие и получающие прибыль. На глазах стали богатеть крупные молочно товарные хозяйства в Вологодском, Грязовецком районах, поднялись птицефабрики, откормочные комплексы.

Однако, шли годы, а решимости изменить ситуацию в пользу собственного производителя, наши власти не проявили. И вот снова мы на полном ходу въехали в кризис.

И теперь нашему сельхозпроизводителю остается только молиться на санкции, которые ввели против нас Европа и Америка, отказав России в привозном караване. История дала еще один шанс нашей деревне.

Однако, молиться мало, нужно еще и работать. Работать истово, по-крестьянски, как умеет Геннадий Горбунов.

Агрофирма имени Павлова сегодня

Никольская агрофирма имени Павлова — крупнейшее на востоке Вологодской области многоотраслевое предприятие, серьезно занимающееся сельским хозяйством. Хозяйство носит имя Героя Советского Союза, уроженца пригородной деревни Верхний Рыстюг Василия Михайловича Павлова. История предприятия — это целый пласт новейшей истории нашего района.

Немного истории

С начала коллективизации, а в Никольском районе она началась в тридцатых годах, и до 1950 года колхозы были организованы почти в каждой деревне, в каждой бригаде. Деревни были многолюдные, люди трудолюбивые. На полях выращивали только хлеб и важную техническую культуру — лен, которую называли «северным шелком». А сено для скота заготавливали на заливных лугах и лесных пожнях. Колхозы в деревнях, входивших в современные границы нынешнего Краснополянского сельского поселения, носили актуальные по тем временам названия: «Революция», «Вперед», «Боевой», «РККА», «17 лет Октября», «Передовой», «Боевой»..... В 1950 году началось укрупнение колхозов — несколько самостоятельных, но мелких хозяйств объединялись, образуя более крупные и жизнеспособные колхозы.

Не прошло и десяти лет — в 1959 году новое укрупнение. На этот раз из колхозов «Боевой» и «Вперед» на территории Краснополянского поселения возник колхоз имени Мичурина. И почти сразу же — в 1960 году — колхозы имени Мичурина и «Россия» были объединены в еще более крупное хозяйство — колхоз «Россия». Колхозом долгие годы руководил Алексей Алексеевич Цыбенко. Хозяйство стабильно развивалось, было крепким.

Через десять лет — в 1970 году — процесс пошел в обратную сторону, началось разукрупнение коллективных хозяйств. Решением Никольского райис-

полкома от 26 октября 1970 года была создана комиссия, которая на основании решения собрания уполномоченных колхоза «Россия» от 23 октября этого же года составила акт о разукрупнении колхоза «Россия». На территории Краснополянского сельсовета образовались два самостоятельных хозяйства: колхоз имени Павлова и колхоз «Юг», а часть бригад-деревень вошла в состав совхоза «Никольский».

В колхоз имени Павлова вошли деревни: Мелентьево, Аксентьево, Коныгино, Верхний Рыстюг, Нижний Рыстюг, Гора Носково, Селиваново, Мокрецово, Животово, Солотново и Каменка. В колхоз «Юг» объединились деревни: Криводеево, Родюкино, Кожаево, Плаксино, Дор, Козловка. Председателем вновь созданного колхоза имени Павлова стал Николай Константинович Колтаков. Он не долго руководил хозяйством, уже весной 1972 года ему на смену пришел Михаил Николаевич Воронин, возглавлявший колхоз до конца 1978 года. Затем председателями колхоза имени Павлова в разные годы были Василий Михайлович Рыжков, Николай Николаевич Рогозин, Николай Васильевич Рыжков, Геннадий Александрович Горбунов, Юрий Иванович Полуянов, Галина Васильевна Бревнова.

В 2000 году к руководству хозяйством вновь вернулся Геннадий Александрович Горбунов, уходивший из колхоза с 1996 по 2000 год на непростую должность главы Никольского района. К колхозу имени Павлова началось присоединение некогда крупных и крепких, но к 2000 году уже разваливающихся соседних хозяйств. В июле 2000 года присоединен бывший осиновский колхоз «Каменный»,

а через год — в июне 2001 года — байдаровский колхоз «Заря востока». И с 5 июля 2001 года в Никольском районе началась история предприятия ЗАО «Агрофирма имени Павлова». В мае 2003 года уже в состав агрофирмы вошел и бывший колхоз «Юг», а немного позднее — теребаевская агрофирма имени Фрунзе.

Агрофирма сегодня

Многоотраслевое хозяйство ЗАО «Агрофирма имени Павлова» сегодня — флагман, районообразующее предприятие. Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова «флагман — самое крупное или лучшее судно флота». И агрофирма, действительно, ведущее предприятие района и по количеству работающих, — трудоустроено более 450 человек, и по количеству и разнообразию выпускаемой продукции. Находясь в зоне рискованного земледелия, в более сложных климатических условиях даже по сравнению с центральными районами области, удаленное на 400 с лишним километров от областного центра, предприятие уверенно и крепко стоит на ногах. И не просто выживает, а развивается! Успех предприятия во многом кроется в его многопрофильности, многоукладности. Животноводство, растениеводство, переработка собственной продукции, торговля и хлебопечение, лесозаготовка и лесопереработка, кредитный кооператив и охот-

ничье хозяйство, база отдыха и зарыбленные пруды... — все эти отрасли, взаимосвязанные между собой, и позволяют хозяйству выстоять в непростых реалиях современности. Не уповая на чудо, не надеясь на помощь сверху, павловцы своими силами реконструируют, строят, пускают в эксплуатацию производственные объекты. Добиваются отличных показателей в производстве, особенно, в основной отрасли — животноводстве. Надой на корову в агрофирме имени Павлова за год уже превышает 8 тонн молока при среднем показателе по области чуть более 6400 килограммов. Растет урожайность зерновых, ведется работа по улучшению плодородия полей. Более подробное знакомство с нашим хозяйством начнем с его ведущей отрасли — с животноводства.

Животноводство — основная отрасль многопрофильного хозяйства, на стабильное развитие которого в конечном итоге работают и все другие отрасли. Лучше, чем главный зоотехник хозяйства, главную отрасль предприятия не сможет представить никто. Любовь Петровна Моржинская главным зоотехником в колхоз имени Павлова в январе 1994 года пришла уже сложившимся специалистом, наработав нужный опыт в марковском колхозе «Восход». Не сразу, не одним днем, не взмахом волшебной палочки дойное стадо павловских ферм стало таким высокопродуктивным, каковым является сегодня. Это были годы, точнее — уже более двадцати лет ежедневной серьезной работы с генетическим потенциалом дойного стада.

И сегодня результатами своей работы главный зоотехник вместе с коллегами-животноводами и специалистами хозяйства может гордиться. Возьмем один показатель — надой молока от коровы за год. В 1988 году, когда к руководству колхозом пришел Геннадий Александрович Горбунов, надой на корову был 1947 килограммов. Любовь Петровна начала работу со стадом, где корова за год доила чуть более 2000 килограммов молока. Сегодня это показатель увеличен в четыре раза!

Слово Любови Петровне. «В нашей работе, я уверена, больше, чем в любой другой, успех дела зависит от того, как человек относится к порученному делу. Ведь мы работаем с животными, а они требуют от тех, кто их обслуживает, не только механического исполнения их прямых обязанностей: накормить, подоить, содержать скотопомещение в чистоте, но они чутко реагируют на отношение к ним, понимают доброе слово, ласку. Поэтому большинство наших тружеников ферм работают с душой, любят животных.

Дойное стадо в хозяйстве составляет без малого тысячу коров. По итогам 2016 года валовой надой молока по хозяйству составил 7221 тонну. Прибавку к уровню года предыдущего обеспечили по всем производственным показателям. Животноводы хозяйства добились запланированных показателей и в надоях на корову: в среднем по хозяйству от каждой коровы получено по 8060 килограммов молока. Самый большой валовой надой на Осиновской ферме. Здесь за год надоено более 1684 тонны

молока. Самые высокоудойные коровы по итогам года на Осиновской и Аксентьевской фермах. Лучший показатель в надоях на корову за 2016 год у операторов машинного доения Аксентьевской фермы Татьяны Анатольевны Ординой и Любовь Михайловны Слепухиной. Они надоили от каждой коровы своего стада по 9317 килограммов молока. Хочу отметить и коров-рекордисток нашего стада. Корова по кличке Бисиринка у доярки Любовь Михайловны Слепухиной с Аксентьевской фермы дала за год 13637 килограммов молока! С результатом 13596 килограммов немного уступила ей корова Винница из этой же группы (дойarki Ордина и Слепухина). Третий результат — 13466 килограммов молока за год у коровы Бирюзовой с Осиновской фермы у доярки Натальи Павловны Ухиной.

Стоит отметить и хорошие результаты в новом для нашего хозяйства направлении — в мясном животноводстве. Отлично зарекомендовал себя метод холодного выращивания молодняка, по которому мы работаем третий год. На двух открытых площадках возле ферм в Вырыпаеве и Осинове, где для животных созданы требуемые условия содержания, сегодня набирают вес двести бычков. А за время работы открытых площадок — с 2014 года — по этому экономически менее затратному методу здесь уже выращено и продано более 200 голов молодняка средним весом не менее 450 килограммов. Вес некоторых бычков значительно превышал 500 килограммов, были и экземпляры почти в 600 килограммов. Так что и в мясном животноводстве в нашем хозяйстве есть хорошие перспективы. К тому же, оборудо-

вание открытых площадок несколько снимает проблему нехватки скотомест для молодняка. И над этой проблемой, решая задачу по увеличению количества мест для содержания телят, постоянно работают и руководство, и специалисты агрофирмы. Например, в январе этого года 70 голов подросшего молодняка переведено в телятник, под который в Теребаеве переоборудовано здание бывшего деревянного зернового склада. А освободившиеся места в телятниках будет обживать нарождающийся молодняк.

Помимо дойного стада в агрофирме содержится более 1200 голов молодняка. И наши племенные телочки требуют особого к себе внимания со стороны всех специалистов с самого первого дня появления на свет — ведь мы выращиваем чистопородных коров. И об этом важном направлении в павловском животноводстве стоит сказать чуть подробнее.

Огромной благодарности и самых высоких похвал заслуживает работа моих коллег — специалистов зооветеринарной службы. Благодаря их профессионализму, умению находить и применять на практике передовые методы работы и новые технологии, наше хозяйство на хорошем счету и высоком уровне не только на уровне области, но и на федеральном уровне. Кропотливым каждодневным трудом каждого специалиста, достигнутыми высокими показателями мы регулярно подтверждаем статус нашего хозяйства, как племенного предприятия по разведению черно-пестрой и холмогорской пород крупного рогатого скота. Работа наших зоотехников-селекционеров по сохранению чистоты породы стада хол-

могорок высоко оценена специалистами Головного Центра Воспроизводства сельскохозяйственных животных (г. Москва): *«Вы смогли сохранить уникальное по чистоте стадо холмогорской породы! Ваше стадо холмогорок действительно уникальное, практически чистопородное. Ваши специалисты в этой отрасли очень умные, профессионалы настоящие».*

В этом огромная заслуга зоотехника-селекционера Антонины Александровны Бушмановой, которая уже второй десяток лет занимается селекционной работой, улучшением продуктивности дойного стада и работает над чистотой породы КРС. Ее профессионализм и добросовестный многолетний труд отмечен высокими наградами: Благодарностью губернатора Вологодской области, Почетной грамотой департамента сельского хозяйства.

После окончания Молочного института пришла на работу в колхоз имени Павлова в 1996 году ветеринарный врач Нина Николаевна Пахолкова. И с первых дней работы в хозяйстве всегда старается добиваться намеченных целей — поставив для себя высокую планку, работает всегда с полной отдачей. Сейчас она заместитель генерального директора агрофирмы по животноводству. Во всем, что касается профессиональной деятельности и что зависит от нее, для нее нет невыполнимых задач: убедит, потребует, докажет и в результате — сделает, найдет выход из любой сложной ситуации.

Животноводство в нашем хозяйстве — отрасль перспективная, как в развитии молочного и мясного направления, так и в племенном деле. Как уже отмечалось, Головной центр воспроизводства сельскохо-

зйственных животных оценил наше уникальное по чистоте стадо холмогорок и там заинтересованы в том, чтобы мы выращивали племенных бычков для улучшения всего стада холмогорок в России. И они готовы заказать у нас племенных бычков этой породы.

Эту работу мы уже начали. Реализация племенных бычков даст хозяйству статус племенного завода. Но это дело не одного месяца. Так что мы пока ведем все подготовительные работы для достижения следующего уровня нашего хозяйства в племенном деле — получения статуса племзавода. Вполне реально получить этот статус при проведении следующего лицензирования по этой породе. Лицензия по холмогорской породе у нас действительна до 2018 года. И племенная работа по разведению скота холмогорской породы в агрофирме выйдет на новый, более высокий уровень».

Перерабатывающая отрасль в хозяйстве представлена маслозаводом. Это структурное подразделение агрофирмы занимается переработкой молока, поступающего с наших ферм. На предприятии трудится более 50 человек. Мощности постоянно реконструируемого предприятия сегодня позволяют перерабатывать до 50 тонн молока в сутки. За последние несколько лет в производственных цехах проведен капитальный ремонт помещений, заменены системы отопления, водоснабжения. Отработавшее свое, устаревшее оборудование меняется новые технологические линии. Установлены новые линии по производству творога, налажен выпуск мелко

штучного сыра «адыгейский» и масла сливочного в контейнерах.

Вся продукция маслозавода, вырабатываемая только из свежего натурального молока, пользуется большим спросом не только у никольчан, но и далеко за пределами района: возим ее Костромскую и Кировскую области, в Вологду, в соседние районы. Ассортимент выпускаемой сегодня продукции широкий: молоко, кефир, сметана, «снежок», творог, сыр «адыгейский деликатесный» и, конечно же, сливочное масло. Павловские маслоделы по праву могут гордиться своими достижениями, ведь каждый из них принимает участие в изготовлении продукции, из года в год завоевывавшей золотые медали на престижном ежегодном международном конкурсе молочной продукции, проходящем в городе Угличе Ярославской области. «Золото» традиционно берут масло сливочное «Крестьянское», сыр «Адыгейский деликатесный», сметана, «серебро» у творога обезжиренного.

Говоря об отрасли переработки сельхозпродукции в агрофирме, нельзя не сказать об **убойном цехе**. Как всегда, оперативно и качественно, павловцы сделали его своими руками — под убойный перестроили пустующее здание кормоцеха. Объект очень важен не только для агрофирмы, но и для всего Никольского района. Ведь уже отошли те времена, когда скот забивался зачастую прямо в скотопомещении, тут же и разделка проводилась. Современные требования к проведению забоя животных ужесточились, и с пуском этого объекта, отвечающего всем современным требованиям, в Никольском районе

забой скота сейчас проводится цивилизованно.

Растениеводство. Посевные площади хозяйства составляют без малого 5000 гектаров. Зерновыми культурами ежегодно засеваются более 2100 гектаров, многолетние культуры занимают около 2500 гектаров. Растениеводство — основа развития животноводства — основной отрасли хозяйства. Выращиваемые на полях зерновые идут на приготовление сильных кормов для поголовья скота, многолетние травы заготавливаются на корм животным в виде сенажа, силоса, сена. И в растениеводстве агрофирма идет в ногу со временем: приобретает современную почвообрабатывающую технику, новые технологии применяются на заготовке кормов, внедряются в производство более урожайные зерновые культуры, новые виды многолетних трав.

Большая работа ведется в хозяйстве по улучшению плодородия земель. Последние несколько лет очень серьезно занимаются павловцы внесением органики на поля. Навоз от всех ферм хозяйства отвозится и складировается в большие бурты. А через положенное время уже перепревший навоз, превратившийся в идеальное органическое удобрение, вывозится на поля и запахивается.

Народная мудрость гласит «весенний день — год кормит». Чтобы вовремя, в оптимальные агротехнические сроки проводить весенние полевые работы, нужна соответствующая техника. В хозяйстве имеется большой автотракторный парк, на смену устаревшей сельхозтехнике приходят современные мощные и многофункциональные агрегаты.

Завершающий этап работы хлебороба — жатва. Из зерна нового урожая надо отобрать и засыпать семена на посевную следующего года, а остальное зерно пойдет на фураж, на корм скоту. Модернизации сушильного хозяйства павловцы уделяют особое внимание. За последние три года последовательно идет повышение мощностей сушильного комплекса. Одна за другой установлены две новые современные сушилки, заменены на более высокопроизводительные теплогенераторы, сортировки.

Торговля и общепит представлены сетью магазинов ООО «Павловское» (17 магазинов), кафе «Заречье» и пекарней, на которой за год выпекается более 350 тонн хлебобулочных изделий широкого ассортимента. Расширение сети павловских магазинов тоже продиктовано суровыми реалиями жизни, ведь доходы от торговли тоже идут на поддержку основной отрасли — животноводства.

Лесозаготовка и лесопереработка — одна из значимых отраслей в нашем многопрофильном хозяйстве. Основной объем древесины заготавливается в зимний период, но вся отрасль стабильно работает круглый год. И о том, что это производство развивается, говорят показатели выпуска продукции лесопильного цеха. В 2016 году, например, распилено 9160 кубометра круглого леса, получено 4383 кубометра пиломатериала. По сравнению с 2015 годом, нашим переработчикам удалось увеличить выпуск пиломатериалов на 695 кубометров. Отличный результат. Большая часть пиломатериала будет продана в южные регионы, а оттуда в агрофирму привезут жмых, патоку, при необходимости — недоста-

ющее количество южного ячменя. Все это нужно для приготовления сбалансированных сильных кормов для скота. Кстати, корбикормовый цех в хозяйстве тоже свой. Ежедневно, по заданному специалистами рациону, готовятся в цехе и развозятся по фермам хозяйства десятки тонн свежеприготовленных комбинированных кормов.

Есть в агрофирме и свой банк. **Сельскохозяйственный потребительский кредитный кооператив «Никольск»** работает уже более десяти лет. И за годы работы достигнута цель, поставленная при создании кооператива — денежные средства доступны небогатым людям, работающим на земле. Нужды населения разные. Кредит берут на строительство и ремонт хозяйственных построек, приобретение скота и кормов, на обучение, на лечение, на улучшение жилищных условий. Есть заемщики, которые за счет займов в кооперативе «Никольск» построили жилье.

На базе отдыха «Мария» в комфортных условиях одновременно могут проживать более 30 человек, к услугам отдыхающих и туристов (помимо благоустроенных домов с уютными и комфортными номерами) — Дом охотника с кухней, уютным залом с камином, и Домик рыбака, беседки над живописным прудом. Для детворы здесь тоже раздолье — целый детский городок вырос на широком лугу над прудом: яркие качели, карусели, горки... Большой зарыбленный пруд и неописуемой красоты пейзажи этого изумительного уголка природы — доступны каждому, кто хочет насладиться тишиной и уединением.

Общество охотников и рыболовов «Павловское» существует уже без малого два десятка лет. Объединяет более 120 охотников-любителей, располагает своими угодьями площадью 58,8 тыс. га, в штате общества три егеря. Круглый год штатные егери и их добровольные помощники из охотников проводят все работы, предписываемые законами, уставами, требованиями контролирующих организаций.

«Будем строить — будем жить», «кто не строит — то не живет», — под такими девизами руководит агрофирмой Геннадий Александрович Горбунов. Павловским строителям под силу объекты любого назначения, любой сложности. Надо пристройку к ферме сделать — пожалуйста! За три осенних месяца в Кожаеве с нуля начали и запустили в эксплуатацию капитальный телятник, где сегодня содержатся нетели. Переделать пустующее здание конторы под квартиры — да запросто! В Осинове, в Теребаеве, в Кожаеве, в Югском ждут сегодня своих хозяев благоустроенные квартиры. Собрались сносить старый, еще колхозных времен, навес для сельскохозяйственной техники на хозяйственном дворе агрофирмы. Ан, нет! Там такие крепкие колонны оказались. Неполных два месяца работы для строительной бригады — и готов почти новый зерновой склад на 1500 тонн. У агрономов, которым хронически не хватало помещений для засыпки семян, стало одной проблемой меньше. Убитая до неприличия база бывшего «Агроснаба» на улице Заводской силами павловцев превратилась в современный центр механизации, где «под одной крышей» сегодня

собрана вся техника, да и заправочная станция туда же переехала. Ежегодное благоустройство базы отдыха «Мария», ремонты, реконструкции с расширением многочисленных Павловских магазинов, пуск убойного пункта, реконструкция сушильного комплекса, надстройка третьего этажа на административном здании и превращение его просто и шикарный, просторный и светлый зал, и — всего не перечислить ... — все это дело рук павловских строителей, электриков, сантехников, слесарей и... просто рукастых и головастых николевских мужиков.

Животноводство — особая тема и в строительстве. Постоянные ремонты ферм и телятников, приспособление любых подходящих старых объектов под скотопомещения, которых так не хватает в хозяйстве для содержания молодняка, оборудование площадок для выращивания молодняка холодным методом... И круглый год в работе павловские строители. И еще долгие годы им строить и строить, а агрофирме жить и крепнуть под добрым созидательным девизом «Будем строить, будем жить!»

Валентина Лукьянова,
редактор газеты «Агровестник».

Оглавление

ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ	4
По Увалам на Восток	5
Амстердам — Кич-Городок	11
Рай на Северных Увалах	14
В страну Муравию	17
Осталось хмель посадить	22
Эпоха папы Толи	27
По волокам	29
Так кто же был кукурузником?	31
По минным полям	34
«Кадры решают все»	36
Никольский таракан	42
Год за три	44
Не бахваль!	49
По всем направлениям	51
Депутат Никольщины	53
Горбунов тот, кто гармонизирует деревню	61
День кипучий	68
Наследство Емельянова	78
Матуха и дворовой	84
Универсальная деревня	87
И рыбка из пруда	90
Успеть до отпуски	94
Красота «Марии»	96
Чье имя носит хозяйство?	100
Подвиг под Тарановкой	102

На такси по рыжики	113
Жена: «Гнездо — моя забота...»	120
Дорога к дому	125
Колхозная колыбель	134
Красный сарафанчик	144
За мешок овса	148
Трудяги, лодыри и пофигисты	149
Дома и солома едома	152
«Дурное» Нигино	154
К земляку за помощью	159
Не колхоз, а песня...	163
Хождение во власть	167
Из болота	168
Как наладить аппарат? Сократить его!	173
«Налетай, подшевелело, было рубель, стало — два...»	174
Задышала, ожила деревня...	175
Не опубликованная статья таксиста — журналиста, бывшего редактора «Уездных новостей»	178
Председатель	182
В колхоз на работу	185
Глава района	188
Будем жить — или доживать?!	192
Итоги	197
Мечты сбываются	199
Как выйти в люди?	202
Аргунавты	212
Большуха	214
Созидателей мало	216
Ума много, толку нет...	218
Советская царского производства	220
Огни у дороги	231
Сверкает народное слов	241

Чья земля — того и воля	246
«Скрытая война»	254
Ключи от Рая	258
Новый шанс	262
Агрофирма имени Павлова сегодня	268
Немного истории	269
Агрофирма сегодня	271

Анатолий Ехалов

За северным ветром
О земле, о воле и крестьянской доле. Нескучные беседы
с хранителями русских деревень

Художник Виктор Подгорнов